

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт российской истории РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 2 (6)

Москва-Сыктывкар 2010

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2010. № 2 (6).

Основан в 2008 г.
Выходит 2 раза в год.

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционный совет

академик Ю.А.Поляков (председатель, Москва), академик В.В.Алексеев (Екатеринбург), В.Б.Жиромская (Москва), А.Е.Загребин (Ижевск), член-корр. РАН В.Н.Лаженцев (Сыктывкар), С.Лаллукка (Хельсинки), В.И.Меньковский (Минск), Л.Л.Рыбаковский (Москва), А.С.Сенявский (Москва), А.Ф.Сметанин(Сыктывкар),А.И.Таскаев(Сыктывкар)

Редакционная коллегия

И.Л.Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.В.Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Е.Н.Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В.Аргудяева (Владивосток), В.А.Исупов (Новосибирск), Г.Е.Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф.Кринко (Ростов-на-Дону), Д.А.Несанелис (Усинск), С.А.Прокопенко (Ульяновск), И.А.Разумова (Апатиты), А.В.Репневский (Архангельск), В.А.Семенов (Сыктывкар), П.В.Федоров (Мурманск), М.С.Черкасова (Вологда)

Издание подготовлено при поддержке программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», направление VI «Народ России – состав и эволюция X–XX вв.», проект № 09-Т-7-1001 «Роль изменений климата в этнодемографической истории финно-угорских народов России».

© Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии, 2010
© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2010

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН,
журнал «Историческая демография».
Тел. (8212)245500 (гл. ред.), (8212)241702 (отв. секр.), факс (8212)245564,
e-mail: erojkin@gmail.com (отв. секретарь), zherebtsov.hist@mail.komisc.ru (гл. ред.).

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

Муравьев В.В. Культурные комплексы детерминации демографических процессов	4
Коробейников А.В. Репродуктивный цикл и гипотеза о календарной функции удмуртского орнамента	7
Сакало А.Е. Домохозяйства сельского населения Левобережной Украины во второй половине XVIII века: типология и структура на примере села Савинцы Пирятинской первой сотни Лубенского полка	13
Плотникова Г.Н., Плотников С.Н. Борьба земства с высокой смертностью населения в Пермской губернии во второй половине XIX в.	17
Мацук А.М. Отход крестьян Усть-Сысольского уезда в конце XIX – начале XX в.: основание, направления, количественные показатели	20
Федоров П.В., Малашенков А.А. Историко-демографический проект «Коляне. XIX – первая четверть XX в.»	26
Орлов В.Н. Еврейский вопрос на территории Российской империи во второй половине XIX – в начале ХХ в. и деятельность еврейских общественных организаций и политических групп: историографический анализ	31
Стэльмах М.К. Влияние неурожаев на воспроизводство населения Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.	35
Саблин В.А. Параметры интенсивности семейного труда в крестьянском хозяйстве Европейского Севера в 1910–1920-е гг.	41
Федорова Е.Н., Сукниёва С.А. Значение Якутской экспедиции Академии наук в становлении и развитии демографических исследований в Якутии	50
Бурлыкина М.И., Задорожный В.Н. Демографические исследования В.Н.Старовского	56
Обедков А.П. Динамика численности коренных малочисленных народов Севера и современная этническая структура населения Российского Севера	59
Лыткина Т.С. Институциональные контексты одинокого материнства в России	67
Безносова Н.П. Численность и социально-демографическая характеристика отдельных национальностей Коми АССР в 1970-е гг.	72
Оруджиева А.Г. Динамика изменений образовательного состава коренных малочисленных народов Ямalo-Ненецкого автономного округа	76
Сигарева Е.П. Региональные вариации демографического развития России в советский и постсоветский периоды	80
Барсукова А.В. Социально-демографические характеристики работников ЖКХ Республики Коми.....	85
Маньшин Р.В. Основные направления государственного регулирования международной миграции специалистов и студентов в России	88
Безруков И.С., Безруков В.И. К вопросу о зарождении региональной демографии	92
Королев К.С. Начальный этап коми-русских взаимоотношений в средневычегодском регионе (XII–XIII вв.)	96
А.Ф.Сметанин (1949–2010)	99
А.И.Таскаев (1944–2010)	100

Культурные комплексы детерминации демографических процессов

Исследование культурных факторов динамики народонаселения осуществляется в онтологическом, праксиологическом и аксиологическом направлениях. Изучение онтологического аспекта проблемы позволяет реконструировать пять культурных комплексов детерминации демографических параметров. Это эскариальная, элиминативная, репродуктивная, микроклиматическая и санитарная системы культурных факторов демопроцессов.

Эскариальный (от лат. *escarial* – относящийся к пище) комплекс – это система добывания, производства, распределения и потребления пищи. Питание – один из аспектов отношений человека и мира, населения и природной среды. Достаточное питание – условие выживания рожденных людей. Объем и характер потребляемой пищи влияют на показатели смертности и заболеваемости. Будучи одной из базовых, потребность в еде выступает существенным фактором взаимодействия индивидов, первичных и вторичных групп.

В отличие от животных человек не имеет врожденных программ добывания пищи. Орудия и приемы этой деятельности – составная часть культуры. Этапами становления эскариального комплекса в праксиологическом аспекте были: а) орудийная деятельность в период формирования социума и человека; б) растениеводство и животноводство в фазе зрелого первобытного общества; в) царские и храмовые хозяйства древних цивилизаций Месопотамии, Инда и Персии, государственная экономика Египта и Китая, частные хозяйства древнего населения.

Элиминативный комплекс составляют субъекты, деятельность которых является источником насильственной смертности и травматизации, а также факторы, сдерживающие их разрушительную активность.

Развитие культуры производства пищи было фактором сохранения жизни людей: все большее их число доживало до репродуктивного возраста и порождало новых индивидов. Вместе с тем росли и показатели преждевременной смертности. В значительной мере она была насильственной, параллельно развитию культуры производства питания развивалась культура уничтожения людьми друг друга.

Праксиологическими фазами изменения данного комплекса были 1) применение орудий в столкновениях периода формирующегося общества; 2) появление оружия и страт воинов в ставшем первобытном социуме; 3) возникновение профессиональных армий и карательных отрядов в эпоху цивилизации. Элиминативный комплекс в древности был производным по отношению к эскариальному. В периоды недостатка продуктов питания начинались войны, разворачивались карательные акции правителей, массовое уничтожение и поедание детей, распространялись настроения недовольства социальной несправедливостью, что приводило к восстаниям подданных. В результате уничтожалась приблизительно такая доля населения, какая могла бы погибнуть от голодной смерти.

Репродуктивный комплекс включает половозрелых женщин и мужчин, участвующих в деторождении и факторы, влияющие на уровень рождаемости. Ступенями его становления в праксиологическом плане были а) конституирование унаследованных от приматов форм репродуктивного поведения на начальных этапах первобытной истории; б) поселенческая экзогамия и уничтожение нежелательных детей в оформленвшемся обществе; в) утверждение способов индивидуального репродуктивного взаимодействия и качественное снижение уровня детоубийства в древних цивилизациях.

У млекопитающих, не говоря о других классах животных, размножение осуществляется «с запасом», так как часть новорожденных гибнет по тем или иным причинам. Человечество – единственный вид, получивший способность обеспечить существование большей части рождающихся детей благодаря производству пищи и развитию медицины. Человек также уникален тем, что может сознательно регулировать рождаемость и уничтожать ненужных потомков.

Воздействие культуры на рождаемость осуществляется путем установления форм брака, традиционного возраста вступления в брак, постоянного или временного отстранения половозрелых мужчин и женщин от репродуктивной деятельности. Существенное значение имеет осуждение или допущение лишения жизни новорожденных, абортов, использования средств, предохраняющих от зачатия.

Микроклиматический комплекс складывается в результате изобретения жилища и одежды. Этапами его развития были: 1) использование огня и естественных укрытий для защиты от лимитирующих факторов среды в эпоху антропосоцеогенеза; 2) изготовление одежды и строительство жилищ первобытными общиными; 3) формирование городов в древних цивилизациях.

* **Муравьев Виктор Викторович** (Сыктывкар) – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Коми государственного педагогического института.

Люди способны производить средства защиты от неблагоприятных влияний среды, возводя жилища. Они лишаются защиты от опасных внешних воздействий, покидая помещения, отсутствие которых призвана компенсировать одежда. Благодаря строительству жилья, использованию одежды и обуви относительная доля болезней, вызванных регулярными лимитирующими климатическими воздействиями и нападениями животных, в эпоху цивилизации качественно снизилась.

В **санитарный** комплекс входят культурные детерминанты образа жизни населения, формирующие различия и унификацию характера жизнедеятельности первичных (половых и возрастных) и вторичных групп, гигиенические установления и целительство, средства психотерапии.

Помимо природных условий, войн, количества и качества получаемой пищи, на заболеваемость населения существенное воздействие оказывает образ жизни, включая такие его характеристики, как оседлость или кочевание в их различных формах, проживание в сельской или городской местности, особенности жизнедеятельности, определяемые социальными делениями. Возможность целенаправленного воздействия на течение патологических процессов в организме человека является основой создания способов охраны здоровья, лечения индивидов и населения в целом. Целительство – универсальное явление культуры, оно появилось на заре истории и существует у всех народов.

Качественными изменениями санитарного комплекса в праксиологическом плане были а) переход формировавшихся сообществ к орудийной деятельности; б) утверждение и распространение растениеводческого и животноводческого способов жизнедеятельности, шаманской медицины, веществ и ритуалов, изменявших психическое состояние в период родовой общины; в) утверждение периодов отдыха и гигиенических правил как ритуальных обязанностей, появление профессиональных целителей, религиозных практик воздействия на психику, имевших назначением обретение духовного равновесия.

Эскариальный, элиминативный, репродуктивный, микроклиматический и санитарный комплексы непосредственно детерминируют показатели заболеваемости, преждевременной смертности, рождаемости, расселения и миграции. Через перечисленные показатели выделенные системы культурных факторов опосредованно влияют на численность населения, его половой и возрастной состав, состав по родству и свойству. Оказывая воздействие на те или иные демографические показатели, сами указанные культурные комплексы испытывают регистрируемое обратное влияние объективных демографических изменений.

Аксиологической моделью демографической истории, ее изначальной целью является установление должного режима воспроизведения человека. Содержание такого порядка воспроизводства заключается в обеспечении его качества, при котором население находится в гармонии с природной средой, пищевые ресурсы, искусственные компоненты антропогеоценозов обеспечивают всеобщую умеренную реализацию витальных потребностей индивидов в еде, репродукции, здоровье, достижении естественных пределов продолжительности жизни. Эта аксиологическая модель является имманентной, порождаясь первичными, универсальными антропологическими потребностями. Пользуясь терминами синергетической философии истории, эту модель можно именовать демографическим суператтрактором.

Сформированная культурой модель воспроизводства населения не имеет целостного текстуального воплощения. Она реконструируется путем изучения исторических сведений, мифов, манускриптов, произведений художественного творчества. Содержащиеся в ней образцы гуманистического взаимодействия демографических групп являются идеализацией. Они отчасти реализовывались в фазы экологических оптимумов. Периоды временного и относительного благополучия населения получили отражение в идеологемах утраченного «Золотого века», утопических моделях «счастливых земель и стран», программах переустройства социума, выдвинутых религиозными реформаторами, древними мудрецами, озабоченными идеей всеобщей справедливости правителями, лидерами народных восстаний.

Изучение вопроса о соотношении культуры и демографических процессов обусловлено тем, что в этих процессах существенную роль имеют факторы докультурного, природного происхождения. Хотя их действие изменено, снято законами общественной жизни, они сохраняют свою относительную самостоятельность. Население – совокупность людей, а сам человек – и культурное, и природное существо. Выделение и изучение его природных параметров важно не только при исследовании происхождения человечества, но в силу относительной самостоятельности биологических закономерностей и для понимания его истории. Социальные по генезису явления, собственно культура противоречиво взаимодействуют с факторами природного происхождения.

При таком подходе человеческие индивиды, население не есть всецело культурное образование, поскольку в его бытии существенна роль природного начала. Движение населения происходит приialectическом взаимодействии культуры и природы, культурных и природных факторов. Поэтому можно вести речь о культурной и природной составляющих воспроизводства человека, о средствах и способах воздействия культуры на природные основы движения населения, о формируемых культурой нормах и ценностях, связанных с процессом смены поколений. Общефилософская проблема соотношения материального и идеального здесь приобретает форму вопроса о соотношении природы и культуры.

К рассматриваемому вопросу можно подойти иначе. В целом население – это компонент культуры, оно – результат «возделывания», улучшения, можно сказать, самообработки человечества, начавшейся с периода его формирования. Когда природный предмет изменен человеком, он весь, в единстве его исходных натуральных и новых качеств есть явление культуры. Если мы изучаем человека, имея в виду его природное происхождение, выделяются, различаются природные и культурные стороны, составляющие движения населения. Тогда считается, что население лишь в части его параметров является компонентом культуры. Когда мы размышляем о населении как подсистеме общества, людях как общественных индивидах, все население в единстве природных и общественных свойств есть часть культуры.

А.В. Коробейников*

Репродуктивный цикл и гипотеза о календарной функции удмуртского орнамента

Введение

Реконструкции календарно-метрологических представлений того или иного сообщества на основе материальных свидетельств давно стали темой работ как отечественных, так и зарубежных исследователей. В советской науке такие исследования получили импульс, видимо, с начала 60-х гг. прошлого века благодаря публикациям Б.А.Рыбакова, который увидел «календарные черты и резы», сгруппированные по 12 секторам на орнаментированных доисторических сосудах (IV в. до н.э.) и описал корреляции этих рисунков с линейными координатами этапов вегетативного цикла зерновых культур (по агротехническому руководству XIX в. для Киевщины) [1, с. 164-194]. Правда, из текста Б.А.Рыбакова не ясно, о каких конкретно зерновых культурах идет речь (известно, что продолжительность этапов вегетации у разных растений различна). Кроме того, можно предположить, что за 24 века и климат, и состав зернового клина в местности вокруг современного Киева претерпели изменения.

Авторы многочисленных публикаций, которые появились в 1980-х гг., обращают внимание читателей на существовавшие у различных народов нашей страны в период до их христианизации устройства для счета времени то в виде столбов с насечками [2, с. 84], то в виде вышитого орнамента. Аргументация этих исследователей иногда поражает своей простотой: «На вышивке мы нашли шесть лепестков и шесть веточек. Вместе их двенадцать – сколько и месяцев в году» [2, с. 85]. Концептуальные построения последователей Б.А.Рыбакова были основаны на весьма простом тезисе: «Необходимость в календаре появляется у каждого народа в связи с возникновением (видимо, у этого народа? – А.К.) земледелия, что, как известно, произошло в неолите» [3, с. 40]. Таким образом, скотоводам, охотникам и рыболовам иным народам априори было отказано в календаре (Вспомним: «Как назло, на острове нет календаря...»). Авторы упоминают о вышитых узорах, например, бытовавших в Каргополье до начала XX в. в связи с календарем, однако указывают на то, что «календарь-вышивка» имеет разрывы, а число делений в нем не равно и не кратно числу дней юлианского года. И принцип использования такого вышитого календаря не понятен» [3, с. 40]. Таким образом, означенные исследовательские (вернее, описательские) подходы явно не являлись продуктивными. Тем не менее, Б.А.Рыбаков полагал, что опубликованные работы ориентированы на практическое применение в современном сельском хозяйстве и в них «перекинут мост между далеким прошлым и ближайшим будущим» [4, с. 42].

В 1980–1990-е гг. В.Е.Ларичев публикует несколько статей об астральной идентификации археологических артефактов. Например, измерив расстояния и углы между элементами орнамента на фигурках первобытного искусства [5], или насечки на костяной пластине [6], автор приходит к выводу, что на этих артефактах «закодирован колоссальный объем астрономической информации». Правда, он не объясняет, каким образом и с помощью какого инструмента человек каменного века проделывал измерения и производил разметку поверхностей сложной формы, которые доступны нашим современникам лишь при наличии штангенциркуля, микрометра и транспортира. Сегодня различные авторы склонны видеть календари и в изображениях на стенах пещеры, и в насечках на кусках дерева или кости [7], и орнаменте сосудов [8], и орнаменте саамских бубнов [9] и дисках, покрытых «минойским письмом» [10], и разнообразнейших предметах неизвестного назначения. Подробного анализа исследовательских подходов мы намеренно избегаем здесь за недостатком места. Однако, на наш взгляд, все аналоги календарных устройств, обнаруженные нами, точнее, их описания и интерпретации грешат одними и теми же недостатками. Во-первых, совершенно не ясно, как всеми этими устройствами **практически** можно пользоваться. Вспомним Робинсона: он, живя на острове, ежедневно проводил черту на стене своего жилища. Но если в руки нам (или доисторическому субъекту) попался камень (кусок кости и т.п.), на котором дни уже прочерчены, то как можно выделить прожитый день? Закрасить его? Положить на черточку палочку? Но если это горшок или статуэтка? А если это бубен или стена пещеры?

Второй вопрос возникает, если мы смоделируем историческую обстановку. Видимо, пока ни один современный исследователь, сидящий в сухом и теплом кабинете, ни разу не задумался, **зачем** нашему вечно голодному пещерному предку **надо** было знать «фазы Юпитера» и т.п.? Какую роль это знание могло иметь в борьбе за выживание рода? Разумеется, наши вопросы апеллируют исключительно к доводам здравого смысла. Таким образом, палеокалендарные штудии, которые происходят в полном отрыве от принципа историзма, являются скорее данью современной моде, несмотря на то, что Российское научное сообщество привлекает на эту деятельность немалые ресурсы [11].

* **Коробейников Алексей Владимирович** (Ижевск) – издатель научного журнала «Иднакар». E-mail: alexeika@udm.net

Гипотеза

В качестве рабочей гипотезы предлагается тезис о том, что явления народного календаря всякого народа, с одной стороны, взаимосвязаны, а, с другой – обусловлены объективными условиями [12]. Если рассматривать календарь в качестве системы счисления промежутков времени между периодическими явлениями, то в порядке реализации темы будет логично обратиться к системам социальных и природных явлений, которые повторяются периодически, т.е. имеют признаки календарности. В качестве таковых, применительно к народу в период его дописменной (или догосударственной?) истории, можно перечислить в виде множеств дат:

- А – календарь фенологических явлений;
- В – календарь технологических операций земледельческого цикла (обусловленный, прежде всего, продолжительностью периода вегетации растений);
- С – фискальный календарь (даты сбора налогов и выполнения натуральных повинностей);
- Д – годовой круговорот традиционных обрядов и праздников;
- Е – религиозный календарь;
- F – система периодических астрономических (солнечных и лунных) явлений;
- G – физиологические (прежде всего, репродуктивные) циклы человека и животных.

Приводимый список, видимо, не является исчерпывающим, но мы полагаем, что для решения задачи реконструкции календарных представлений он вполне достаточен. Ведь обращение к перечисленным «периодическим системам» или множествам дат задает перечень исследовательских вопросов.

Описание устройства и способа счисления времени

Вообще, научные сведения, которые приводят этнографы прошлого о системе народных календарных и метрологических представлений удмуртов (историческое название *вотяки*), применявшимся вне связи с религиозными церемониями, весьма скучны. Например, исследователь конца XIX в. Г.Е. Верещагин сообщает, что «Гражданский год... разделяется на две половины: первая считается приблизительно с марта, а вторая – с сентября» [13, с. 74].

Различные аспекты реконструкции календарно-метрологических представлений удмуртов уже становились темой наших публикаций [14]. А здесь мы попытаемся проанализировать один из обнаруженных образцов ткачества с точки зрения его причастности к осуществлению счета времени между периодически повторяющимися явлениями. Итак, рассмотрим столь широко известный предмет, коим является укращенное полотенце (вернее, его наконечники с тканым орнаментом). По мнению искусствоведов, «Особую роль в убранстве северо-удмуртского дома играли богато орнаментированные полотенца. В небольшом замкнутом пространстве избы полотенца играли роль декоративных панно» [15, с. 85]. Такое полотенце использовалось в качестве детали внутреннего убранства зимнего дома (*корка*). По наблюдениям автора, его могли закреплять над оконным проемом, в том числе и в жилой избе, над часами-ходиками или вокруг божницы, картины или рамок с фотографиями. К.М. Климов указывает, что полотенцами могли быть декорированы стены и матица летнего жилища (*кенос*) [15, с. 81]. Однако, на наш взгляд, кроме функции украшения некоторые из этих предметов могли иметь и иное функциональное предназначение. Упомянем об особой роли летнего жилища удмуртов *кенос*. Общепризнано, что этимология этого термина восходит к слову *кен* – сноха. Следовательно, дословно *кенос* – это жилище снохи. Из многочисленных этнографических описаний известно, что *кенос* (в русской традиции *клеть*?) играет ведущую роль в осуществлении репродуктивной функции удмуртской семьи: здесь совершается первичное половое общение жениха и невесты, здесь новобрачные жили (вне зависимости от сезона) до рождения у них ребенка, здесь же хранится приданое женщины, которое составляет ее личную собственность. И тут же брачные пары, которые образовывали одну семью, но не имели отдельных *кеносов*, проводили ночи, отгороженные друг от друга ткаными пологами или занавесками.

Сделаем прорисовку орнамента одного из тканых предметов (рис. 1). Правда, В.Е. Владыкин, опубликовавший рассматриваемое нами изображение в подписи к рисунку, указывает, что это: «Трехчастная композиция орнамента на головном уборе – чалма. 1990 г.» [16, вкладка с иллюстрациями, без указания стр]. Но здесь необходимо заметить, что, во-первых, речь идет однозначно о предмете женского обихода. Кроме того, прямоугольный кусок белой (как правило, хлопчатобумажно-льняной) материи, к концам которого пришиты вытканные отдельно наконечники из цветной шерсти, не имеет принципиальных отличий от полотенца, которое изготавлялось тем же способом и из тех же материалов. Наконец, и головное полотенце (*чалма*), и собственно полотенце, будучи предметами интерьера, могут играть одинаковые роли. Таким образом, та или иная атрибуция предмета ничего не меняет в наших логических построениях.

Итак, проведем на рисунке ось вертикальной симметрии – она проходит через тринадцатый кружок (при счете слева направо) во всех горизонтальных линиях. Всего в каждой линии по 23 кружка, т.е. проведенная нами линия есть ось визуальной симметрии, но рисунок пополам она фактически не делит. Может быть, такое смещение оси симметрии не случайно? Рассмотрим это изображение с точки зрения календарности: могло ли оно использоваться для счета промежутков времени? Предположим, что каждый элемент рисунка озна-

чает какой-либо промежуток времени или день. Тогда, исходя из принятого предположения, каждый кружок из горизонтального ряда означает день, но кружков таких в ряду по 23, а это число мы с каким-либо циклом из двадцати трех дней связать не можем. Однако в числе дней лунного месяца тринадцатый день примечателен – это **канун полнолуния**, т.е. рассматриваемое изображение, хотя и не содержит череду дней лунного месяца, но указывает на полную луну. Кроме того, четырнадцатый день с начала месячного цикла является для женщины фертильным, и это верно не только для «стандартного» цикла в 28 дней, но и для циклов разной продолжительности и периодичности (рис. 3). Таким образом, тринадцатый день приобретает утилитарное значение: как луна полнеет к этому дню, так и женщины. (Последние, разумеется, применительно не к фазе луны, а к своему собственному месячному* циклу).

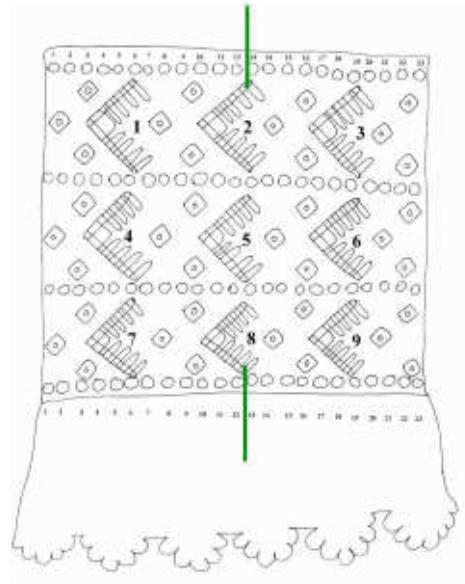

Рис. 1. Орнамент вышитого полотенца [16].
Наша прорисовка; вертикальной линией показана ось симметрии,
которая приходится на 13-й символ.

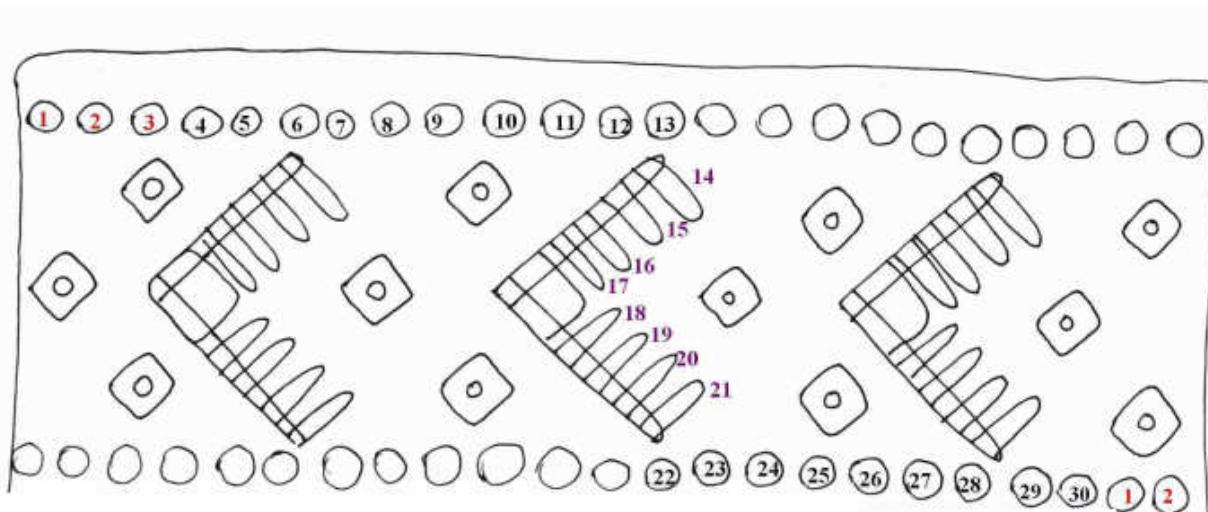

Рис. 2. Фрагмент орнамента полотенца с отметками фертильных дней с 14 по 21.

Используя такой календарь на полотенце, например, перемещая по нему ежедневно втыкаемую булавку (т.е. отмечая новый день по аналогии с перекидным календарем), можно применять метод физиологической контрацепции: установлено, что период овуляции длится с 11-го по 18-й день до начала следующего цикла [17, с. 315]. На рис.3 видно, что период вероятного зачатия приходится на промежуток с 13-го по 21-й день

* Menstruus (лат.) – ежемесячный.

для циклов любой периодичности. Следовательно, использование такого календаря на ткани, в отличие от каменного календаря с черточками, на наш взгляд, вполне осуществимо.

Значит, если переход с горизонтального тринадцатого кружка на продолговатый выступ (четырнадцатый день) означает вступление в плодный период (рис. 2), то логично предполагать, что девять крупных элементов орнамента могут означать девять лунных месяцев беременности, а 36 мелких элементов (квадратов с кружком внутри), соответственно, тот же срок: 36 недель (рис. 1).

При некоторой доле воображения крупный элемент орнамента приобретает черты сходства с символом луны (правда, не полной, а убывающей, ведь после полнолуния луна, естественно, убывает). Предложенное толкование символа луны является нашей гипотезой, не имеющей пока подтверждения. Но субъективное содержание того или иного элемента орнамента может быть весьма вариативным, и наша гипотеза имеет право на существование, пока не будет доказано обратное.

Дни календаря		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39						
Длительность цикла	Дни цикла	•																																												
	21	•																																												
	22	•	•																																											
	23	•	•	•																																										
	24	•	•	•	•																																									
	25	•	•	•	•																																									
	26	•	•	•	•																																									
	27	•	•	•	•																																									
	28	•	•	•	•																																									
	29	•	•	•	•																																									
	30	•	•	•	•																																									
	31	•	•	•	•																																									
	32	•	•	•	•																																									
	33	•	•	•	•																																									
	34	•	•	•	•																																									
	35	•	•	•	•																																									
	36	•	•	•	•																																									
	37	•	•	•	•																																									
	38	•	•	•	•																																									
	Менстру.	Не опасно										Опасно										Не опасно																								

Рис. 3. Календарь физиологических явлений [22, с. 20].

Необходимо признать, что рассмотренный нами метод контрацепции с использованием календаря, называемый в литературе методом Огино-Кнауса по именам наиболее известных его открывателей и исследователей [18], до сих пор является предметом дискуссий специалистов; обсуждаются как нервно-психологические факторы, влияющие на его эффективность, так и сами принципы построения календаря физиологических явлений. Тем не менее автор констатирует, что современные женщины отмечают начало менструации, проставляя тот или иной значок в календаре не только для определения дней физиологической стерильности, но и просто для контроля своего состояния.

Этнографические данные

Рассматриваемый метод контрацепции, основанный на использовании календаря, кажется, не имеет сегодня широкого распространения среди наших соотечественниц. Но применялся ли он в прошлом? Какие-либо опубликованные этнографические источники по этому вопросу найти будет нелегко. Можно лишь предполагать, что его простота и дешевизна были и остаются его несомненными достоинствами. Вообще, затронутая тема планирования рождаемости, видимо, была актуальна всегда. Для православных христиан (каковыми и являются в своем большинстве современные удмурты) в роли сезонного регулятора рождаемости выступают посты, при соблюдении которых маловероятно деторождение в наиболее неблагоприятные для младенца периоды: в декабре-январе («Солнце к лету – зима к морозу»), марта («Красна весна, да голодна») и второй половине мая (весенняя страда). Но и при отсутствии постов и фенологический цикл, и репродуктивный цикл животных и человека в условиях жизни в естественной, природной среде совпадают по fazam. Ведь и природа устраивает так, что потомство появляется в тот период года, когда оно имеет более всего шансов на выживание.

Правда, Г.Е.Верещагин в 1898 г. описывал применяемый удмуртскими женщинами медикаментозный способ предохранения от беременности, основанный на использовании спиртовых настоек тысячелистника белого и красного в целях прекращения либо возобновления менструации [20, с. 165]. Но всего лишь через тридцать лет после этого свидетельства Кузбай Герд категорично утверждает: «Никаких средств предохранения себя от беременности вотячки-крестьянки не применяют и не знают». Он кратко упоминает лишь иррациональные магические действия – мочеиспускание на петли полевых ворот, развязывание подвязок чулок, втыканье в одежду сломанной иголки*. Всё это, конечно же, в реальности с контрацепцией не связано. В то же время автор описывает различные способы плодоизгнания, в том числе и медикаментозные – с помощью винной настойки из корней папоротника [22, с. 12-13].

Отмеченные особенности этнографических источников позволяют нам утверждать:

1. Этнографы не всегда могут зафиксировать явление, даже при самом добросовестном сборе информации. Значит, календарный метод контрацепции тоже мог существовать в прошлом, но он остался не замечен исследователями периода конца XIX в.

2. К тридцатым годам XX в., вероятно, вследствие общего упадка культуры, вызванного опустошительными войнами и разрухой, традиционные способы планирования рождаемости, в том числе и с использованием трав, и календарный были забыты. Иной причиной отставки традиционных методов могло быть и широкое распространение обычая соблюдать православный пост.

Заключение

Читатель спросит: «А почему в музейных коллекциях тканых вещей полотенца с «календарным» орнаментом не встречаются массово?» Видимо, причина здесь та же, почему из многих настенных изображений (картин и пр.), которые имеются на стенах нашего дома, календарем является только одно изображение: ведь календарей в доме просто не требуется много. Следовательно, и тканых «календарей» в доме (*кеносе*) могло быть лишь столько, сколько в нем было женщин репродуктивного возраста. А когда орнамент полотенца вышел из употребления в качестве календаря (хотя бы потому, что в жилищах удмуртов появился настоящий гражданский календарь, а о наступлении постов верующие узнают в церкви), у мастеров просто исчез мотив его тиражировать специально, они стали повторять его лишь изредка наряду с другими изображениями. Они вышивали этот орнамент, руководствуясь эстетическими соображениями, а не потребностью в устройстве для счета времени.

Таким образом, и проверка высказанной нами гипотезы о календарной роли орнамента в репродуктивной функции этноса, и исследование календарно-метрологических представлений в целом могут быть осуществлены с привлечением нового полевого этнографического материала. Предлагаемая статья призвана привлечь внимание исследователей народного быта к вопросам нетрадиционного использования предметов материальной культуры в демографических исследованиях.

Литература

1. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1988. 784 с.
2. Дурасов Г. Сколько лет календарю? // Лес и человек. Ежегодник. М.: Лесная промышленность. С. 84-86.
3. Власов В. Русский календарный стиль // Вокруг света, 1986. № 8. С. 38-42.
4. Рыбаков Б.А. Не подлежит забвению // Вокруг света, 1986. № 8. С. 42.
5. Ларичев В.Е. Пращур богов (астральная идентификация малтийской скульптуры) // Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск: Наука, 1994. С. 126-148.
6. Ларичев В.Е. Лунные и лунно-солнечные календари эпохи шеля и мустье (к проблеме истоков палеоастрономии) // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск: Наука, 1999. С. 186-199.
7. Пеньков А.В. Костяные календари раннего железного века Якутии // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск: Наука, 1999. С. 229-241.
8. Ларичев В.Е., Елагин В.С., Новиков А.В. Потчевашское время: календари и космология эпохи раннего средневековья юга Западной Сибири (По материалам «прочтения» знаковых записей на сосуде из Турновки // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. С. 312-315.
9. Франк Р. Охота на небесных медведей: следы небесной системы координат в славянской и угро-финской фольклорной традиции // Астрономия древних обществ. М.: Наука, 2002. С. 237-253.
10. Whittaker H. Social and symbolic aspects of Minoan writing // European journal of archaeology, 2005. Vol. 8. P. 29-41.
11. Астрономия древних обществ. М.: Наука, 2002. 334 с.
12. Коробейников А.В. Математическое моделирование календарной обрядности удмуртов (К постановке проблемы) // Высокие технологии–2004: Сб. трудов научно-технического форума с международным участием. В 4 ч. Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2004. Ч. 2. С. 56-62; Коробейников А.В. О принципах моделирования при изучении народного календаря // Нелинейный мир. Десятая междисциплинарная научная конференция. Тезисы докладов. Нижний Новгород,

* Возможно, здесь нашел отражение существовавший ранее реальный способ отмечать прожитый день перемещением втыкаемой иголки по тканому или вышитому «календарю».

2005. С. 71; Коробейников А.В. Полевые исследования и процессуальное моделирование календарной обрядности // Материалы II Международной научной конференции «Полевая этнография». СПб., 2005. С. 4-5.
13. Верещагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. В 6 т. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. Т. 2. 200 с.
14. Коробейников А.В. Египет и Прикамье: О культурных параллелях в области календарных представлений // Междунородная научно-практическая Интернет-конференция «Прикамье и Восток». Соликамск, 2005. Режим доступа: [http://www.auditorium.ru/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&CounterThesis=1&id_thesis=4224]; Коробейников А.В., Сахарных Д.М. Гербер: о традиционном летнем празднике удмуртов // Интернет-журнал Ethnonet. М., 2005. Режим доступа: [<http://www.ethnonet.ru/lib/0802-05.html>]; Режим доступа: [<http://sib-subethnos.narod.ru/p2005/korobeinikov1.htm>]
15. Климов К.М. Традиции в убранстве удмуртского интерьера // Отражение межэтнических связей в народном декоративном искусстве удмуртов. Ижевск: УдНИИ, 1984. С. 74-92.
16. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
17. Сексология. Энциклопедический справочник. Минск: Беларусская Энцыклапедия, 1993. 350 с.
18. Цирульников М.С., Хентов Р.А., Розовский И.С. Предупреждение беременности. М.: Госуд. изд-во медицинской литературы, 1963. 130 с.
19. Яковлева С.М. Противозачаточные средства. М.: Медицина, 1970. 24 с.
20. Верещагин Г.Е. О народных средствах врачевания в связи с поверьями. Собрание сочинений в шести томах. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. Т. 3: Этнографические очерки, кн. 1. С. 130-169.
21. Герд К.П. Человек и его рождение у восточных финнов. Helsinki: Societe Finno-Ourienne, 1993. 97 с.

**Домохозяйства сельского населения Левобережной Украины
во второй половине XVIII века: типология и структура
на примере села Савинцы Пирятинской первой сотни Лубенского полка**

Одним из направлений современных исследований в области исторической демографии является изучение типологических характеристик различных форм семейной организации в раннемодерном обществе. Именно в эту эпоху, по мнению многих историков и демографов, семья была основой социальной и хозяйственной деятельности. Она же остается одним из ведущих институтов и современного социума. Следует отметить, что основанием для определения типологических показателей любой семьи является ее структура. Среди факторов, имеющих непосредственное влияние на формирование структуры семьи, как правило, выделяют: экономические, социальные, политико-юридические, культурно-традиционные, природно-климатические и т.д. На конкретном этапе исторического развития общества каждый из них мог быть определяющим, но, на наш взгляд, к изучению данной проблемы, безусловно, нужно подходить комплексно, рассматривая все вышеназванные аспекты.

Отметим, что новейшая историография исследований структуры семьи представлена, в первую очередь, работами иностранных ученых. К сожалению, достижения украинских исследователей (несколько лучшая ситуация сложилась на данный момент в России, Беларуси и Эстонии) в данном направлении очень скромны. Объясняется такое положение вещей некоторыми причинами. Во-первых, недостаточным вниманием и интересом к данной проблеме, а также некоторой тенденциозностью ее освещения в советское время. Во-вторых, историческая демография, социальная история, которые опираются на исследования на микроуровне (впрочем, как и на макро-), только начинают привлекать к себе достойное внимание со стороны украинских ученых.

Среди западных исследователей, которые работали над данной проблемой и положения чьих трудов мы использовали в своей работе, в первую очередь следует назвать имена Дж. Хайнала, П. Ласлетта, М. Миттерауэра, М. Шолтычека и др. Например, Дж. Хайнал в своей работе «Европейские брачные модели в перспективе», опубликованной в 1965 г., предложил так называемый сравнительный подход к изучению структуры семьи. Его суть заключалась в сопоставлении данных демографической статистики из разных регионов мира. Проанализировав материалы, которые хронологически относились к периоду от конца XVIII до начала XX в., автор пришел к выводу о том, что весь Европейский континент можно условно поделить на две обширные зоны в соответствии с преобладающими на их территории моделями брачного поведения. В Западной и Центральной Европе доминировала так называемая «западная» модель, главная особенность которой заключалась в более позднем по сравнению с Восточной и Юго-Восточной Европой брачном возрасте населения. Соответственно, в двух последних регионах доминирующей была так называемая «восточная» модель.

Следуя в русле идей Дж. Хайнала, британский историк П. Ласлетт разработал и апробировал классификацию домохозяйств на основании анализа структуры семьи. На русском языке данная типология была описана в одном из разделов сборника «Брачность, рождаемость, семья за три века», увидевшем свет в 1979 г. (в этой же книге была опубликована и статья Хайнала) [1]. Поскольку именно эта классификация использовалась в нашем исследовании, остановимся на ее характеристике более детально. Но прежде чем сделать это, обратим внимание на такой момент: согласно принятой в исторической науке точке зрения [2], термины «семья» и «домохозяйство» («двор») по отношению к XVIII в. рассматриваются нами как синонимы.

Итак, согласно классификации П. Ласлетта, все семейные домохозяйства можно разделить на три основных типа:

1. Простое, или нуклеарное домохозяйство, которое состоит из одной брачной пары с детьми или без них. К этой же категории относятся и семьи, состоящие из вдовцов/вдов с детьми.
2. Если в простом домохозяйстве проживает кто-либо еще из родственников, то такая семья называется расширенной. Таких родственников может быть и несколько, если они, в свою очередь, не образуют брачные пары. В зависимости от того, кем приходятся эти особы главе домохозяйства, выделяют расширения по восходящей, нисходящей и боковой линиям.
3. Если домохозяйство состоит из нескольких нуклеарных семей, то оно называется мультифокальным.

Расширенные и мультифокальные семьи также образуют единую группу сложных домохозяйств. Кроме названных трех типов существуют также домохозяйства, состоящие из одного человека (одиночек), и такие,

* Сакало Александр Евгеньевич (Полтава, Украина) – соискатель кафедры истории Украины Полтавского государственного педагогического университета им. В.Г. Короленко. E-mail: alex-s79@mail.ru

которые не образуют семей (без структуры). Например, две взрослые сестры, проживающие совместно, рассматриваются как домохозяйство, которое не образует семьи [3].

Таким образом, цель нашей работы, в первую очередь, заключается в определении типологии домохозяйств села Савинцы Пирятинской первой сотни Лубенского полка с помощью классификации П. Ласлэтта. В исследовании сделана попытка определить такие показатели, как: общее число домохозяйств и их население, средняя населенность одного домохозяйства, поколенный состав домовых сообществ. На основе полученных количественных данных мы попробуем ответить на вопрос: домохозяйства какого из вышеназванных типов были более распространены в пределах данной местности.

Для реализации поставленной цели нами была проанализирована исповедная ведомость села Савинцы за 1758 г. Этот документ хранится в фонде Пирятинского духовного правления Государственного архива Полтавской области [4]. **За своим предназначением и содержанием исповедная ведомость – это документ**, в котором фиксировалось прохождение исповеди (отмечались также те, кто по каким-либо причинам не исповедовался, например, малолетние дети). Каждая исповедная ведомость состояла из трех частей: преамбулы, непосредственной самой описи и итоговой таблицы. Опись обязательно проводилась подворно, т. е. по очереди переписывался каждый двор (домохозяйство): сначала – духовных особ (священников, дьяконов, пономарей), потом – военных (казаков), в конце – послполитых (крестьян). Ведомость содержит информацию про пол, имя, возраст каждого жителя двора. Используя этот документ, также можно проследить семейно-родственные связи в рамках одного домохозяйства.

В первую очередь рассмотрим численность населения исследуемого села, разделив всех его жителей по возрасту, полу и семейному положению.

Общее число населения Савинцов насчитывало 571 чел. (296 муж. и 275 жен.) [5]. **Как видим, преимущество мужчин совсем незначительное**, о чем свидетельствует мужской коэффициент (подсчитывается простым делением числа мужчин на общее число жителей), который равняется 0,518. Соотношение полов, определяющееся делением числа мужчин на число женщин и умножением полученного результата на 100, в нашем случае составляет 107,6 и находится в допустимых пределах относительно возможного недоучета населения одного из полов [6].

Важным показателем, который существенно влиял на демографическую ситуацию и от которого во многом зависело будущее села, было соотношение людей трудоспособного возраста (работников) и едоков. К числу первых, согласно тогдашним критериям, относили людей в возрасте от 15 до 60 лет, ко вторым – от 0 до 14 лет (дети) и старше 60 (особы престарелого возраста – старики) [7]. В нашем случае доля работников от общего числа жителей составляла 61,1 % (349 чел.), детей насчитывалось 201 чел. или 35,2 %, самую малочисленную группу составляли старики – 3,7 % (21 особы). Таким образом, соотношение трудоспособного населения (349 чел.) и едоков (222 чел.) равнялось 1,57 в пользу первых, что свидетельствовало о возможности содержания одним работником нескольких едоков и было доказательством хороших перспектив развития данного населенного пункта.

Общее число семей, проживавших в Савинцах, составляло 70 домохозяйств. Из них два (2,8 % от общего числа) принадлежали духовным osobам, 44 (62,9 %) – казакам и 24 (34,3 %) – крестьянам. Семьи духовенства объединяли 18 чел. и имели среднюю населенность 9,0 особы. Общее число людей, проживавших в семьях казаков, составляло 396 чел. (69,4 % от общей численности населения села) [8]. В среднем на одно казацкое домохозяйство приходилось 9,0 чел. В крестьянских семьях проживали 157 чел. – в среднем по 6,5 на домохозяйство [9]. Если же взять суммарные показатели по селу, то средняя населенность одного домохозяйства равнялась 8,2 чел. Сравнивая эту цифру, например, с аналогичным показателем по селам Стародубского полка – 8,9 чел., можем констатировать, что расхождения являются минимальными [10]. Вместе с тем необходимо добавить, что наши результаты существенно превышают данные, приведенные М. Миттераузером и А. Каганом для сельских районов Ярославского уезда – 5,2 чел. С другой стороны, если взять цифры по Рязанской губернии – колебания в пределах от 8,0 до 9,2 чел., то, на наш взгляд, результаты вполне сопоставимы [11]. Нужно отметить также, что наши данные существенно превосходят цифры, которые приводят в своей работе П. Ласлэтт по отношению к некоторым регионам Западной и Центральной Европы – от 4,75 до 5,77 чел. [12].

Анализ структуры домохозяйств принес такие результаты. Из 70 домовых сообществ 21 были классифицированы нами как нуклеарные (простые), что составляло 30,0 % от общего числа семей. Восемь домохозяйств были отнесены нами к категории расширенных – 11,4 %, а 41 – мультифокальных (58,6 %). Таким образом, доля сложных семей (70,0 %) существенно превосходила процент простых. Домохозяйств-одиночек и без структуры в источнике найдено не было.

Отметим, что оба домохозяйства духовенства принадлежали к мультифокальному типу. Среди казацких семей большинство также составляли мультифокальные домовые сообщества – их насчитывалось 28 (63,6 %). На втором месте пребывали нуклеарные семьи – 11 (35,1 %). Меньше всего насчитывалось расширенных домохозяйств – пять (11,3 %). Таким образом, сложные семьи в три раза превосходили простые: 74,9 против 25,1 %.

В отличие от казацких крестьянских домохозяйства распределились несколько по-иному. Так, 10 (41,7 %) из них были нуклеарными, три (12,5 %) – расширенными и 11 (45,8 %) – мультифокальными. Как видим, и среди крестьянских семей преобладали сложные домовые сообщества – 58,3 %. Но их преимущество было не настолько очевидным, как в случае с семьями казаков.

Еще одной составляющей, необходимой для всестороннего изучения домохозяйств, является анализ поколенной структуры семьи. В нашем случае подсчеты продемонстрировали, что более половины от общего количества всех семей (57,1 %) составляли двухпоколенные домохозяйства. Семьи, объединявшие представителей трех поколений, составляли 40,1 %. Также нами были зафиксированы одно однопоколенное и одно четырехпоколенное домохозяйства (по 1,4 %).

Если сопоставить эти данные с аналогичными показателями по Западной и Центральной Европе, то сразу следует отметить существенное превосходство в нашем случае трехпоколенных семей: 40,1 % против от 2,0 до 9,0 % в Европе. Также бросается в глаза тот факт, что в Савинцах практически отсутствовали однопоколенные домохозяйства, тогда как, по европейским данным, их доля находилась в пределах 17,0–28,0 % [13]. Сравнение наших результатов с количеством поколений в семьях в ярославских деревнях показало следующую картину: однопоколенные – 1,4 % (Савинцы) против 20,2 % (ярославские деревни); двухпоколенные: 57,1 % – 54,9%; трехпоколенные: 40,1 % – 25,0 %. Очевидно, что сопоставимыми являются только показатели по двухпоколенным семьям. В остальных же случаях мы имеем заметные расхождения, что свидетельствует, на наш взгляд, о более сложной структуре украинских семей (не забываем также и про среднюю населенность домохозяйств, которая, напомним, в ярославских деревнях была значительно ниже).

Наш анализ будет неполным без упоминания о таком важном аспекте: в основу сложных семей Савинцов, независимо от их принадлежности к конкретным социальным группам, были положены родственные связи по мужской линии. Можем утверждать, что такая черта была типичной как для украинских, так и для российских регионов [14]. В нашем случае чаще совместно проживали и вели хозяйство отцы и сыновья, а также родные братья, а именно: 39 (81,2 %) сложных домохозяйств были патриархальными (отцовскими), братских же семей насчитывалось девять (18,8 %).

Очевидно, что структура семьи не является и не может быть устоявшейся формой. Каждое домовое сообщество в своем развитии проходит несколько фаз или этапов. На таких позициях стоит большинство современных исследователей [15]. Присоединяемся к данной точке зрения и мы.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

- Принимая во внимание соотношение людей трудоспособного возраста и едоков, изучаемое село по состоянию на 1758 г. имело существенный трудовой потенциал и перспективу дальнейшего увеличения численности населения.
- Средняя населенность домохозяйств Савинцов составляла 8,2 чел. Этот показатель примерно равнялся аналогичным данным для украинских сел Стародубского полка, а также для российских деревень Рязанской губернии. Но вместе с тем он был гораздо выше показателя населенности сел Ярославского уезда и ряда европейских регионов.
- Анализ поколенной структуры домохозяйств засвидетельствовал незначительное преимущество двухпоколенных семей.
- Внутренняя структура домохозяйств характеризовалась патрилинейным принципом их организации. Наиболее распространенной формой организации сложных домовых сообществ были отцовские семьи.
- Классификация домохозяйств по типам продемонстрировала существенное преимущество сложных (а среди них – мультифокальных) семей. Такая ситуация стала возможной, прежде всего, благодаря доминированию домовых сообществ этого типа среди казацких семей.

Таким образом, мы подтвердили точку зрения многих исследователей и конкретно Дж. Хайнала и П. Ласлетта о преобладании на территории Восточной Европы сложных форм семейной организации.

Источники и литература

1. Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: Сб. статей / Под ред. А.Г. Вишневского и И.С. Коня. М.: Статистика, 1979. С. 132–157; Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Там же. С. 14–67.
2. Волошин Ю. Населення домогосподарств «государевых малороссийских описных раскольничих слобод» (за матеріалами «Генерального опису Лівобережної України 1767–1769рр.») // Соціум. Альманах соціальної історії. К.: Ін-т історії України НАН України, 2003. Вип.2. С. 118; Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М.: Наука, 1991. С. 211.
3. О классификации домовых сообществ (Разъяснения редакции к типологии домохозяйств Петера Ласлетта) // Семья, дом и узы родства в истории / Под общ. ред. Т. Зоколла, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбома; Отв. ред. О.Е. Кошелева; Пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона, пер. с франц. Л.А. Пименовой. СПб.: Евр. ун-т; Алетея, 2004. С. 270–271.
4. Государственный архив Полтавской области (далее – ГАПО). Ф. 801. Оп. 1. Д. 20. Л. 21–29.

5. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 20. Л. 29.
6. Волошин Ю.В. Структура сім'ї в поселеннях росіян-старообрядців Малоросії XVIII століття (на прикладі слободи Деменки Топальської сотні Стародубського полку) // Історична пам'ять, 2005. № 1-2. С. 68.
7. Там же. С. 69.
8. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 20. Л. 21-26.
9. Там же. Л. 26-29.
10. Волошин Ю.В. Розкольницькі слободи на території Північної Гетьманщини у XVIII столітті (історико-демографічний аспект). Полтава: АСМІ, 2005. С. 220.
11. Миттерауер М., Каган А. Структура семьи в России и Центральной Европе: сравнительный анализ // Семья, дом и узы родства в истории / Под общ. ред. Т. Зоколла, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбома; Отв. ред. О.Е. Кошелева; Пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона, пер. с франц. Л.А. Пименовой. СПб.: Евр. ун-т; Алетейя, 2004. С. 46-47.
12. Ласлett P. Указ. соch. С. 155.
13. Там же.
14. Миттерауер М., Каган А., Указ. соch. С. 45.
15. Вишневский А.Г. Роль исторического знания в объяснении современных демографических тенденций (на примере метаморфозы семьи) // Проблемы исторической демографии СССР. К.: Наукова думка, 1988. С. 26-34; Волошин Ю.В. Структура сім'ї в поселеннях росіян-старообрядців Малоросії XVIII століття (на прикладі слободи Деменки Топальської сотні Стародубського полку) // Історична пам'ять, 2005. № 1-2. С. 75.

Г.Н. Плотникова, С.Н. Плотников^{*}

Борьба земства с высокой смертностью населения в Пермской губернии во второй половине XIX в.

Во второй половине XIX в. в Пермской губернии господствовала экстенсивная модель воспроизводства населения, для которой были характерны высокие темпы не только рождаемости, но и смертности, особенно детской. Об этом свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Смертность среди детей до одного года в Пермской губернии (по уездам) во второй половине 90-х гг. XIX в., % [1]

№	Уезд	1894 г.	1896 г.	1898 г.	1900 г.
1.	Верхотурский	40,3	41,6	39,2	31,0
2.	Екатеринбургский	39,6	42,1	39,4	34,5
3.	Ирбитский	49,6	54,8	52,5	51,1
4.	Камышловский	49,8	50,6	55,8	45,6
5.	Красноуфимский	38,6	38,3	33,8	31,8
6.	Кунгурский	58,3	57,8	52,9	50,6
7.	Осинский	41,6	45,3	34,8	34,3
8.	Оханский	46,5	49,0	44,8	39,1
9.	Пермский	50,5	52,4	47,5	40,7
10.	Соликамский	44,6	49,6	44,3	35,7
11.	Шадринский	42,1	41,6	46,2	39,5
12.	Чердынский	39,8	37,4	39,8	28,8
В том числе:					
в городах		33	33	28,7	33,7
в г. Пермь		32,5	40	32,8	34,6
в уездах		50,5	52,4	36,6	40,4

Высокий уровень младенческой смертности был обусловлен частыми эпидемиями, плохим уходом за детьми и неудовлетворительным медицинским обслуживанием. По данным земского врача В. Предтеченского, из 100 родившихся ежегодно в период 1873–1883 гг. на первом году жизни умирало в России 24–25 детей, в Пермской же губернии – 46–47, а в отдельных уездах и того более (в Ирбитском – 56, Карагайском приходе Оханского уезда – 66–67 детей) [2]. Особенно много людей умирало от оспы. Так, в Оханском уезде с 1860 по 1894 г. умерли от оспы 22 344 чел. (т.е. в среднем умирало по 638 чел. в год) [3].

Рассмотрим численность умерших в губернии во второй половине 90-х гг. XIX в.

Таблица 2

Смертность жителей Пермской губернии по возрастам в 90-е гг. XIX в. [4]

Год	Умерло											
	В городах						В уездах					
	До 1 года	От 1 до 5 лет	С 5 до 16 лет	С 16 до 54 лет	Старше 54 лет	Всего	До 1 года	От 1 до 5 лет	С 5 до 16 лет	С 16 до 54 лет	Старше 54 лет	Всего
1894	2431	717	300	1384	1010	5842	67757	12666	5138	13133	15265	113959
1895	2542	659	273	1309	992	5775	69302	13717	4738	12581	15181	115519
1896	2776	838	286	1404	1113	6417	74406	17478	5980	13296	16353	127513
1897	2993	913	346	1501	1115	6870	64144	17008	6348	12023	14499	114022
1898	2804	804	323	1588	1208	6727	73350	16531	5952	13182	17421	126436
% от всех умерших	41,6	12,2	4,8	23,7	17,7	100	58,1	12,6	4,6	10,9	13,7	100

* Плотникова Галина Николаевна (Пермь) – кандидат исторических наук, доцент Пермского госуниверситета; Плотников Сергей Николаевич (Пермь) – кандидат исторических наук, доцент ПФ НА МВД России.

Согласно данным табл. 2, в Пермской губернии даже в конце XIX в. сохранялась высокая детская смертность, особенно среди младенцев до года. Если в городах их умирало около 40 %, то в уездах более 50 %. В городах гораздо лучше была поставлена медицинская помощь, выше была и общая культура населения. Смертность в возрасте от 1 до 16 лет примерно одинакова в городе и деревне. В рабочем возрасте (от 16 до 54 лет) горожан умирало почти в 2 раза больше, чем крестьян. В процентном отношении стариков умирало в городах также значительно больше, чем в деревне.

В чем причина более высокого уровня смертности взрослого населения в городах? Вероятно, определенное влияние могла оказывать более высокая плотность населения в них: значительные скопления людей, по мнению ряда специалистов, имели вредные последствия для здоровья, так как способствовали более быстрому распространению инфекционных заболеваний. Наличие в городах промышленных предприятий приводило к загрязнению воздуха, почвы и воды. Важными факторами более высокой смертности городского населения являлись также перенаселение жилищ, развитие алкоголизма и проституции, наличие в городах вредных для здоровья профессий. В пореформенный период в городах Пермской губернии широкое распространение получили венерические заболевания, в частности, сифилис [5]. Кроме того, санитарные и гигиенические условия жизни горожан (водоснабжение, удаление нечистот, борьба с заразными болезнями) в этот период находились на весьма низком уровне и были намного хуже, чем у сельского населения. Следует отметить, что в санитарном отношении российские города заметно отставали от западноевропейских городов. Кроме того, крестьянское население городов состояло главным образом из отходников, которые жили скученно, имели худшие жилищные условия, были оторваны от семьи, очень много работали и, возможно, хуже питались. Этим объясняется гораздо более высокая смертность крестьянского населения в городах по сравнению с деревней.

В целом, смертность определялась не столько социальными факторами (уровнем благосостояния и др.), сколько экзогенными, т.е. факторами среды. К ним, в частности, относились инфекционные болезни, несчастные случаи и травмы.

Пермское земство, открытое в 1870 г., выступило инициатором организации санитарного дела, боролось с эпидемиями (оспы, сифилиса, холеры, дизентерии). Только за первые 16 лет его деятельности число больниц увеличилось в 4 раза [6]. Благодаря земству были отремонтированы старые больничные здания и построены новые, или наняты соответствующие помещения под больницы. Земство добивалось увеличения численности фельдшеров. В 1877 г. на службе у Пермского земства состоял 221 фельдшер [7].

При губернской земской больнице был открыт оспенный институт. Письменные советы по организации санитарного дела в губернии давал знаменитый хирург Н.И. Пирогов [8]. 29 апреля 1872 г. при губернской земской управе впервые в России была организована санитарная часть. Первым губернским санитарным врачом стал Иван Иванович Моллесон. К сожалению, несмотря на его огромные старания, постановления по части санитарии и гигиены не выполнялись. Выборные санитарные попечители из крестьян, не обеспеченные никаким вознаграждением, слишком плохо понимали свои обязанности и не выполняли их своевременно. Все это во многом сводило на нет работу санитарных врачей и земства. Тем не менее расходы земства на медицинскую и санитарную часть только за 1870-е гг. увеличились в четыре раза.

Имеющиеся источники позволяют рассмотреть деятельность земства, направленную на уменьшение смертности в Пермской губернии, более детально.

Уже первое чрезвычайное Пермское губернское земское собрание признало народное здравоохранение одним из главных направлений земской деятельности [9]. Первостепенная важность развития медицины осознавалась и гласными первых очередных уездных земских собраний в губернии. Уездные управы занялись обследованием развития народного здравоохранения и нашли его в «несчастном и жалком виде», в неудовлетворительном состоянии» и т.д. [10]. Первое очередное Пермское губернское земское собрание отметило, что по официальным сведениям в августе 1870 г. в губернии было всего 58 врачей (по одному на 37 тыс. чел.), 10 акушерок (по одной на 210 тыс. чел.), 98 оспопрививателей (по одному почти на 22 тыс. чел.), 56 больниц (из них 11 земских на 425 коек, 36 заводских и 9 частных) и восемь аптек. Фельдшеры были только в 54 волостях [11]. По обеспеченности врачами Пермская губерния существенно уступала Московской, Тульской, Тверской, Таврической и другим губерниям. Так как забота о народном здравоохранении была признана уездной земской повинностью, уездные земства уже на первых очередных собраниях утвердили программы своей деятельности в этой области. В 1871 г. они выделили 121 220 руб. на содержание 22 земских врачей, 112 фельдшеров, 38 акушерок, 81 оспопрививателя, семь ветеринаров, 32 ветеринарных ученика. Также были выделены средства на медикаменты, хирургические инструменты, строительство и ремонт больниц, предупреждение эпизоотий и чрезвычайные расходы. В 1870 г. губернский и уездный земский медицинский персонал состоял из 11 врачей, 123 фельдшеров, 98 оспопрививателей, 10 акушерок и двух повивальных бабок [12]. Усилия губернского земства в области народного здравоохранения были сосредоточены главным образом на содержании санитарного врача, двух ветеринаров при губернской управе и «богоугодных» заведений. К ним относились губернская Александровская больница с домом умалишенных (на 300 коек), богадельни и аптеки.

Нами выявлены сметные расходы губернского и уездных земств Пермской губернии на народное здравоохранение в 1871–1879 гг. В исследуемый период суммарные расходы на медицину девяти уездных земств (нет данных за 1879 г. по Камышловскому, Красноуфимскому и Кунгурскому уездам) возросли в 3,3 раза (с 94 770 до 309 494 руб.). В целом по губернии расходы на медицину по отношению к смете, по нашим подсчетам, составляли: в 1871 г. – 12,4 (без учета Верхотурского, Екатеринбургского, Ирбитского и Оханского уездов), а в 1879 г. – 17,8 % (без учета Камышловского, Красноуфимского и Кунгурского уездов) [13]. С 1871 по 1880 г. совокупные расходы Пермского земства на медицинские потребности возросли в 4,2 раза (со 119,9 до 506,3 тыс. руб.), тогда как за следующее десятилетие лишь в 1,4 раза (с 506,3 до 732 тыс. руб.) [14]. При организации системы народного здравоохранения пермские земцы учитывали уроки Крымской и американской гражданской войн, использовали передовые достижения других земств и стран (в частности, американскую баражную систему и опыт немецких ученых). Социальная ориентированность Пермского земства проявилась также в замене помесячной платы за лечение в земских больницах поденной, обеспечении пациентов этих больниц бесплатными лекарствами, установлении льгот для амбулаторных больных и т.п. Осинское земство впервые в России приняло решение с 1874 г. лечить всех жителей уезда бесплатно. С 1871 г. по 1 сентября 1878 г. в Осинском уезде услугами земских больниц воспользовались 68 661 чел., т.е. 44,9 % православного населения уезда [15]. Пермское земство впервые в России учредило должность санитарного врача и санитарную комиссию (апрель 1872 г.). Одним из первых созвало губернский съезд врачей (август 1872 г.), впервые организовало уездный врачебный совет при Шадринской управе (1873 г.). Успешная деятельность Пермского земства в медицинской области обратила на себя внимание правительства. В 1879 г. министр внутренних дел Л.С.Маков объявил пермскому земству благодарность от имени Александра II [16]. Однако пермские земцы изначально осознавали, что результаты их деятельности в сфере народного здравоохранения далеко не соответствовали действительным потребностям жителей губернии.

Это, в частности, проявлялось в сохранении относительно высокой смертности, в силу чего естественный прирост населения в губернии отставал от общероссийских показателей. Так, среднегодовой естественный прирост населения в Пермской губернии в исследуемый период увеличился с 1 до 1,5 %, тогда как в среднем по России он составлял около 2 %.

Источники и литература

1. Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1905. Вып. 2. С. 194-195 (даные включают городское и сельское население).
2. СПЗ (Сборник Пермского земства), 1886. № 4. С. 135.
3. Моллесон И.И. Земские итоги // СПЗ, 1886. № 1. С. 8.
4. Материалы по изучению Пермского края... С. 194-195.
5. ГАПО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 9. Л. 89.
6. Селезнева В.Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Молотов, 1955. С. 109.
7. Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959. С. 213.
8. СПЗ, 1873. Май-июнь. С. 322, 337.
9. Журналы Пермского губернского чрезвычайного земского собрания. Пермь, 1870. С. 25, 28.
10. Журналы первого очередного Шадринского уездного земского собрания 1870 г. Шадринск, 1877. С. 27, 28, 31; Журналы Соликамских уездных: первого чрезвычайного и первого очередного земских собраний 1870 года. Пермь, 1871. С. 29, 30; Журналы чрезвычайного и первого очередного Камышловского уездного земского собрания. Пермь, 1871. С. 13, 14, 31-36; Журналы Чердынского уездного земского собрания за 1870 год. Пермь, 1870. С. 28, 29; Обзор девятилетней деятельности (1870–1879) Осинского уездного земства Пермской губернии. Пермь, 1879. С. 96-98.
11. Журналы первого очередного Пермского губернского земского собрания. Пермь, 1871. С. 110, 164.
12. Черныш М.И. Указ. соч. С. 209.
13. Плотников С.Н. Становление Пермского земства (1870–1879 гг.): Дис... канд. истор. наук. Пермь, 2000. С. 219.
14. Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 41.
15. Обзор девятилетней деятельности (1870–1879) Осинского уездного земства... С. 66, 117-118.
16. Там же. С. 123-124.

**Отход крестьян Усть-Сысольского уезда в конце XIX – начале XX в.:
основание, направления, количественные показатели**

Отход крестьян из Коми края в другие регионы России для работы или иных нужд начался с XVII в. и к началу XX столетия стал рядовым событием повседневной жизни. Данный аспект истории коми крестьянства, естественно, был затронут исследователями (И.Л. Жеребцов, Л.И. Сурина, Цой Ун-Ен, В.В. Шаньгина и др.) [1]. Тем не менее Л.И. Сурина, Цой Ун-Ен и В.В. Шаньгина приводили в своих работах лишь сводные поуездные данные, оперируя сведениями волостного уровня крайне редко в виде иллюстрации высказанного конкретного положения. О.Е. Бондаренко и М.А. Мацук рассмотрели историю лесозаготовительного промысла и отхода на Пермские горные заводы для рубки дров [2]. На сегодняшний день еще нет специальной работы, в которой детально рассматривались бы все основные стороны поднятого вопроса. Также не создано ни одной работы, в которой на волостном уровне были бы рассмотрены указанные вопросы.

Заявленный в названии статьи сюжет мы рассмотрим, опираясь на данные податного инспектора Усть-Сысольского уезда за 1900 г., привлекая для сравнения более ранние аналогичные документы.

За пределы своего уезда крестьяне-отходники могли уйти на работу, лишь получив официальный отпускной документ. В XVII в. – это отпускные письма, а также краткосрочные так называемые кормежные (покормежные) письма. С 1724 г. в действие были введены официальные печатные паспорта, максимальный срок действия которых равнялся трем годам. В течение XVIII – первой половины XIX в. правительство неоднократно вносило изменения в законодательство о паспортах [3]. Во второй половине XIX в. паспортная политика Русского правительства эволюционировала в сторону максимального упрощения процесса получения паспортов всеми желающими крестьянами. В 1897 г. сбор за выдачу паспортов был отменен, и паспорта стали бесплатными [4].

В конце XIX – начале XX в. крестьяне Коми края, как и остальные сельские граждане России, могли уйти для работы и по другим делам за пределы своего уезда, получив в волостном правлении месячные билеты, трехмесячные, полугодовые, годовые паспорта и пятилетние паспортные книжки. По сведениям Л.И. Суриной, в начале XX в. «сельские власти имели право задержать или вовсе запретить выдачу паспортов, если на отдельных крестьянах или на сельском обществе имелись недоимки в платеже податей или не были выполнены некоторые натуральные повинности. Крестьянин мог быть и отозван в любое время для отбывания повинности» [5]. Примерно такое же положение было и ранее, в конце XIX в. По данным В.В. Шаньгиной, «взяв паспортную книжку, крестьянин обязан был уплатить нужную сумму годового сбора не позже 31 декабря. В противном случае полиция имела право книжку отобрать. Последнюю в ряде случаев могли забрать и по приговору сельского суда: когда на месте жительства оставался без признания член семьи отходника, не способный себя прокормить; при избрании крестьянина на общественную должность и т.д.» [6]. Таким образом, основанием для ухода на заработки, особенно на долговременный период, являлось получение официального отпускного документа (паспорта, билета) добропорядочным крестьянином, не имевшим задолженности по платежам государственных, земских и мирских налогов и сборов и по отработке натуральных повинностей, а также не имевшим иждивенцев, за которыми нужен был уход.

Теперь постараемся выяснить направления отхода на промыслы крестьян Усть-Сысольского уезда. Напомним, что на рубеже XIX–XX вв. в Усть-Сысольском уезде было 30 волостей: Благовещенская (Пажга), Богородская, Богоявленская (Зеленец), Борисовская (Объячево), Визингская, Выльгортская, Воронцовская (Пыелдино), Вотчинская, Керчомская, Киберско-Спасская, Койгородская, Корткеросская, Кочергинская (Летка), Межадорская, Мординская, Небдинская, Ношуульская, Печорская (Троицко-Печорская), Подъельская, Помоздинская, Савиноборская, Уркинская (Лойма), Усть-Куломская, Усть-Немская, Шиловская (Спаспоруб), Щугорская, Деревянская, Ыбская. На самом рубеже столетий, в 1900–1901 гг. появились Пожегодская и Пезмогская волости [7].

28 волостей конца XIX в. делились в свою очередь на 42 общество: Корткеросское (соответствовало волости), Мординское (соответствовало волости), Небдинское и Пезмогское (Небдинская волость), Богородское и Нившерское (Богородская волость), Деревянское (соответствовало волости), Усть-Куломское (соответствовало волости), Вочевское и Керчомское (Керчомская волость), Усть-Немское и Мыелдинское (Усть-Немская волость), Помоздинское и Пожегодское (Помоздинская волость), Печорское (соответствовало волости), Савиноборское (соответствовало волости), Щугорское (соответствовало волости), Палаузское и Воронцовское (Воронцовская волость), Койгородское, Коберское, Ужгинское, Кажымское и Гревенское (Койгородская волость), Чукаиское и Еньяиское (Визингская волость), Киберское (соответствовало волости), Шиловское

* **Мацук Александр Михайлович** (Сыктывкар) – младший научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН.

(соответствовало волости), Уркинское (соответствовало волости), Борисовское (соответствовало волости), Ношульское (соответствовало волости), Богоявленское и Слободское (Богоявленская волость), Сретенское и Шошкинское (Выльгортская волость), Нючимское и Пажинское (Благовещенская волость), Ыбское (соответствовало волости), Межадорское (соответствовало волости), Вотчинское (соответствовало волости), Кочергинское (соответствовало волости), Подъельское (соответствовало волости) [8].

В нашем распоряжении находятся данные, собранные податным инспектором почти по всем сельским обществам за 1899 и 1900 гг. Проанализируем их (табл. 1, 2).

*Таблица 1
Направления и цели отхода крестьян*

№ п/п	Сельское общество	Направление отхода на промыслы	Промыслы
1	Палаузское	Пермская губ., Вятская губ.	Портняжничество, валяние обуви
2	Воронцовское	Пермская губ., Вятская губ., Тобольская губ.	Портняжничество
3	Койгородское	Пермская губ.	Работа на горных заводах, портняжничество
4	Коберское	Пермская губ.	Работа на горных заводах
5	Ужинское	Пермская губ.	Работа на горных заводах, портняжничество
6	Гриденское	Н. с.	Портняжничество, валяние обуви
7	Чукаибское	Пермская губ., Вятская губ., Тобольская губ.	«Отходники», извоз
8	Еньяибское	Н. с.	Н. с.
9	Киберское	Пермская губ., Вологодская губ.	Портняжничество, валяние обуви, сплав леса
10	Шиловское	Н. с.	Сплав леса
11	Уркинское	Н. с.	Н. с.
12	Борисовское	Н. с.	Сплав леса, извоз
13	Ношульское	Вологодская губ., Архангельская губ.	Сплав леса, работа на речном транспорте
14	Корткеросское	Пермская губ.	Заготовление дров на заводах
15	Мординское	Пермская губ.	Заготовление дров на заводах
16	Небдинское	Пермская губ.	Заготовление дров на заводах, валяние обуви
17	Пезмогское	Пермская губ.	Заготовление дров на заводах
18	Богородское	Пермская губ.	Заготовление дров на заводах
19	Нившерское	Пермская губ.	Заготовление дров на заводах
20	Подъельское	Пермская губ., Архангельская губ.	Заготовление дров на заводах, сплав леса
21	Деревянское	Н. с.	Заготовление дров на заводах, сплав леса
22	Усть-Куломское	Пермская и др. губ.	Заготовление дров на заводах, сплав леса
23	Вочевское	Н. с.	Н. с.
24	Керчемское	Пермская губ.	Сплав леса, извоз
25	Усть-Немское	Н. с.	Н. с.
26	Мыелдинское	Нет	Нет
27	Помоздинское	Нет	Нет
28	Пожегодское	Пермская губ.	Работа на заводах
29	Печорское	Нет	Нет
30	Савиноборское	Нет	Нет
31	Щугорское	Нет	Нет
32	Богоявленское	Пермская и др. губ.	Заготовление дров на заводах, сплав леса, валяние обуви, портняжничество и др. ремесленные работы
33	Слободское	Пермская и др. губ.	Заготовление дров на заводах, сплав леса, ремесло
34	Сретенское	Пермская губ., Вятская губ.	Заготовление дров на заводах, ремесло
35	Шошкинское	Пермская губ., Вятская губ.	Работа на заводах, обслуживание
36	Нючимское	Нет	Нет
37	Пажинское	Пермская губ.	Работа на заводах, портняжничество
38	Ыбское	Пермская губ., Архангельская губ.	Работа на заводах, сплав леса
39	Межадорское	Пермская и др. губ.	Сплав леса, портняжничество
40	Вотчинское	Вятская губ., Пермская губ., Тобольская губ.	Портняжничество, валяние обуви, извоз
41	Кочергинское	Н.с.	Н.с.

Составлена по: ГУРК НАРК. Ф. 155. Оп. 1. Д. 111. Л. 5, 11, 17, 24, 30, 36, 48, 54, 60, 66, 72, 78, 86. Д. 110. Л. 6, 15, 24, 32, 42, 52, 61, 70, 79, 86, 92, 102, 111, 118, 126, 132, 144, 154. Д. 106. Л. 10, 18, 27, 35, 42, 52, 61, 70, 79.

Судя по собранным данным, крестьяне большинства сельских обществ (30 обществ из 41) занимались отхожими промыслами. В то же время крестьяне шести сельских обществ (Нювчимское, Щугорское, Савиноборское, Печорское, Помоздинское, Мыелдинское) вообще не занимались отхожими промыслами за указанный период. Из пяти сельских обществ податному инспектору не были представлены сведения о наличии отходников.

Основными направлениями отхода крестьян являлись Пермская, Вятская, Вологодская, Архангельская и Тобольская губернии. Причем, судя по имеющимся данным, наиболее часто крестьяне уходили в Пермскую и Вятскую губернии.

В восьми сельских обществах выделялось по одному отожжему промыслу, тогда как в 22 обществах было отмечено два и более отхожих промысла. Крестьяне 19 обществ занимались заготовлением дров и прочими работами на заводах Пермской губернии. Отходники из девяти сельских обществ зарабатывали портняжничеством. Валянием обуви занимались крестьяне пяти обществ. Помимо этих промыслов было распространены работы по сплаву леса (этим занимались отходники из 13 сельских обществ) и извозу (крестьяне четырех обществ). Судя по приведенным данным, крестьяне-отходники занимались также различного вида ремеслами (три общества), были заняты в услужении (одно сельское общество) и работой на речном транспорте (Ношульское сельское общество).

Таблица 2
Количественные показатели отхожих промыслов и выдачи паспортов крестьянам

№	Сельское общество	Численность населения	Количество двуродохозяйств отходников	Выдано паспортов					
				пятилетних	годовых	полув годовых	трехмесячных	месячных	Всего
1	Палаузское	1124	134	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	160
2	Воронцовское	2840	641	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	704 [а]
3	Койгородское	1640	38	4	67	23	8	9	111
4	Коберское	392	5	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.
5	Ужгинское	1073	56	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	50 [б]
6	Гриденское	1082	37	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	63
7	Чукаибское	433	96	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	56
8	Еньяибское	3687	730	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	862
9	Киберское	3381	261	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	406
10	Шиловское	2988	4	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	226 [в]
11	Уркинское	2461	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	100 [г]
12	Борисовское	4306	Н.с.	12	395	нет	нет	нет	407 [д]
13	Ношульское	7700	360	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	463 [е]
14	Корткеросское	4571	670	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	747
15	Мординское	1600	30	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	54 [ж]
16	Небдинское	2602	524	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	514
17	Пезмогское	2346	600	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	600
18	Богородское	2781	187	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	479 [з]
19	Нившерское	878	21	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с. [и]
20	Подъельское	3738	377	2	781	нет	нет	нет	783
21	Деревянское	3444	272	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	248
22	Усть-Куломское	3373	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	212
23	Вочевское	938	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	25 [к]
24	Керчемское	2323	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	60 [л]
25	Усть-Немское	2689	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	128 [м]
26	Мыелдинское	1516	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
27	Помоздинское	3375	Н.с.	Нет	59	3	33	10	105
28	Пожегодское	1679	6	Нет	43	1	11	4	59
29	Печорское	1772	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	48 [н]
30	Савиноборское	757	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	5 [о]
31	Щугорское	777	Н.с.	Нет	7	Нет	Нет	Нет	7
32	Богоявленское	2637	150	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	520 [п]
33	Слободское	965	60	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	233 [р]
34	Сретенское	3869	16 +?	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	418 [с]
35	Шошкинское	1701	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	213 [т]
36	Нювчимское	501	нет	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	2 [у]

Окончание табл. 2

№	Сельское общество	Численность населения	Количество дворохозяйств отходников	Выдано паспортов					
				пяти-летних	годовых	полу-годовых	трех-месячных	месячных	Всего
37	Пажгинское	3491	26	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	291 [ф]
38	Ыбское	3832	300	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	452 [х]
39	Межадорское	2848	240	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	281 [ц]
40	Вотчинское	3175	551 чел.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	551
41	Кочергинское	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с.	
	Итого	97285							10643

Составлена по: ГУРК НАРК. Ф. 155. Оп.1. Д. 111. Л. 1, 5, 7, 11, 13, 17, 20, 24, 26, 30, 32, 36, 50, 54, 56, 60, 62, 66, 68, 72, 74, 78, 80, 86; Д. 110. Л. 2, 6, 11, 15, 20, 24, 28, 32, 36, 42, 48, 52, 55, 61, 64, 70, 73, 79, 82, 87, 88, 92, 97, 103, 105, 112, 114, 119, 122, 126, 131, 137, 140, 144, 150, 154; Д. 106. Л. 4, 10, 12, 18, 21, 27, 29, 35, 38, 44, 51, 52, 55, 61, 68, 70, 73, 79.

А) Выдано 704 паспорта, из них 100 выслано в Сибирь проживающим там, остальные 604 – на отлучку для заработков в Пермскую губернию портным.

Б) Выдано 50 паспортов, из них отлучались на отхожие промыслы 39 чел.

В) Выдано 226 паспортов большей частью на сплав леса весной, зимой – на богоявление, извоз, несколько на отход в другие губернии.

Г) Выдано 100 паспортов. Зимой отлучка за съестными припасами в Устюг и Вятку.

Д) Выдано 395 бесплатных годовых паспортов для сплава леса и извоза и 12 пятилетних книжек для проживания в других уездах.

Е) Выдано 463 паспорта на сплав леса, барок и отхожие промыслы.

Ж) Выдано 54 паспорта. Большая часть отходникам в Пермскую губернию на заводы для рубки дров весной и осенью. Другие – в разные места империи.

З) Паспортов выдано 479 для отхода на заработки в горных заводах по Пермской губернии в осенне и зимнее время.

И) Выданы паспорта для отхода на рубку дров в Пермскую губернию и постоянного проживания в Вятской и Пермской губерниях.

К) Выдано 25 паспортов на отлучку в дальнюю Сибирь, проживающим там с давних времен.

Л) Выдано 60 паспортов отлучающимся в Чердынский уезд на извоз и в дальнюю Сибирь, проживающим там с давних пор.

М) Выдано 128 паспортов, считая и женщин, на отлучку с октября по апрель.

Н) Выдано 48 паспортов. 25 – для работы на судах и плотах, 23 – находящимся в постоянной отлучке.

О) Выдано паспортов: один – для разъездов по торговле, три – для движения по р. Печора, один – для поездки на богоявление в Соловецкий монастырь.

П) Выдано 520 паспортов проживающим в других губерниях, отлучающимся на заводы в Пермскую губернию, сплав леса и по ремеслу.

Р) Выдано 233 паспорта проживающим в других губерниях, отлучающимся на заводы в Пермскую губернию, на сплав леса и по ремеслу.

С) Выдано 418 паспортов для отлучки в Пермскую и Вятскую губернии и часть послана находящимся в постоянной отлучке.

Т) Выдано паспортов 213 для отлучки в Пермскую губернию на заводы для рубки дров и в Вятскую губернию в служение.

У) Выдано 2 паспорта на разные сроки и в разные места.

Ф) Выдан 291 паспорт на разные сроки в разные места.

Х) Выдано 452 паспорта для отхода в Богословский завод и сплав леса до с. Коряжма.

Ц) Выдан 281 паспорт. Большинство весной на сплав леса. 40 штук – осенью для отлучки в Пермскую губернию по портняжному ремеслу.

Анализируя приведенные в табл. 2 данные, мы пришли к выводу, что большинство крестьян уходило для занятия промыслами. Однако в то же время существовала часть крестьян, получающая паспорта для отхода с целью посещения монастырей, закупки продуктов питания и по различным поручениям. Наибольшее количество крестьян (от 500 чел. и более), получивших паспорта для отхода, за указанный период отмечено в восьми сельских обществах (Воронцовское, Еньяибское, Корткеросское, Небдинское, Пезмогское, Подъельское, Богоявленское, Вотчинское общества). Наименьшее количество выданных паспортов для отходников (до 10 паспортов) зафиксировано в трех обществах (Савиноборское, Щугорское и Нювчимское сельские общества).

Теперь выясним наиболее предпочтительные для крестьян сроки отхода. Из шести обществ были присланы количественные показатели по отдельным категориям выданных паспортов. В Койгородском обществе было выдано 111 паспортов, из них 67 годовых (60,36 %); в Борисовском обществе из 407 паспортов 395 (97,05 %) были годовые; в Подъельском – из 783 паспортов 781 (99,74 %) годовой; в Помоздинском – из 105 выданных паспортов 59 (56,19 %) годовых; в Пожегодском – из 59 выданных паспортов 43 (72,88 %) годовых; в Щугорском – все семь выданных паспортов годовые. Итак, более половины отходников брали годовые паспорта.

Теперь выясним долю отходников в общем количестве населения сельских обществ (табл. 3).

Таблица 3
Доля отходников в общем количестве населения сельских обществ

№ п/п	Сельское общество	Численность населения	Всего выдано паспортов	Доля получивших паспорта, %
1	Палаузское	1124	160	14,23
2	Воронцовское	2840	704	24,79
3	Койгородское	1640	111	6,77
4	Коберское	392	Н.с.	
5	Ужгинское	1073	50	4,66
6	Гриденское	1082	63	5,83
7	Чукаинское	433	56	12,93
8	Еньяибское	3687	862	23,38
9	Киберское	3381	406	12,01
10	Шиловское	2988	226	7,56
11	Уркинское	2461	100	4,06
12	Борисовское	4306	407	9,45
13	Ношульское	7700	463	6,01
14	Корткероское	4571	747	16,34
15	Мординское	1600	54	3,38
16	Небдинское	2602	514	19,75
17	Пезмогское	2346	600	25,58
18	Богородское	2781	479	17,22
19	Нившерское	878	Н.с.	
20	Подъельское	3738	783	20,95
21	Деревянское	3444	248	7,2
22	Усть-Куломское	3373	212	6,29
23	Вочевское	938	25	2,67
24	Керческое	2323	60	2,58
25	Усть-Немское	2689	128	4,76
26	Мыслдинское	1516	Нет	
27	Помоздинское	3375	105	3,11
28	Пожегодское	1679	59	3,51
29	Печорское	1772	48	2,71
30	Савиноборское	757	5	0,66
31	Щугорское	777	7	0,9
32	Богоявленское	2637	520	19,72
33	Слободское	965	233	24,15
34	Сретенское	3869	418	10,8
35	Шошкинское	1701	213	12,52
36	Нювчимское	501	2	0,4
37	Пажгинское	3491	291	8,34
38	Ыбское	3832	452	11,8
39	Межадорское	2848	281	9,87
40	Вотчинское	3175	551	17,35
41	Кочергинское	Н.с.	Н.с.	
	Итого	97285	10643	10,94

Примечание: Табл. 3 основана на данных табл. 2.

Всего по уезду около 11 % наличного населения, включая детей и старииков, брала паспорта для отхода. Но по разным обществам данные сильно различаются – от 0,4 до 25,58 %. Это объясняется местными причинами и приоритетами населения, а именно распространенностью в обществе отхожих промыслов и вообще склонностью местных жителей к длительным отлучкам.

Таким образом, отход населения Усть-Сысольского уезда на заработки и для других нужд был развит по-разному в разных сельских обществах уезда. Это связано с бытовавшими в конкретном обществе промысловыми занятиями, что выражалось и в направлении отхода, и в приоритетных промыслах. Но все же большинство населения находилось на месте и занималось традиционными занятиями, в первую очередь, сельским хозяйством.

Источники и литература

1. История Коми АССР с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1. С. 429-432; Т. 2. С. 21-24, 79-86; История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. С. 132-133, 168, 173; Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В. Сельское население коми в середине XIX – XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар, 2005; Цой Ун-Ен. Крестьянский отход в Коми крае в начале XX века // Крестьянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар, 1986. С. 52-69. (Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вып. 38) и др.
2. Бондаренко О.Е. Лесозаготовительный промысел коми крестьянства в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории Европейского Севера / Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1979. С. 122-139; Мацук М.А. Отход коми крестьян на уральские горные заводы в конце XIX – начале XX вв. // Хозяйство северного крестьянства в XVII – начале XX вв. / Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар: Изд-во Пермского ун-та, 1987. С. 90-96.
3. См.: Казанцев Б.Н. Законодательство русского царизма по регулированию крестьянского отхода в XVII–XIX вв. // Вопросы истории, 1970. № 6. С. 20-31 и др.
4. Шаньгина В.В. Промышленность и неземледельческие занятия крестьян // История Коми АССР с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1. С. 431.
5. История Коми АССР с древнейших времен до конца XX века... Т. 2. С. 82.
6. Там же. Т. 1. С. 431.
7. Жеребцов И.Л. Коми край во второй половине XIX века. Административно-территориальное деление и население // История Коми АССР с древнейших времен до конца XX века... Т. 1. С. 385, 386.
8. См.: ГУРК НАРК. Ф. 155. Оп. 1. Д. 106, 110, 111.

Публикация подготовлена в рамках исследований по проекту № 09-Т-7-1001 «Роль изменений климата в этнодемографической истории финно-угорских народов России», программа фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», направление VI «Народ России – состав и эволюция X–XX вв.».

П.В. Федоров, А.А. Малащенков*

**Историко-демографический проект
«Колыне. XIX – первая четверть XX в.»****

Историко-демографические исследования на стадии их первичной, «достатистической» обработки всегда привязаны к конкретным точкам пространства. Для того чтобы наблюдения и выводы переросли границы локальных территорий и позволили экстраполировать и осмысливать данные в контексте всей страны или группы стран, необходимо покрыть «историческую карту» как можно более густой сетью изученных «точек».

Именно так, опираясь на уже выявленный историками-демографами в разных точках Европы материал, Пьер Шоню написал свою «Цивилизацию классической Европы», позволившую заметно обогатить исторические представления о процессе перехода европейцев из средневековья в Новое время [1].

Крайний Север в историко-демографическом отношении изучен слабо, а что, как не колонизационная, народная история, составляет стержневую основу прошлого этой территории, наряду с проникавшей сюда время от времени большой политикой и государственной стратегией? Адаптация человека в условиях суровой, экстремальной среды Субарктики вне всякого сомнения должна стоять впереди привлекательнейших тем социальной истории.

Крайний Север России в досоветское время во многом был не похож на другие регионы страны. Основой экономики здесь выступало не земледелие, а промыслы и торговля. Здесь не было дворянства и крепостного права в том понимании, в каком мы привыкли говорить о них применительно к помещичьим усадьбам. Натуральный характер никогда не ограничивал местной хозяйственной жизни, а дух предпринимательства и торговли все время подталкивал северян к поиску ресурсов. Существенной чертой социальной жизни города становилось присутствие политических ссыльных.

Презентуемый проект – результат многолетних исследований социально-демографической истории Колы в XIX – первой четверти XX в. До основания Александровска (1899 г.) Кола была самым северным городом Российской империи и административным центром Кольского уезда Архангельской губернии. Этот город – старинная база мурманских рыбных промыслов, вплоть до начала Первой мировой войны один из наиболее крупных поселений на приарктическом Севере.

Социально-демографический феномен Колы заключался в том, что до второй половины XIX в. она представляла собой единственный населенный пункт с постоянным населением в северной прибрежной полосе Кольского Заполярья. Город испытывал ежегодные волны миграций: сезонные рыбаки с беломорских селений ранней весной приходили на мурманские промыслы, а осенью уходили домой. И путь их в обе стороны лежал через Колу. Тем же ритмам подчинялось и само население Колы, преимущественно занятое на мурманских промыслах.

Во второй половине XIX в. в рамках проводимых правительством мер по колонизации Мурманского берега здесь стали появляться «колонии» с постоянным населением. Кола для этих «колоний» становилась и донором, и ориентиром, и спутником.

В период Первой мировой войны через Колу прошла железная дорога, соединившая центр России с берегом Баренцева моря. Дорога кардинально изменила социальный микроклимат Колы, привела в город сотни новых мигрантов.

Оказавшись включенной в эти сложные демографические процессы, Кола на протяжении столетий удерживала свое собственное, укоренившееся население. Даже разрушение Колы англичанами в 1854 г. не смогло стереть города с лица земли. Населенный пункт быстро возродился и зажил своей новой жизнью.

Целью настоящего проекта являлась реконструкция модели социальной структуры города Колы в XIX – первой четверти XX в. и ее осмысление в контексте социальной истории Кольского Севера.

Для достижения поставленной цели планировалась реализация следующих задач:

- выявление социально-демографических характеристик населения Колы в их развитии;
- реконструкция семейной и сословной структур населения Колы в их динамике и взаимодействии;
- выявление взаимосвязи между социально-демографическими изменениями в Коле и социально-экономическими, культурными процессами, происходившими в регионе;

* **Федоров Павел Викторович** (Мурманск) – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, проректор по НИР Мурманского государственного педагогического университета; **Малащенков Алексей Анатольевич** (Мурманск) – библиограф Мурманского государственной областной универсальной научной библиотеки.

** Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Мурманской области (проект № 10-01-43104а/С).

– репрезентация истории конкретных семейных коллективов в генеалогических схемах и биографических описаниях.

Источниковая база проекта. Все использованные в проекте источники можно подразделить на несколько групп. Прежде всего, это документы, отражающие учет населения Колы. К ним относятся метрические книги, духовные росписи, ревизии населения и др.

Метрические книги позволяют высчитывать показатели по рождаемости и смертности населения, брачности, половозрастной структуре, причинах смерти и др. Полнота и корректность информации, содержащейся в метрических книгах, подтверждается данными некрополя [2].

В Государственном архиве Мурманской области (ГАМО) сохранилась лишь часть метрических книг по Кольскому собору – за 1834–1841, 1863–1920 гг. [3]. Они и составили основной массив анализируемого здесь корпуса источников. Недостающие книги за первую половину и середину XIX в. могли сгореть вместе с Воскресенским собором и другими зданиями во время английского нападения на Колу 1854 г. Правда, в Государственном архиве Архангельской области (ГАО) сохранились отдельные экземпляры (по-видимому, дубликаты) метрических книг Кольского собора за 1787–1792, 1828, 1831, 1848, 1851–1862 гг., но в настоящей работе они не использовались [4].

Другим важнейшим источником являлись духовные (исповедные) росписи, которые погодно фиксировали поименный список православного прихода – основной массы населения города, что позволяло выявлять состав жителей, отслеживать движение семейно-родственных групп и отдельных лиц. Сохранившийся в ГАМО комплекс духовных росписей Колы также неполон: росписи до 1841 г. в нем отсутствуют [5]. При этом первая имеющаяся роспись за 1841 г. не содержит сведений по крестьянскому населению Колы. Духовные росписи города Колы за более ранний период, с конца XVIII в., хранятся в Государственном архиве Архангельской области [6]. Частично они привлекались к анализу. В настоящей работе использовались духовные росписи за 1793, 1799, 1804, 1809, 1834 гг., а также сплошной массив за 1842–1920 гг.

Для установления преемственности между населением, жившим в Коле в XIX в., и населением более раннего времени также анализировались материалы ревизий за 1782 и 1795 гг., хранящиеся в ГАО [7].

Определенную помощь в уточнении состава населения города оказывали списки жителей: посемейный список крестьян за 1901 и 1911 гг. [8], посемейный список мещан за 1913–1914 г. [9], клировые ведомости с послужными записями духовенства за 1844–1911 гг. [10], посемейный список домовладений жителей Колы за 1918–1922 гг. [11].

Потребность в уточнении возникает вследствие того, что основные источники учета населения – духовные росписи и метрические книги – не в полной мере коррелируются между собой. В метрическую книгу заносились сведения обо всех лицах, проходивших через Кольский собор. Но это могли быть и неместные люди: лопари, приехавшие из соседних погостов, крестьяне, жившие в других селениях и т.д. Отсюда возникает необходимость в определении того, проживал ли данный человек в Коле постоянно или только прибыл в церковь для совершения определенного обряда? Установить это удается по частоте и контексту упоминаний того или иного лица в метрической книге, для чего, как правило, приходится анализировать данные не за короткий промежуток, а в рамках целого временного среза (в несколько лет).

Метрические книги отражали состав населения более полно, нежели духовные росписи. Священник, переписывая духовную роспись из года в год, не всегда поспевал за происходившими изменениями, тогда как метрическая книга самим принципом фиксации разовых действий-обрядов была призвана отражать жизнь в ее постоянной динамике. Только путем совмещения духовной росписи и метрической книги можно выявить более-менее полный перечень лиц, постоянно проживавших в Коле на тот или иной период. По нашим подсчетам, духовная роспись 1842 г. не учла 11 % постоянного населения города, 1861 г. – 17, 1881 г. – 9, 1901 г. – 2, 1915 г. – 4 %.

В период с 1916 по 1920 г., когда в Колу хлынуло множество приезжего люда, имевшего самые разные отношения с церковью, духовная роспись и метрическая книга практически уже не отражали реальной картины населения города. По сведениям И.Ф. Ушакова, одних только военнопленных в Коле разместилось 1164 чел. [12], что уже вдвое превышало численность населения самого города. Таким образом, использование метрических книг и духовных росписей за период с 1916 по 1920 г. корректно для идентификации одного лишь коренного пласта населения Колы, но не всего населения вообще.

В советский период в условиях нарастания борьбы государства с церковью последняя полностью утрачила функцию контроля за движением населения. Из церковных документов того времени сохранились «Книги брачных обысков» по г. Кола за 1921–1932 гг. [13]. Подлежащие регистрации обряды венчания в этих книгах немногочисленны, и полных данных по брачности они не дают.

В течение 1920 г. функция учета населения перешла от церкви к государственным органам ЗАГС. В ГАМО в открытом доступе находятся книги записей актов гражданского состояния по Кольско-Лопарской

волости и городу Коле за 1921–1924 гг. [14]. Материалы за более поздний период, хранящиеся в архивах Кольского и областного отделов ЗАГСа, остаются для исследователей закрытыми.

Использование всего вышеописанного корпуса учетной документации позволяет реконструировать поименный состав населения Колы с последней четверти XVIII до первой четверти XX в. в его движении и на этой основе выявить демографическую статистику за указанный период.

Идентификация полученных данных возможна только при условии их сравнения с данными по другим городам, регионам и России в целом. Эти сведения включаются в следующую группу – статистических источников. Наиболее востребованными здесь оказываются материалы Всероссийской переписи населения 1897 г.

Следующую группу источников составляют делопроизводственные документы, хранящиеся в ГАМО. К ним относятся купчие, жалобы, обращения, судебные дела и прочие документы, которые показывают жизнь Колы в самых разных ее проявлениях. Кроме важной событийной информации, эти документы несут также имена и социальные статусы колян, позволяя уточнить список постоянного населения Колы, составленный на основе духовных росписей и метрических книг. Среди использованных фондов с делопроизводственными документами – № И-17 (Благочиние Мурманского округа), № И-24 (Кольское полицейское управление), № И-52 (Кольско-Лопарское волостное правление), № И-69 (Мировой судья Кольского уезда), № И-117 (Сиротский суд), № Р-217 (Кольско-Лопарский волостной Совет).

Весьма информативны в контексте социальной истории Колы документы периода обороны города от англичан 1854 г. [15].

Уникальные сведения о конкретных жителях Колы встречаются в записках путешественников, посещавших город в XIX – начале XX в. (В.И. Немировича-Данченко, К.К. Случевского, Н.Н. Харузина, В.Н. Харузиной, Е. Львова и др.).

Немаловажную информацию несет периодическая печать. Использовалась информация Кольского городского кладбища, где наряду с обильно представленной эпиграфикой советского и постсоветского периодов сохранились в том числе более двух десятков надгробий XIX – начала XX в. [16].

Активно привлекались материалы семейных архивов (документы и фотографии), любезно предоставленные потомками старых кольских семей. Записанные авторами устные воспоминания, семейные предания и легенды колян несколько расширили возможности письменных источников.

Методика работы. Процедуры. Исследовательский проект в ходе своей реализации прошел несколько этапов. На каждом из них были задействованы определенные методы и приемы.

1 этап (эмпирический). Создание электронных баз данных по ревизии 1782 г., духовным росписям и метрическим книгам Кольского собора. Создание каталога «Кольские семьи» с систематизацией всех упоминаний жителей Колы в архивных документах и печатных источниках.

2 этап (сортировка). Создание перечня постоянных жителей Колы с учетом их движения и родственных связей. Усечение электронных баз данных, с исключением из них лиц, временно находившихся в Коле.

3 этап (репрезентация). Построение генеалогических схем кольских семей.

4 этап (аналитический). Выявление демографических данных по постоянному населению Колы. Анализ демографических процессов в контексте всероссийской статистики. Построение модели.

Использованные в проекте методы и приемы предполагают создание системы адресного слежения за каждым жителем Колы в социальной системе всего города: от его рождения или приезда в Колу до смерти или выезда из города. Такой подход, хотя он и весьма трудоемок, позволяет филигранно просчитывать отдельные демографические показатели, вопреки тому, что самим формуляром архивного документа их учет не предполагался (например, национальный состав, механическое движение населения, определение родственности между лицами, количество поколений в семье и т.д.).

Большинство демографических показателей высчитывались в электронных базах данных с помощью программы Excel.

Важным элементом системы методов оказывается репрезентация семейной структуры города в генеалогических схемах. Историко-генеалогический метод облегчал поиск нужной информации, просчет необходимых данных и их проверку.

Некоторые результаты проекта. Результаты исследования нашли свое отражение в историко-генеалогическом атласе «Коляне» (авторы – А.А. Малашенков, П.В. Федоров) [18]. Стремление добиться понятности и прозрачности в таком сложном предмете исследования, каким является организм города, привело авторов к созданию не монографии, а именно атласа как одной из известных еще с древних времен форм наглядности. Атлас – та самая золотая середина, которая может сделать книгу интересной для непосвященного читателя и небесполезной для специалиста.

В первую часть атласа вошел словарь, включающий вводный очерк, 244 статьи, в том числе описания 149 проживавших в Коле семейно-родственных групп, 52 персонажей и 43 историко-этнографических категорий,

а также приложения. Содержательной основой второй части атласа стали генеалогические схемы кольских семей и фотографии.

Следует заметить, что в атлас включены описания и генеалогические схемы на все семьи, прожившие в Коле более 30 лет. Благодаря этому в научный оборот вводится полный контент наиболее устойчивых структур и элементов городского населения. Что касается демографических данных, представленных в атласе (численность населения, рождаемость и смертность, половозрастная структура, миграционные процессы, национальный состав), то они отражают еще более широкую картину – всего постоянного населения города, включая и тех лиц, кто проживал в Коле непродолжительное время.

Построенная в исследовании модель социальной структуры населения Колы в XIX – первой четверти XX в. основывается на семейно-родственной и сословной/социальной организациях общества. В проекте предпринята попытка связать семейно-родственную и сословную/социальную структуры, с учетом их динамического взаимодействия и возможных отклонений.

В течение XIX – начала XX в. жившие в Коле семейно-родственные группы укреплялись. Средний их размер за период с 1842 по 1915 г. вырос с трех до семи человек. Вместе с тем само количество семейно-родственных групп в Коле год от года сокращалось – с 250 в 1842 г. до 92 в 1915 г., что свидетельствовало о происходящем процессе «естественног отбора» наиболее жизнестойких элементов семейной структуры.

Рост семьи обязательно проходил проверку временем. Чем больше был опыт проживания семейно-родственной группы в Коле, тем больше членов она включала. Данное правило, однако, безусловно действовало только в пределах 100-летнего отрезка, а при более длительном периоде уже давало сбой. В больших и древних семейно-родственных группах в определенный момент мог начаться процесс вырождения.

Семейная структура состояла из малоподвижного ядра и подвижной периферии. В ядро входили наиболее крупные и уже осевшие в Коле семейно-родственной группы с численностью выше шести человек. Если в 60-е гг. XIX в. ядро включало чуть более 30 % от числа всех семей, то в начале XX в. – уже более 50 %. Небольшие семьи, окружавшие это ядро, образовывали подвижную периферию, в которой центростремительные токи по мере приближения к границе сменялись центробежными.

В ядре семейно-родственной группы удерживались силами укоренения. Критерием укорененности для жителей Колы оказывалась не столько личная прикрепленность к конкретному участку земли, что было невозможно в силу необходимости значительную часть времени проводить в море, на промыслах, сколько обустройство на этом участке земли семьи и быта, выбор его в качестве проживания в непромысловое время и, наконец, упокоение в нем после смерти [17]. Удельная доля семейно-родственных групп, проживших в Коле 50 и более лет, за пять десятилетий выросла с 22 до 52 %. Более медленно росла поколенность: с 1861 по 1915 г. удельная доля семейно-родственных групп с количеством поколений более двух выросла с 45 до 58 %. Жизнеспособность ядра поддерживалась обменными процессами. Самые старые семейно-родственной группы, сокращавшиеся в силу вырождения, заменялись новыми, более жизнестойкими, проникавшими в ядро через периферию.

Периферия предохраняла ядро от застойных явлений и вырождения. Анализ количества выбывших и прибывающих семейно-родственных групп в Колу показывает, что если до начала XX в. въезд преобладал над выездом (чем частично и покрывался ущерб от вырождения), то в дальнейшем миграционные процессы усилились: на каждую приехавшую семейно-родственную группу стала приходить одна выбывшая.

Развитие семейной структуры в определенной степени зависело от структуры сословной. Так, например, вывод из Колы в середине 1850-х гг. гарнизона инвалидной команды привел к исчезновению в городе военнослужащих.

В остальном же сословная структура подчинялась ритмам семьи. К концу XIX в. обеднение отдельных родов привело к исчезновению в Коле *купцов*. Важные позиции в городе традиционно занимали *мещане*. Увеличение группы *колонистов* свидетельствовало не столько об успехах *колонизации* Мурмана, сколько о ее дефектах: ведь все *колонисты*, оседавшие в Коле, обязаны были жить за пределами города, на Мурманском берегу. Но неустроенность побережья Баренцева моря привязывала их к Коле. Группа *крестьянства*, численность которой с начала XX в. стала интенсивно сокращаться, была главным участником миграций из города и в город. Небольшая по количеству, но влиятельная группа *духовенства* на протяжении всего периода сохранила стабильность. Интересные превращения произошли с *чиновниками*: и первое, и второе лишение Колы статуса уездного центра (1858–1883, с 1899 г.) не только не привело к исчезновению этой группы в городе, но в начале XX в. даже ее увеличило.

Семейная и сословная структуры были своеобразно привязаны друг к другу. Это доказывают вычисления среднего размера семейно-родственной группы по сословиям. Заметно, что ядро города составляли именно мещанские семейные коллективы, тогда как все остальные сословия были на границе ядра и периферии. Увеличивающиеся в размерах и постепенно оседавшие крестьянские, колонистские и чиновничьи семейно-родственные группы все сильнее притягивались к ядру.

Выбранная авторами методика позволила не только описать историко-демографическую картину северного уездного города, но и открыла возможности широкого использования отдельных групп данных для интерпретации истории повседневности. Так была подсчитана сезонность браков, зачатий/рождений и смертей колян. Пик браков приходился на январь, что было связано с завершением рождественского поста, и позднюю осень – время возвращения с промыслов. Церковь не регистрировала браков в марте и декабре, что совпадало с периодами постов. Симптоматично, что с сезонностью браков коррелируется сезонность зачатий (пики в январе и октябре), что вполне доказывает существование определенного порядка брачно-половых отношений. Исследование сезонности смертей в Коле выявляет наибольший пик их в апреле-мае, в период наибольшего ослабления организма после выхода из полярной ночи и суровой зимы. Причем, как выявил анализ метрических записей о причинах смерти, значительная часть колян заболевала инфекционными, в частности, простудными болезнями. Одним из источников распространения инфекций могли быть рыбопромышленники из беломорских поселений (так называемые «мурманщики»), до начала XX в. ежегодно в марте приходившие в Колу, которые затем, отдохнув после долгого пути, направлялись к местам промысла на побережье Баренцева моря.

Определение половозрастной структуры Колы позволило подкрепить бытовавшие в досоветское время мнения об особенной, более автономной роли женщин в семейно-бытовой жизни города и сформулировать вывод о некотором смещении гендерных стереотипов в социальном пространстве досоветской Колы, происходившем даже при сохранении патриархального типа семьи как господствующего на данном этапе. Обращает также на себя внимание высокий процент рождений внебрачных детей (9-11 %), тогда как в среднем по Европейской России – 2-4 % [19].

На основе анализа родственного статуса восприемников и поручителей выявлена динамика родственных и неродственных связей кольских семей и сделан вывод о том, что благодаря активному развитию вторых семейной структура приобретала далеко не упорядоченный, разновекторный характер внутренних отношений.

Синтезный анализ демографических данных и списков жителей Колы, состоявших на государственной службе и выборных должностях, позволил сопоставить общественную востребованность и активность семей с разным опытом проживания в Коле и прийти к выводу о существовании определенного баланса в социальной структуре Колы. Этот баланс достигался как за счет сохранения влияния больших и старых семейно-родственных групп, так и благодаря сравнительно быстрой адаптации и социализации новых, вновь прибывших семей.

Научный потенциал апробированной в проекте методики, таким образом, позволяет решать задачи, выходящие за пределы собственно демографической истории, и, в частности, реконструировать генезис и развитие адаптивных качеств живущих на Севере в исторической ретроспективе.

Источники и литература

1. Шоню П. Цивилизация классической Европы. М.; Екатеринбург, 2008.
2. См.: Федоров П.В., Синицкий А.Н. Мурманский некрополь. Мурманск, 2008. С. 34-35.
3. Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. И-16 (Кольский Благовещенский собор Мурманского благочиния), Ф. И-136 (Коллекция метрических книг приходов и церквей Александровского уезда Архангельской епархии).
4. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 29. Оп. 17 (Архангельская духовная консистория).
5. ГАМО. Ф. И-16 (Кольский Благовещенский собор Мурманского благочиния).
6. ГААО. Ф. 29. Оп. 29 (Архангельская духовная консистория).
7. ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 25. Д. 3, 11.
8. ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 207, 235.
9. ГАМО. Ф. И-127. Оп. 1. Д. 4.
10. ГАМО. Ф. И-16 (Кольский Благовещенский собор Мурманского благочиния), Ф. И-17 (Благочиние Мурманского округа).
11. ГАМО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-3.
12. Ушаков И. Кела старинная: очерк истории в досоветское время // Кела: Книга истории всех времен. Б\м, б\г. С. 112.
13. ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 238, 242.
14. ГАМО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 36, 37, 38.
15. Кунцевич Г.З. О защите города Колы от неприятеля в 1854 году. М., 1906; Сорокажердьев В.В. Архивные документы // Наука и бизнес на Мурмане, 2004. № 4.
16. Своебразным результатом работы с данными некрополя стал подготовленный в рамках проекта иллюстрированный каталог старинных надгробий Кольского кладбища: Кольский некрополь – памятник истории и культуры северного уездного города России XIX – начала XX вв.: Каталог / Сост. П.В. Федоров, А.А. Малашенков. Мурманск: МГПУ, 2010. 19 с., ил.
17. См. подробнее: Федоров П.В. «По любви к родному краю»: Об укорененности местного населения Колы в XIX – начале XX веков // Северяне: проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова: Сб. статей. Апатиты, 2006. С. 14-18.
18. Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас / Под общ. ред. д-ра ист. наук П.В. Федорова. В 2-х ч. Мурманск: МГПУ, 2010.
19. Население России в XX веке: Исторические очерки / Отв. ред. Ю.А. Поляков. В 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 62.

Еврейский вопрос на территории Российской империи во второй половине XIX — в начале XX века и деятельность еврейских общественных организаций и политических групп: историографический анализ

Еврейский вопрос, занимавший в России еще в XVIII в. в сфере государственных интересов не последнее место, требует для своего разрешения самого серьезного отношения к основным положениям социального и политического строя русских евреев. Необходимо разрешить вопрос о том, что представляли собой до настоящего времени евреи России. Были ли они вполне организованной национальной группой, имевшей свои особые надежды, свои стремления и свой особый внутренний мир, или они давно слились с русским народом, давно выражают в своей жизни его национальную волю.

Когда над евреями накануне христианской эры разразилась политическая катастрофа, когда в Палестине навсегда исчезла национальная организация, у евреев сохранилось лишь одно достояние их вековой культуры – их религиозная система. Эта система не требовала для себя никаких рамок политической жизни – она была пригодна для европейской нации всякого народа. Заключая в себе мессианские идеи, она постепенно трансформировалась и приняла национальный оттенок. После неудачной борьбы с христианством эта система начала заключать жизнь еврея в ее мельчайших подробностях в тесные рамки, предписания и изречения, составляющие гордость талмуда, который огромным количеством запретов окончательно изолировал внутреннюю жизнь евреев от внешних влияний. Он стал стражем его национальной самозащиты. Он безгранично царил над умами евреев и не давал им возможности органически сливаться с тем народом, среди которого ему приходилось быть пришельцем. Здесь кроется причина, по которой евреи, рассеявшиеся по разным странам, не имея ни территории, ни государственного устройства, чувствуют себя, однако, особым народом, имеющим свои особые интересы, свои стремления и надежды.

Евреи, несмотря на ужасные удары судьбы, никогда не стремились растворить свою национальность среди господствующего народа. Душа этого народа, его внутренний мир, его верования служили всегда той разделительной стеной, которая непоколебимо стояла между евреями и арийскими племенами. Здесь следует искать корень непримиримой вражды к евреям других народов. В течение двух тысяч лет он везде чувствует себя инородным телом, он не способен ассимилировать с коренным этнографическим элементом. В этом и заключается весь трагизм еврейского народа.

Анализируя труды, которые характеризовали период со второй половины XIX в. до Октябрьского переворота 1917 г., можно сказать, что авторы, занимавшиеся изучением основных правовых документов, касающихся еврейского населения империи, сделали вывод, что политика царского правительства относительно представителей этого этноса не была последовательной и однородной и постоянно изменялась в том или другом направлении, но в целом носила ограничительный характер. Их анализ показывает, что они охватывали все стороны жизни евреев и были помещены в каждом томе собраний законов Российской империи. Как отмечает Н.Щербак, законодательство Российской империи относило евреев к той категории «кинородцев», чьи права определялись особыми законами. Царское правительство ограничивало территорию расселения новых подданных в империи рядом законодательных актов. Еще в 1791 г. Екатерина II определила особым списком местности, за пределами которых представителям данного этноса не позволялось селиться. Это положило начало оформлению «черты оседлости», которая стала основой для последующего разрастания антиеврейского законодательства. Существование черты было подтверждено «Положением о евреях» 1804 и 1835 гг. Несмотря на то, что вопрос о необходимости ее уничтожения не раз поднимался в правительственные кругах, она просуществовала до 1917 г. и охватывала 15 губерний, восемь из которых были украинскими: Киевская, Волынская, Подольская, Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Полтавская и Черниговская.

Однако во времена правления Павла I и Александра I, невзирая на непоследовательность и отсутствие четкой стратегии по отношению к еврейству, численность представителей этой национальности начинает расти. Еврейский историк И.Талант, анализируя численность еврейского населения Киева и округи, отметил, что к 1797 г. евреи составляли 1,09 % населения города. В 1809 г. на момент правления Александра I – уже 2,26 %, а, по данным 1917 г., 18,75 % населения города признавали себя лицами еврейской национальности [6, с. 48].

Н.Щербак в своей статье «Еврейский вопрос в политике царского правительства в эпоху либеральных реформ 60–70-х годов XIX века» отображает попытки правительства Александра II решить «еврейский

* **Орлов Владлен Николаевич** (Полтава, Украина) – соискатель кафедры истории Украины Полтавского государственного педагогического университета им. В.Г. Короленко. E-mail: kafedra_pfpu@ukr.net

вопрос». Автор отмечает, что во второй половине XIX в. необходимость кардинальных изменений в обществе стала очевидной для всех. Поражение Российской империи в Крымской войне (1853–1856) показало всю прогнилость существующих порядков, заставило самых дальновидных представителей власти искать пути радикальных изменений. Александр II, вступивший на престол после смерти отца, был лицом посредственным. Об этом свидетельствуют, в частности, воспоминания его современников. «Не наделенный от природы ни сильным умом, ни крепкой волей, не получив даже воспитания, которое бы дало ему навык руководства в таких условиях, – отмечал Б.Чичерин, – он должен был выполнить одно из самых тяжелых заданий, которые могут выпасти на долю самодержавного правителя» [7, с. 143].

После десяти лет обсуждения и попыток решить крестьянский вопрос самодержавие осмелилось на радикальную реформу, что фактически означало **перестройку всего фундамента государственной власти и действующей системы**. Одной из самых последовательных реформ того времени была судебная реформа 1864 г. Прежний сословный суд, полностью зависимый от администрации, был заменен судом, который базировался на буржуазно-демократических принципах: независимости, гласности, отсутствии сословий. В результате осуществления судебной реформы возник институт адвокатуры, и евреи получили возможность заниматься адвокатской деятельностью. Образовательная реформа открыла доступ к высшему образованию представителям всех состояний.

Проводя эти общие либеральные превращения в стране, правительство Александра II непосредственно занялось решением еврейского вопроса, ведь количество подданных этой категории было достаточно многочисленным. Однако на первых порах после вступления на престол Александра II продолжала по инерции проводиться политика ограничений и запретов. В частности, в мае 1855 г. новый самодержец утвердил указ о запрещении евреям приобретать недвижимость в Полтавской и Черниговской губерниях. В ноябре того же года было запрещено назначать денщиков к евреям-врачам, которые были принятые на службу во время Крымской войны. В мае 1856 г. евреев-рекрутов запретили направлять во флот, было приказано их переводить в сухопутные войска. Тогда же изданы правила, которые лишали низших военных чинов из евреев права пользоваться отпуском, а также было запрещено назначать евреев на карантинную службу.

Но уже в 1856 г. Еврейский комитет, возглавляемый графом Киселевым, сделал вывод, что «слиянию евреев с другим населением мешают существующие для них ограничения» [6, с. 144]. За смягчение ограничительного законодательства выступали отдельные министры, некоторые представители местной власти, в частности, киевский генерал-губернатор князь Васильчиков и новороссийский генерал-губернатор граф Строганов. О расширении прав евреев беспокоились известные еврейские деятели. Постепенно началась либерализация антиеврейского законодательства. Были отменены некоторые ограничения относительно выполнения евреями рекрутской повинности, ликвидирован институт канонистов. Законом от 9 июля 1859 г. евреи-канонисты были возвращены родителям и родственникам на воспитание до двадцатилетнего возраста, отменено материальное вознаграждение за принятие евреями христанской веры. В 1859–1860 гг. были сняты ограничения относительно обитания евреев в отдельных городах «чертвы»: в Житомире (в 1858 г.), Каменец-Подольском (в 1959 г.), Киеве (в 1861 г.) и др. В 1858 г. было разрешено проживать в 50-верстовой пограничной полосе тем еврейским семьям, которые были приписаны к местным еврейским обществам и владели там недвижимостью.

В этот же период отдельные категории еврейского населения получили возможность постоянного обитания вне «черты еврейской оседлости». Законом от 16 марта 1859 г. такое право было предоставлено купцам I гильдии, долго ходатайствующих об этом. С ними вне «полосы» могли проживать члены их семей: жены, несовершеннолетние сыновья и незамужние дочери.

В январе 1858 г. новороссийский генерал-губернатор граф Строганов отмечал по поводу «деления» евреев, что уравнивание их во всех правах с местным населением не только отвечало бы законам справедливости, но и принесло бы пользу экономике и этим способствовало ослаблению еврейского фанатизма, чем было так обеспокоено правительство. Генерал-губернатор подчеркивал, что таким путем шел Запад для достижения «соединения» евреев с христианами. Такая позиция Строганова была поддержана министром внутренних дел Барским в докладе Еврейскому комитету от 25 октября 1858 г. Однако Комитет не согласился с такой мыслью и в журнале заседаний от 17 февраля 1859 г. выразил позицию, которая заключалась в том, что подобные изменения в правовом статусе евреев возможны лишь при условии кардинальных сдвигов во внутренней жизни и деятельности еврейского населения. Мнение Комитета поддержал Александр II.

Вопрос о необходимости ликвидации ограничительных законов широко обсуждался в печати того времени, в частности, в «Виленском Вестнике», «Московских Ведомостях» и других изданиях. Еще в 1857 г. министром образования был затронут вопрос о предоставлении права выбора местожительства евреям с высшим образованием. После обсуждений такое право было им предоставлено указом от 27 ноября 1861 г.

В 1862 г. министр образования А.Головний предложил расширить круг лиц, которые пользовались правом постоянного обитания вне «черты оседлости», предоставив его всем врачам и провизорам. С этим согла-

сились управляющий II отделения царской канцелярии барон Корф и военный министр Д.Милютин. Однако министр внутренних дел П.Валуев считал, что по этому поводу не стоит спешить, поэтому решение этого вопроса затянулось.

В 1862 г. министр финансов Рейтери предложил позволить евреям, занимавшимся торговлей и ремеслами, селиться в любых регионах, где того требовала их экономическая деятельность. Записка об этом была внесена им в Еврейский комитет, однако через его ликвидацию в 1864 г. это предложение было передано в Комитет Министров. Сюда поступали и другие подобные ходатайства. В частности, генерал-губернатор Васильчиков подал записку о необходимости предоставления права свободного обитания ремесленникам. Он считал, что такое мероприятие способствует улучшению тяжелого материального положения основной массы европейских ремесленников Юго-Западного края и поможет создать экономические силы, способные противостоять полякам. Подобную мысль поддерживали полтавский губернатор и губернаторы белорусских губерний. В результате указом от 28 июня 1865 г. евреям-ремесленникам было предоставлено право свободного обитания в империи. Для обучения молодежи ремеслам планировалось основывать ремесленные школы и училища.

Впоследствии, в 1867 г. право свободного обитания и передвижения получили отставные нижние чины европейской национальности. Для евреев были открыты некоторые профессии, в частности, маклера и нотариуса.

Указами Александра II от 1863 и 1865 гг. были расширены права евреев на торговлю спиртными напитками, и это способствовало тому, что почти вся «питьевая торговля» на то время в крае сосредоточилась в руках евреев [6, с. 146]. Поэтому впоследствии царское правительство начало ограничивать подобную деятельность европейского населения. Законом от 14 мая 1874 г. евреям было разрешено торговать спиртными напитками лишь в собственных домах. Но это не покачнуло их доминирующее положение в этой прибыльной сфере. При ходатайстве генерал-губернатора Васильчикова Еврейский комитет издал указ от 26 апреля 1862 г., который позволял евреям владеть землей и имениями в тех местностях, где уже были прекращены обязательные отношения между крестьянами и помещиками. Издание такого акта привело к концентрации земельной собственности в руках евреев, которые на земельном рынке проявляли большую активность. До 1864 г. они приобрели почти 30 десятин земли. Покупались не только отдельные участки земли, но и огромные поместья.

Анализ законодательства 60–70-х гг. XIX столетия свидетельствует, что на протяжении данного периода произошло некоторое улучшение положения европейского населения. Было отменено много ограничительных законов. Некоторым категориям было даровано право свободного выбора места проживания, для евреев был открыт доступ к ряду профессий. Учитывая реалии жизни, царское правительство было вынуждено пойти на ряд уступок и пересмотреть политику относительно подданных этой национальности. И всё же кардинальных изменений в политике относительно евреев в их правовом и гражданском статусе не случилось.

Особенный интерес среди исследований второй половины XIX в. вызывают многочисленные труды С.Дубнова, которые проливают свет на мироощущение европейской интеллигенции того периода, а также являются весомым вкладом в исследование различных аспектов политического бытия подrossийского еврейства, которые помогают понять мотивацию действий еврейства, его поведения в политических коллизиях на рубеже XIX – XX вв. С.Дубнов отмечал, что «откладывать на неопределенное время дело разработки русской европейской истории было крайне нецелесообразно». Современники, отдавая должное С.Дубнову, отмечают, что «Шимон бен Меир Дубнов» является центральной фигурой европейской историографии конца XIX – первых десятилетий XX в. и что именно он решительно отбросил мысль о том, что история европейского народа является только историей иудаизма [5, с. 187].

Функционирование и деятельность европейских общественных организаций приобретают широкую заинтересованность еще с 60-х гг. XIX в. Одной из первых публикаций в российской исторической литературе стал труд известного российского ученого-историка Ф.Леоновича. В его труде «Исторический обзор постановлений о евреях в России» отмечено реальное положение евреев, которые проживали на территории Российской империи: их социальный, экономический, правовой статус в государстве.

После Февральской революции и ликвидации самодержавия наблюдается бурный рост гражданской активности европейских политических партий и движений. Декретом Временного правительства ликвидировалась «черта оседлости», и евреи, как и все граждане, получили право выбирать на свое усмотрение место жительства, а также род занятий, работать в государственных учреждениях. Эти события не только стимулировали процесс приобщения евреев к различным общероссийским партиям, но и к гражданско-политическим организациям, которые представляли широкий спектр идеологических направлений.

Необходимо обратить особенное внимание на то, что к началу революционных событий преобладающая часть европейской «черты оседлости» находилась на территории украинских земель. Важным в данном вопросе является то, что в большинстве украинских городов, за исключением Чернигова и Полтавы, основное количество украинцев не было преобладающим. В таких стратегических городах, как Киев, Одесса, Харьков,

Херсон, Николаев, Екатеринослав, а также в городах Донбасса значительная часть городского населения являлась представителями еврейского населения, общее количество которых по Украине насчитывало до 28 % [4, с. 67-68].

Среди самых заметных политических организаций того времени заслуживает особого внимания Бунд (Общееврейский рабочий союз в Литве, Польше и России), который появился в начале XX столетия как еврейский филиал РСДРП. К лидерам Бунда на Украине принадлежали М. Рафес, Н. Либер, Д. Чериков, И. Тёмкин.

Еще одна еврейская национальная партия, которая тяготела к меньшевистской программе, – Еврейская социал-демократическая партия (Поалей-Цион) – имела сильные позиции в Екатеринославе. Ее лидеры Б. Борохов и А. Гордон выступали за решение главного еврейского вопроса путем возвращения в Эрец-Исраэль и создания в Палестине отдельной еврейской страны, «...которая будет презентовать всю еврейскую нацию» [1, с. 354]. Мойше Зильберфарб – также представитель Поалей-Цион – был назначен заместителем секретаря и ответственным за еврейские дела, а после принятия Четвертого университета – министром Еврейских дел [2, с. 5].

Особо активная роль в функционировании Центральной Рады отводится Соломону Гольдельману, который принадлежал к Еврейской социал-демократической партии (Поалей-Цион) и в 1918 г. был секретарем (министром) труда, исполняющим обязанности секретаря в делах национальных меньшинств. Он был инициатором разработки законодательства, которое регулировало вопрос международных отношений и межконфессионального мира. Своей деятельностью С. Гольдельман пытался «приложить усилия для устройства еврейской автономии и подвести под то строение парламентарный фундамент на демократических основах» [3, с. 222]. Попытка реализации данного задания была возложена на Еврейскую Национальную Раду, которая в тот период состояла из 50 депутатов, представителей пяти еврейских политических партий: Бунд, Поалей-Цион, Цеире-Цион, Ахдут, сионистов и политической организации «Фолькспартай». Однако реализации поставленной цели помешали объективные причины: оккупация Украины германскими и австро-венгерскими войсками, а также изменение политического режима – приход к власти гетмана П. Скоропадского.

Период прихода к власти большевиков характеризуется широкомасштабными акциями по ликвидации инакомыслящих партий и гражданских организаций как по всей стране, так и в каждом регионе в отдельности.

В этот период произошла ликвидация Временного Еврейского Национального Собрания и других еврейских организаций, которые презентовали еврейство и имели чрезвычайно важное значение в повышении его политического самосознания как Украины, так и всей России. Однако негативным фактором в деятельности вышеупомянутых органов самоуправления еврейства стали их политическая разобщенность, нестабильность, отсутствие единой позиции относительно жизненно важных вопросов, отсутствие консенсуса между различными группировками национального движения, что привело к нивелированию идей и стремлений к национально-культурной автономии и созданию мирового еврейства как субъекта международных отношений.

Источники и литература

1. Баканурський Г. Іудаїзм: напрямки і ставлення до джерел віровчення // Людина і світ, 2004. № 4. С. 44-48.
2. Беленький М.С. Что такое талмуд: Очерк истории и мировоззрения талмуда и современный иудаизм. М.: Наука, 1970. 215 с.
3. Гем Майл. Єврейський Київ // Хроніка-2000. К.: Преса України, 1998. Вип. 21-22. С. 119-132.
4. Гольдельман Соломон. Жидівська національна автономія на Україні (1917-1920) // Хроніка-2000. К.: Преса України, 1998. Вип. 21-22. С. 221-233.
5. Кальян Сергій. Єврейська громада України в політичному процесі другої половини XIX – початку ХХ століття // Політичний менеджмент, 2008. № 5. С. 184-191.
6. Найман О. Ереї України: у складі Російської імперії // Історія в школі, 2007. № 1. С. 44-48; № 4. С. 45-48.
7. Щербак Н. Єврейське питання в політиці царського уряду в епоху ліберальних реформ 60-70-х років XIX ст. // Сучасність, 2007. № 10. С. 143-149.

M.K. Стэльмах*

Влияние неурожаев на воспроизводство населения Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.

Исследований вопроса о влиянии неурожаев на динамику численности населения России сравнительно немного. Это касается крестьянства России в целом, так и отдельных ее регионов.

В дореволюционный период крестьянство в Пермской губернии стало объектом пристального внимания главным образом со стороны земств. Дореволюционная историография лишь фрагментарно затрагивает проблемы демографических изменений крестьянского населения конца XIX – начала XX в. Историко-демографические сюжеты в данный период не выделялись в самостоятельные исследования. В 1904 г. вышел историко-статистический сборник П.А. Голубева, в котором автор проанализировал материалы центральных и местных изданий по истории земского хозяйства, продовольственного дела, по движению населения, привел данные по урожаю главных хлебов [1]. В 1916 г. С.А. Новосельский опубликовал очерк о смертности и продолжительности жизни населения России, основанный на статистических данных, сгруппированных в таблицы [2].

В советское время следует выделить коллективный труд «Влияние неурожаев на народное хозяйство России» [3]. Авторы попытались осветить влияние неурожаев России на всю совокупность важнейших хозяйственных явлений и на все народное хозяйство в целом. Одним из первых к истории неурожаев 1890–1891 гг. на Урале в советской историографии обратился пермский историк М.И. Черныш [4]. В своих работах он исследовал проблемы голода 1891–1892 гг., особенности ведения сельского хозяйства в Пермской губернии. В ходе своего исследования он провел анализ влияния неурожаев на численность населения Пермской губернии.

В постсоветское время вопрос о влиянии неурожаев на численность населения исследован в работе Е.Ю. Алферовой [5]. Ценность работы заключается в том, что она проанализировала демографическую статистику, показала масштабность последствий голодных лет по показателям смертности, рождаемости и естественного прироста населения.

Источники по данному вопросу представлены статистическими сборниками и справочниками – Адрес-календари [6], Обзоры Пермской губернии изучаемого периода [7]. В них достаточно широко представлены сводная статистика сельскохозяйственного производства, потребления по территориям губерний, данные о численности населения. Анализ сводной статистики позволил выделить основные сквозные показатели: урожайность, смертность и рождаемость населения.

Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. развивалось традиционно. Господствовал натуральный характер ведения хозяйства. Пермская губерния по преимуществу относилась к нечерноземной полосе. На всем пространстве ее территории земли были малоплодородными, наиболее распространены почвы подзолистого типа с малой мощностью перегнойного горизонта, бедные питательными веществами, отличающиеся высокой кислотностью и бесструктурностью (дерново-подзолистые, подзолистые и подзолисто-болотные). Из всего объема земель Пермской губернии удобной для сельскохозяйственных культур в виде пашен, покосов и других угодий было всего 6 906330 дес. или 22,4 % [8].

В конце XIX в. в Пермской губернии произошел переход от переложной системы полеводства к трехполью. Несмотря на очевидные преимущества трехполья, оно приживалось в крестьянских хозяйствах с трудом. Поэтому в конце XIX в. часто наблюдался двойной севооборот: на ближних полях – трехпольный с удобрением, на отдельных – двухпольный, относившийся к переложной системе полеводства, без удобрения [9].

Темпы развития сельского хозяйства края оставались низкими. Урожайность то поднималась, то падала и в целом оставалась на низком уровне.

Валовой сбор хлебов (ржи, овса, пшеницы) возрос в Пермской губернии с 1884 по 1900 г. на 29,5% (ржи – на 11,8%, овса – на 46,7%, пшеницы – на 30 %) (рис. 1).

* Стэльмах Маргарита Константиновна (Екатеринбург) – сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

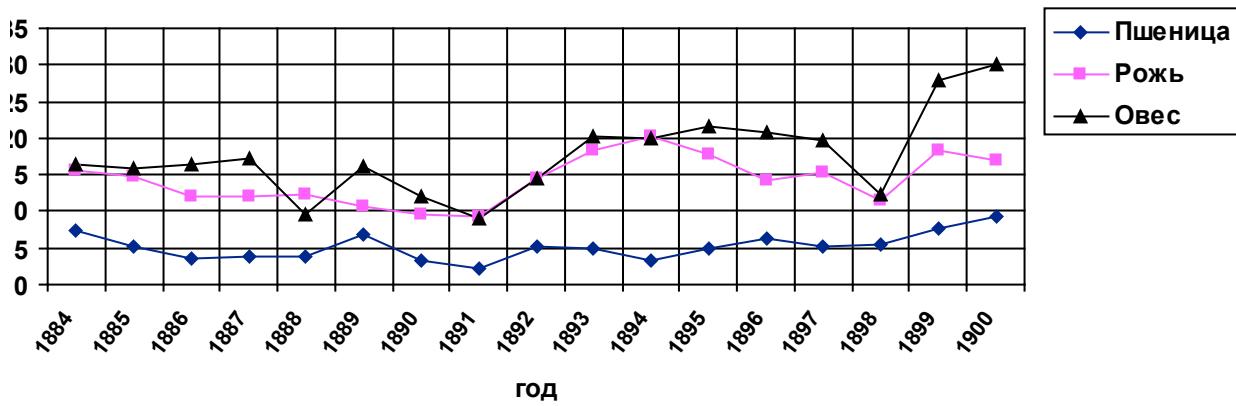

Рис. 1. Общий сбор ржи, пшеницы и овса за 1884–1900 гг. в Пермской губернии, тыс. четвертей.
Составлено по: Урал и Приуралье // Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под общ. рук. П.П. Семенова-Тян-Шанского. – СПб., 1914. – Т. 5. – С. 246.

Валовой сбор хлебов с 1900 по 1915 г. возрос на 33 %, средний валовой сбор хлебов за эти годы составил 106 505 912 пудов. Тем не менее рост валового сбора хлебов был непостоянен (рис. 2).

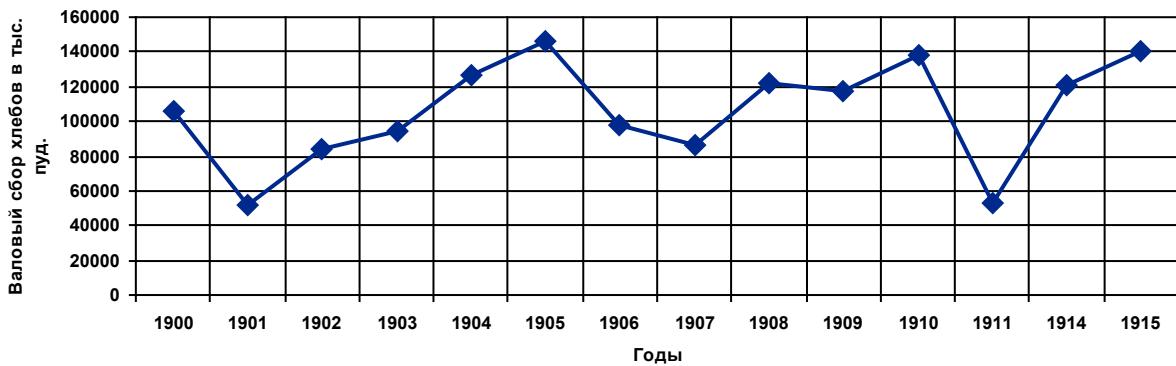

Рис. 2. Динамика валового сбора хлебов в Пермской губернии в 1900–1915 гг., тыс. пудов.
Составлено по: Доклад Губернской Земской Управы Пермскому Губернскому Земскому Собранию 41-й очередной сессии по урожаю хлебов и трав в Пермской губернии в 1910 г. – Пермь: Электро-типоврафия Губернского Земства, 1911. – С. 16-19; Доклад Губернской Земской Управы Пермскому Губернскому Земскому Собранию 46-й очередной сессии по урожаю хлебов и трав на крестьянских землях Пермской губернии в 1915 г. Копия. – С. 11-14; Журналы Пермского Губернского Земского Собрания 42-й очередной сессии и доклады комиссий и Управы. – Пермь: Электро-типоврафия Губернского Земства, 1912. – С. 302-303; Журналы Пермского Губернского Земского Собрания 45-й очередной сессии и доклады комиссий. Пермь: Электро-типоврафия Губернского Земства, 1915. – С. 284-286; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1900 г. – Пермь: Типография Губернской Земской Управы, 1903. – С. 68-69, 86; Обзор 1901 г. ... 1902. – С. 68-69, 84; Обзор 1902 г. ... 1903. – С. 68-71, 86; Обзор 1903 г. ... 1904. – С. 68-71, 86; Обзор 1904 г. ... 1905. – С. 52-55, 120; Обзор 1905 г. ... 1906. – С. 52-55, 123; Обзор 1906 г. ... 1907. – С. 52-55, 71; Обзор 1907 г. ... 1908. – С. 104-107, 123; Обзор 1908 г. ... 1909. – С. 104-107, 121; Обзор 1909 г. ... 1910. – С. 106-109, 124.

На рост валового сбора хлебов с 1892 по 1915 г. оказывали влияние неурожаи 1890–1891, 1901, 1906–1907, 1911 гг.

Неурожаи в Пермской губернии случались регулярно, что было связано с природно-климатическими особенностями края, низкой степенью развития культуры сельского хозяйства [10]. Так, в результате засушливой осени, суровой снежной зимы, морозной весны, небывалой засухи в течение всего лета или, наоборот, обильного выпадения осадков в конце XIX – начале XX в. были неурожаи хлебов и трав в Пермской губернии в 1890–1891, 1901, 1906–1907, 1911 гг.

Влияние неурожаев так или иначе испытывало все население Пермской губернии. Особенно сильным среди всех неурожаев конца XIX – начала XX в. был неурожай 1890–1891 гг. «В 1890 г. произошел полный неурожай как хлебов, а также кормовых веществ, необходимых на продовольствие домашнего скота» [11]. В 1891 г. разразился новый, сплошной для Зауральских уездов неурожай. Посевные площади за период с 1890 по 1892 г. сократились на 150 тыс. десятин, сбор хлебов в 1890 и 1891 гг. резко снизился, упав в 1891 г. почти наполовину против 1890 г. Население собрало приблизительно только то, что посеяло [12]. Общая сумма

убытков от неурожая по Пермской губернии в 1891 г. равнялась 2 638 623 руб. и раскладывалась на площадь 251 087 дес., т.е. на 130 081 руб. и по площади на 116 524 дес. больше, чем в 1890 г. [13].

В годы неурожаев и голода отмечался рост недоимок, сокращалась торговля, резко ухудшилось питание населения. При удовлетворительном урожае жители Пермской губернии могли прокормиться своими хлебами 1,4 года (для сравнения соседняя Оренбургская губерния – 2 года, а Уфимская и Вятская губернии – 1,4 года) [14]. Средние цифры потребления хлеба на душу населения по России с 1896 по 1915 г. составляли от 15,55 до 16,24 пудов в год [15]. Самые тяжелые в отношении продовольственного потребления были 1890–1891 гг. Так, в неурожайный 1890 г. в Шадринском уезде на душу населения приходилось всего 6,5, а в 1891 – 3,7 пудов продовольственных хлебов [16]. В XX в. показатели потребления в неурожайные годы были выше. Например, в неурожайный 1907 г., по сведениям земской статистики, количество потребления хлеба снизилось до 13,52 пудов [17]. В среднем на одного жителя в неурожайные годы приходилось не более десяти пудов, а в 1901 г. и 1911 г. – около шести пудов [18].

В результате недопотребления продовольствия в Пермской губернии разразился голод. Естественным последствием голодовок, порождаемых неурожаем, является усиление заболеваемости и смертности населения. По развитию заболеваемости и смертности особенно тяжелую память оставили 1891–1892 гг. В 1891–1892 гг. тиф свирепствовал в Пермской губернии, затем последовала холерная эпидемия, которая не прекращалась до марта 1893 г. В 1892 г. заболело 4156 (умерло 1985), в 1893 г. заболело 152 (умерло 79) [19].

В отчетах земских врачей за 1893 г. отмечались следующие эпидемические заболевания: дифтерия, скарлатина, дизентерия (8% с летальным исходом), тиф (брюшной, сыпной, возвратный), корь, натуральная оспа, холера, коклюш, перемежающаяся лихорадка, сибирская язва [20]. В результате неурожаев и голода в четырех уездах Пермской губернии (Шадринском, Камышловском, Екатеринбургском и Осинском) в 1892–1893 гг. умерли с голода по официальным данным до 40 тыс. чел. [21]. В действительности число умерших в Пермской губернии было значительно больше. В Шадринском уезде еще в январе 1891 г. нищенствовало до 19 % всех крестьянских семей, а в ссудах на продовольствие нуждалось не менее 25 % населения или 75 тыс. чел. [22]. Голод 1901, 1906–1907, 1911 гг. крайне истощил население пострадавших районов, благодаря чему создалась в высшей степени благоприятная почва для развития заразных болезней. По сообщениям местной печати в ряде мест в Пермской губернии в 1907 г. были зафиксированы случаи заболевания брюшным тифом, холерой, течение которых приняло эпидемический характер [23]. В 1911 г. были распространены случаи заболевания цингой [24].

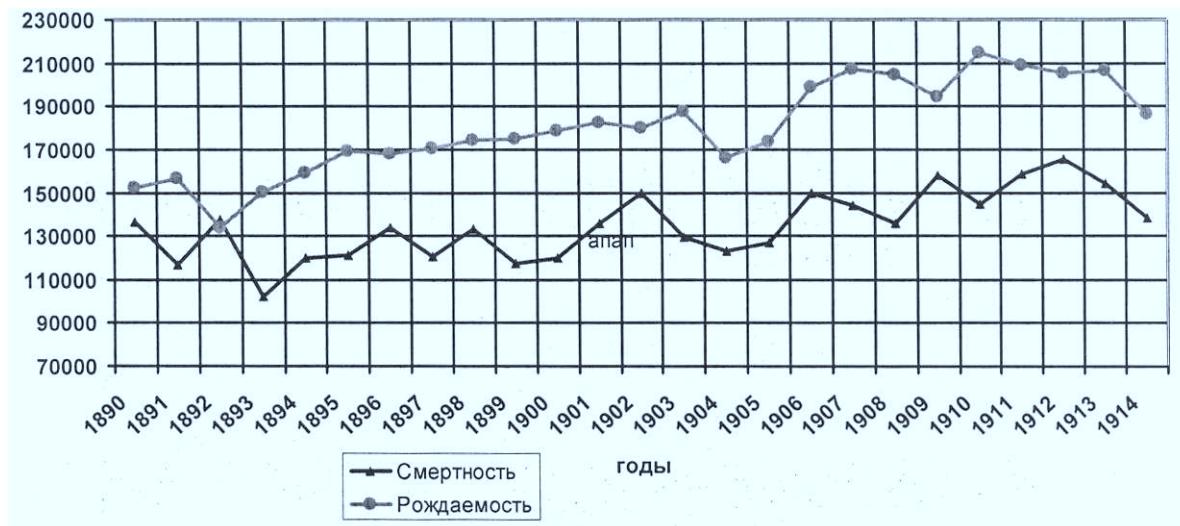

Рис. 3. Смертность и рождаемость населения Пермской губернии в 1890–1914 гг.

Составлено по: Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 г. / Под ред. Р. Попова. Издание Пермского губ. Стат. Комитета. Пермь, 1890. С. 91-92; Памятная книжка... на 1892 г. ... 1891. С. 77-78; Памятная книжка... на 1894 г... 1893. С. 110-111; Памятная книжка... на 1895 г... 1895. С. 102-103; Памятная книжка... на 1896 г... 1896. С. 94-95; Памятная книжка... на 1897 г... 1897. С. 70-71; Памятная книжка... на 1898 г... 1898. С. 103-104; Памятная книжка... на 1899 г... 1899. С. 128-129; Памятная книжка... на 1900 г... 1900. С. 4-5; Памятная книжка... на 1901 г... 1901. С. 4-5; Памятная книжка ... на 1902 г... 1902. С. 68-69; Памятная книжка... на 1903 г... 1903. С. 76-77; Памятная книжка... на 1904 г... 1904. С. 78-79; Памятная книжка... на 1905 г... 1905. С. 112-113; Памятная книжка...на 1907 г... 1907. С. 81; Памятная книжка... на 1908 г... 1908. С. 3; Справочная книжка... на 1910 г... 1910. С. 177; Справочная книжка... на 1911 г... 1910. С. 125; Справочная книжка на 1912 г... 1911. С. 28-29; Справочная книжка... на 1913 г... 1912. С. 28-29; Справочная книжка... на 1914 г... 1914. С. 28-29; Справочная книжка... на 1915 г... 1915. С. 28-29; Обзор 1915 г. ... 1916. С. 52-53.

Если проследить демографическую ситуацию в Пермской губернии, то голод в 1901, 1906–1907, 1911 гг. и сопутствующие ему эпидемии повлияли на естественный прирост населения, рождаемость и смертность населения в указанные и последующие годы. Наибольшие людские потери из всех голодных лет в первые годы XX в. принес 1911 год, но он не сравним с показателями голодного 1892 г. (рис. 3, 4).

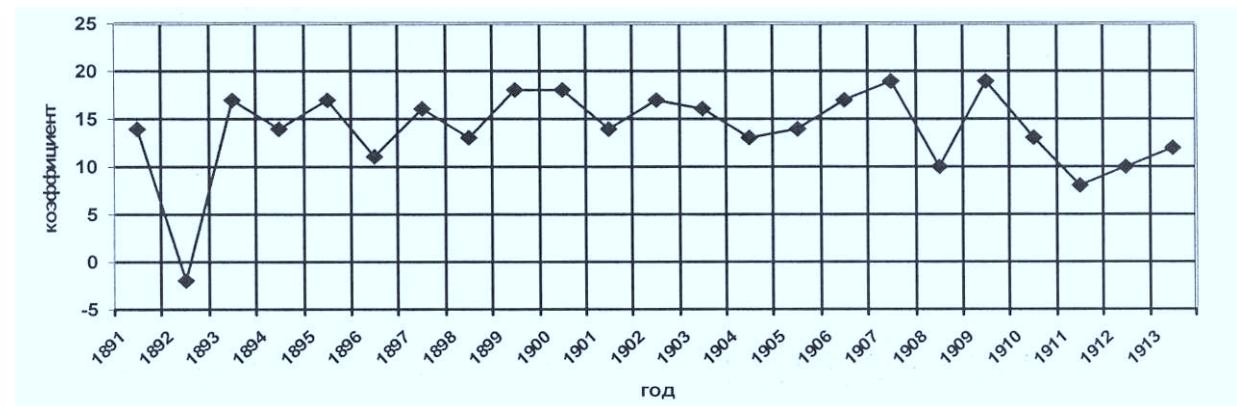

Рис. 4. Динамика основных коэффициентов естественного движения населения Пермской губернии.
Составлено по: Алферова Е. Ю. Динамика общих коэффициентов естественного движения населения в XIX – начале XX в. // Население России и СССР: новые источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993. С. 20.

Таким образом, с 1889 по 1912 г. 1892 г. – это единственный год, когда прирост населения пошел на убыль. Хотя неурожай 1911 г. был по своему масштабу таким же, как и в 1890–1891 гг., но масштабного голода и больших людских потерь удалось избежать (табл. 1).

Таблица 1

Урожай хлебов и картофеля в Пермской губернии в 1890–1891, 1910, 1911, 1912 гг. средним числом сам

Хлеба	1890–1891 гг.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Рожь	3-4,2	5,85	2,45	6,85
Пшеница	1,2-1,7	6,3	1,6	4,1
Овес	2-2,4	4,9	2,0	3,9
Ячмень	2,5-2,9	6,1	2,9	5,0
Гречиха	2,1-6,25	4,5	4,0	3,5
Картофель	4,8-5,75	5,5	4,7	5,5

Составлено по: Черныш М.И. Неурожай 1890–1891 гг. на Урале и их социально-экономические последствия (По материалам Пермской губернии) // Исследование по истории Урала. Пермь, 1970. С. 224; Обзор Пермской губернии за 1911 г. Пермь, 1912. С. 7. (прил.); Обзор Пермской губернии за 1912 г. Пермь, 1913. С. 4-7 (прил.).

Общественности и государственной власти пришлось много сделать для устранения последствий неурожаев и предупреждения голодовок. Об этом свидетельствует реорганизация продовольственной безопасности на рубеже XIX – XX вв. Трансформация продовольственной системы была стимулирована тяжелыми последствиями голода 1891–1892 гг. Неурожай этого года можно было предвидеть, если бы земства приступили к заготовкам заранее, то смогли бы создать нужный запас продовольствия с относительно меньшими затратами. Результатом этой ошибки явился голод, охвативший 20 восточных губерний, в том числе Пермскую губернию с 40-миллионным крестьянским населением.

Цель новых проектов заключалась в использовании более совершенных мер борьбы с последствиями неурожая. Продовольственный устав 1834 г., все еще действовавший в конце XIX в., показал свою несостоятельность в сфере продовольственного обеспечения российского общества.

Первая реорганизация была инициирована МВД. В 1892 г. был принят «Устав об обеспечении народного продовольствия» [24]. Правящие круги признали его несовершенным и для его пересмотра 18 февраля 1893 г. Александр III утвердил Особую комиссию. В итоге ее семилетней работы появились «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей», утвержденные Николаем II 12 июня 1900 г. Согласно созданному законодательству, меры борьбы с голодом и неурожаем сводились к двум основным направлениям: накопление продовольственных средств в благополучные по урожайности годы и раздача их в ссуду и частью в безвозвратное пособие в периоды неурожаев и других бедствий. Существовало три уровня продовольственного обеспечения: местный, губернский и общегосударственный. Продовольственные средства составлялись из общегосударственного продовольственного капитала, предназначенного для тех чрезвычайных случаев, когда местные средства оказывались недостаточными для удовлетворения потреб-

ностей населения в продовольствии и семенах. Основным средством обеспечения продовольственных и се-менных нужд населения служили общественные натуральные запасы (хлебные запасы) [25].

Таким образом, в начале XX в. начали складываться общегосударственная и региональные системы про-довольственной безопасности. В начале XX в. на Урале они начали функционировать. В результате неблаго-приятных природно-климатических условий наблюдалась регулярность неурожаев – 1901, 1906, 1907, 1911 гг. Массовые голодовки, которые обычно были следствием неурожаев, в регионе в данный период не наблюдались. Примером борьбы с последствиями неурожая могут быть события 1911 г.

Осенью 1911 г., когда определились признаки неурожая, власти Пермской губернии постарались принять меры по недопущению голода. Для удовлетворения нужды населения были привлечены местные средства, губернский и общеимперский капиталы, а также осуществлялась благотворительная помощь. Предпринятые меры помогли избежать страшного голода в губернии. Неурожай 1911 г. не отразился на демографических показателях в отличие от неурожая 1890–1891 гг., когда от голода в 1891–1892 гг. умерли по всей России 500 тыс. чел. (рис. 5).

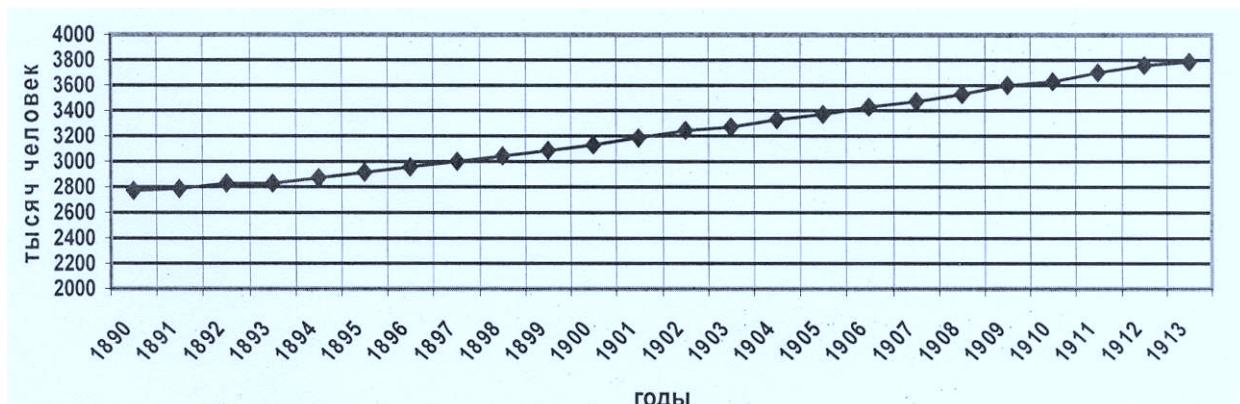

Рис. 5. Численность населения Пермской губернии в 1890–1913 гг.

Составлено по: Зайцев В. К вопросу о численности населения Европейской России // Влияние неурожаев на народное хозяйство России. М., 1927. Ч. 2. С. 81.

Следовательно, государству, попытавшемуся модернизировать продовольственную систему, удалось добиться относительно стабильного продовольственного обеспечения сельского населения в начале XX в. Последствия неурожаев и голодовок начала XX в. были не такими масштабными, как в 1891–1892 гг. Таким образом, неурожай в начале XX в. имел незначительное влияние на воспроизводство населения Пермской губернии.

Источники и литература

1. Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904.
2. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни. Пг., 1916.
3. Влияние неурожаев на народное хозяйство России. М., 1927.
4. Черныш М.И. Неурожай 1890–1891 гг. на Урале и их социально-экономические последствия (По материалам Пермской губернии) // Исследование по истории Урала. Пермь, 1970. С. 224–246; Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959; Черныш М.И. Сельское хозяйство и расслоение крестьянства // История Урала / Под ред. Ф.С. Горового. Пермь, 1963. Т. 1. С. 290–296.
5. Алферова Е.Ю. Динамика общих коэффициентов естественного движения населения в XIX – начале XX вв. // Население России и СССР: новые источники и методы исследования: Сб. науч. статей. Екатеринбург, 1993.
6. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 г. / Под ред. Р. Попова. Издание Пермского губ. Стат. Комитета. Пермь, 1890; Памятная книжка... на 1892 г. ... 1891; Памятная книжка... на 1894 г... 1893; Памятная книжка... на 1895 г... 1895; Памятная книжка... на 1896 г... 1896; Памятная книжка... на 1897 г... 1897; Памятная книжка... на 1898 г... 1898; Памятная книжка... на 1899 г... 1899; Памятная книжка... на 1900 г... 1900; Памятная книжка... на 1901 г... 1901; Памятная книжка ... на 1902 г... 1902; Памятная книжка... на 1903 г... 1903; Памятная книжка... на 1904 г... 1904; Памятная книжка... на 1905 г... 1905; Памятная книжка...на 1907 г... 1907; Памятная книжка... на 1908 г... 1908; Справочная книжка... на 1910 г... 1910; Справочная книжка... на 1911 г... 1910. С.125; Справочная книжка на 1912 г...1911; Справочная книжка...на 1913 г... 1912; Справочная книжка... на 1914 г... 1914.
7. Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1900 г. Пермь, 1903; Там же. Обзор 1901 г. ... 1902; Там же. Обзор 1902 г. ... 1903; Там же. Обзор 1903 г. ... 1905; Там же. Обзор 1904 г. ... 1905; Там же. Обзор 1905 г. ... 1906; Там же. Обзор 1906 г. ... 1907; Там же. Обзор 1907 г. ... 1908; Там же. Обзор 1908 г. ... 1909; Там же. Обзор 1909 г. ... 1916.
8. Обзор Пермской губернии за 1898 год. Пермь, 1899. С. 9.

9. Чагин Г.Н. Природная среда и особенности культурно-бытовых традиций народов Среднего Урала в середине XIX – начале XX вв. // Этносы и культуры на стыке Европы и Азии. Пермь, 2002. С. 127.
10. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории, 1992. № 4. С. 43.
11. ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 34. Л. 63.
12. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 243. Л. 4, 7.
13. Черныш М.И. Неурожай 1890–1891 гг. на Урале и их социально-экономические последствия (По материалам Пермской губернии)... С. 227.
14. Усманов Х.В. Развитие торгового земледелия в Башкирии в пореформенный период // Из истории сельского хозяйства Башкирии. Уфа, 1976. С. 76.
15. Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. М., 1920. С. 26.
16. Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию XXII Чрезвычайной сессии. Пермь, 1891. С. 28.
17. ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 57. Л. 113.
18. Обзор Пермской губернии за 1911 г. Пермь, 1912. С. 17-19.
19. Отчет об эпидемии холеры и мероприятиях против ее распространения в Пермской губернии в 1893 г. Пермь, 1894. С. 34.
20. ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 298. Л. 12.
21. Черныш М.И. Неурожай 1890–1891 гг. ... С. 228
22. Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию XXII Чрезвычайной сессии. Пермь, 1892. С. 26.
23. Нам пишут // Уральская жизнь, 1907. № 196. С. 6.
24. Продовольственная безопасность Урала в XX в. Документы и материалы / Под. ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург, 2000. С. 205-207.
25. Устав по обеспечению народного продовольствия // Свод законов Российской империи. В 5 кн. СПб. Т. 13. Кн. 5. С. 15-16.
26. Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей от 12 июня 1900 года // Свод законов Российской империи. В 5 кн. СПб. Т. 13. Кн. 5. С. 44-50.

Параметры интенсивности семейного труда в крестьянском хозяйстве Европейского Севера в 1910–1920-е гг.

Для большинства исследователей является аксиомой то, что рабочая сила и ее использование в семейном производстве служат одним из главнейших элементов, которые обеспечивают устойчивость и взаимосвязь всех его параметров. Еще в начале XX в. в связи с обсуждавшимся вопросом о путях эволюции аграрного строя страны в условиях капитализации сельской экономики указанная проблема нашла отражение в публикациях российских экономистов, в частности, А.В. Чаянова [1]. Далеко не случайно, что в 1920-е гг., после завершения восстановительных процессов в деревне, в период, когда весьма актуальным становился вопрос о судьбе единоличного семейного производства и возможностях его развития в социально-экономических условиях нэпа, проблема организации труда крестьянского двора вновь привлекла внимание экономистов-аграрников [2].

В последующий период интерес к проблеме был затенен макроуровневым анализом аграрного производства в стране, и исследователи, за некоторым исключением [3], редко возвращались к данной теме. Лишь в конце 1990-х гг. вновь наметился определенный интерес к ретроспективному изучению внутренних и внешних производственных факторов, обеспечивавших эволюцию индивидуального производства в 1920-е гг. [4]. Например, в рамках оформленвшегося в XX веке научного направления – крестьяноведения – довольно плодотворно разрабатываются вопросы типологии семейного хозяйствования [5].

Применительно к условиям Европейского Севера России в распоряжении исследователя данного вопроса, к сожалению, находится довольно ограниченный круг документальных и статистических источников. Прежде всего, это данные бюджетных описаний крестьянских дворов, причем речь идет о так называемых полных бюджетах, в которых фиксировалось количество труда, вложенное крестьянской семьей в производственные процессы, а также материалы динамических переписей с аналогичной информацией. Сводные данные по полным «северным» бюджетам за 1922/23–1925/26 гг. в свое время были опубликованы статистическими органами разных уровней [6]. Взятые в совокупности, они позволяют выявить ряд закономерностей, присущих развитию мелкого крестьянского хозяйства, среди которых и интересующий нас вопрос об эволюции уровня трудоинтенсивности сельскохозяйственного производства крестьянского двора, разделении труда работающих членов семьи, факторах, содействовавших сохранению в деревне аграрного перенаселения. В конечном итоге изучение организации крестьянского труда, или, по выражению А.В. Чаянова, меры самоэксплуатации трудовых сил крестьянской семьи [7] позволяют более рельефно проследить уровень взаимозависимости элементов внутрихозяйственной организации двора и внешних экономических и технических условий развития деревни в ситуации, когда индивидуальное производство занимало определяющие позиции в аграрной подсистеме страны.

По заключению А.В. Чаянова, базировавшемуся на обобщении материалов земской бюджетной статистики 1910-х гг., на Европейском Севере 41,4 % от общего объема трудовых сил крестьянской семьи (в пересчете на одного взрослого работника) использовались в течение года непроизводительно [8]. Согласившись с аргументацией автора о типичности приведенных им показателей, не сложно прийти к выводу, что, очевидно, в трудовом земледельческом хозяйстве нормы напряжения труда были значительно ниже его полного использования. Причины такого положения объяснялись факторами, лежащими во внутреннем строе самой семьи, и теми условиями производства, которые обуславливали собой разную степень трудозатрат [9].

Подобный анализ бюджетной статистики 1901–1910-х гг. распределения рабочего времени в бедняцких семьях Вологодского и Великоустюгского уездов Вологодской губернии привел Г.И. Просвирину к аналогичному выводу о том, что рабочие (производительные) возможности даже бедной крестьянской семьи не реализовывались в полной мере (потери времени и праздники занимали у взрослого работника Вологодского уезда 25,62 %, у взрослой женщины – 12,70 % всего годового запаса времени). Более того, в наименьшей степени рабочие возможности семьи реализовывались в сельскохозяйственном производстве двора. В Вологодском уезде на занятия земледелием взрослые мужчины использовали только 10,44 % рабочего времени, в Великоустюгском – соответственно 9,28 %. На скотоводческое хозяйство затраты были еще меньше: в Вологодском уезде – 3,91, в Великоустюгском – 1,38 %. Невелик был вклад в развитие производительных сил двора и женских рабочих рук (соответственно по уездам на земледелие затрачивалось 14,91 и 11,85 %, на скотоводство – 9,70 и 9,91 %).

* Саблин Василий Анатольевич (Вологда) – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Вологодского государственного педагогического университета.

Домашняя работа являлась в основном уделом женщин и помогавших им девочек-подростков. В Вологодском уезде 28,90 % бюджета времени взрослой женщины и 38,20 % бюджета девочек падало на ведение домашнего хозяйства, в Великоустюгском – 74,95 и 91,40 %.

По причине ничтожных размеров крестьянских наделов, которые не могли поглотить всю наличную рабочую силу бедняцких семей, большую часть производительных затрат бюджета времени в том и другом уезде отнимали занятия промыслами (у взрослых мужчин – 54,24, подростков-мальчиков – 43,69, взрослых женщин – 33,79, у подростков-девочек – 13,01 % в Вологодском уезде, соответственно – 33,22 и 91,96 % у мужчин и подростков и лишь 3,29 % у женщин в Великоустюгском уезде). По предположению Г.И. Просвириной, более низкий процент занятости населения в промыслах в Великоустюгском уезде находил объяснение в отдаленности уезда от «торговых путей» [10].

Все вышеприведенное дает основание для выводов о том, что в северных губерниях в начале XX в. собственное сельское хозяйство в совокупности с домашними занятиями не занимали всего рабочего времени крестьянской семьи. Значительная доля времени (а у бедняка – основная часть) тратилась на занятия промыслами (от 33,22 до 54,24 % времени работников-мужчин). Промысловая деятельность в беднейших дворах служила лишь внешней формой «самостоятельности» хозяйства.

Аграрная революция 1917–1921 гг. формально обеспечила землей всех желающих. В основу передела земли был положен «едоцкий» принцип землеобеспечения. Законодательство 1920-х гг., как известно, оставило в силе этот принцип, поэтому размер крестьянской семьи и количество рабочих рук в ней сохраняли некую взаимосвязь с размером пашни или посева в хозяйстве. Но в силу того, что в крестьянской семье наличную рабочую силу стремились использовать прежде всего в своем сельском хозяйстве, и только после этого излишки ее обращались на посторонние заработки, площадь пашни служила как бы известным пределом использования наличной рабочей силы своего двора, который далее должен был распадаться на два или несколько самостоятельных хозяйств.

Средний размер крестьянской семьи на Севере на протяжении 1910–1920-х гг. постоянно уменьшался и достиг к концу периода минимальных по стране величин – в среднем около пяти человек. Соответственно сокращалось и число рабочих рук в хозяйстве. Снижение демографических параметров двора не выходило, однако, за рамки производственной целесообразности и, по нашему мнению, достигло в системе новых хозяйственных отношений 1920-х гг. определенных оптимальных величин [11].

Часть запаса рабочего времени двора постоянно расходовалась вне своего хозяйства, на промыслах, что позволяло иметь дополнительные возможности для укрепления сельскохозяйственного производства. Объем рабочей силы в своем хозяйстве в любом случае играл основную роль. «В условиях полунатурального, потребительского хозяйства, – писал один из участников экспедиции по колонизационному обследованию района средней и нижней Печоры 1928 г., – не капитал в виде орудий производства или даже мертвого инвентаря (дома, хозяйственных построек) имеет решающее значение. Главный производственный для хозяйства элемент – это физический труд, или точнее, запас рабочей силы в данном хозяйстве... В многолюдной семье с большим абсолютным и относительным числом трудоспособных членов создается тот избыток рабочих сил, который позволяет поднимать хозяйство» [12].

Прежде чем анализировать организацию труда крестьянских хозяйств, необходимо иметь представление об «урочном положении», т.е. нормах затрат рабочего времени на сельскохозяйственные работы. Необходимо отметить, что в 1927 г. была осуществлена фундаментальная публикация сведений о трудозатратах в крестьянском хозяйстве СССР, основанных на материалах бюджетных обследований 1922–1925 гг. [13]. В силу того, что в отмеченной публикации информация об урочном положении, как правило, имеет более общую порайонную группировку, обратимся к детализированным сведениям о трудоемкости основных отраслей крестьянского хозяйства Северо-Двинской губернии, составленным на основе бюджетных обследований 1924/25 г. [14].

Затраты рабочего времени на сельскохозяйственные работы в расчете на тот или иной вид работы в хозяйствах различных посевых групп не были одинаковы: в мелких хозяйствах они, как правило, были больше, в крупных – меньше. Связано это было не только с размером полеводческого хозяйства, но также и со степенью организации производства и его интенсификации. Данное обстоятельство следует иметь в виду при непосредственном анализе распределения годового запаса времени в крестьянских хозяйствах [15].

В полеводстве среди технических культур на первом месте по степени трудозатрат находилось выращивание льна. Учитывая, что лен на Европейском Севере преимущественно выращивался на подсечных участках – «новинах», льняной производственный цикл включал в себя весьма трудоемкую подготовку подсеки для посева (30,1 % всех трудозатрат), вспашку (2,7 %), сев и заделку семян (5,2 %). После созревания льна работы возобновлялись. Лен выдергивался и ставился в суслины (11,5 %), высущился на «вшешалах» (5,8 %), «околачивался» от льняных головок (7,8 %), расстипался на стлищах (9,0 %). После вылеживания льносоловку мяли (9,8 %), трепали (10,3 %) и чесали (7,8 %), получая в итоге кудель. На весь цикл работ в среднем расходовалось 239,5 дней в расчете на взрослого работника.

Из зерновых культур наиболее трудоемкой являлась рожь. Полный цикл работ по ее выращиванию от изначальной фазы до получения конечного продукта включал в себя следующие этапы:

а) подготовка почвы и посев (первая вспашка (5,1 % от всех трудозатрат)) с последующим боронованием (4,0 %), вывозка (16,4 %) и разбрасывание навоза (4,6 %), вторая вспашка (4,3 %) и боронование (2,6 %), третья вспашка (5,2 %) и окончательное боронование (3,2 %), сев и заделка семян (5,5 %);

б) уборка и первичная обработка – «жнитво» и вязка снопов (18,1 %), вывоз с поля (4,8 %), сушка в овинах (2,6 %), молотьба и веяние зерна (23,6 %). В мелкопосевных дворах весь цикл занимал 78,4 дня взрослого работника, в средних по посеву дворах – 68 дней.

Сенокосные работы могли по причине погодных условий затянуться во времени, но, в целом, не были столь трудоемки. На кошение травы тратилось 58,7 % от всего рабочего времени, на сушку сена – 18,8, «метание» сена в стога или копны – 22,5 % [16].

В животноводстве большая часть бюджета времени тратилась на работу по уходу за крупным рогатым скотом. Причем затраты времени на скотоводство (в расчете на одну голову) в мелкопосевных хозяйствах и в данном случае превышали аналогичные трудозатраты в многосеющих дворах.

Для более полной иллюстрации происходивших изменений в характере использования рабочих рук в крестьянской семье обратимся к материалам бюджетных обследований 1922–1926 гг. о расходовании годового запаса рабочего времени в крестьянских хозяйствах разных районов Европейского Севера. Основой послужили разнообразные источники, включающие разработки ЦСУ и местных статистических бюро, а также итоговые результаты первых аналитических исследований проблемы, проведенных в те же 1920-е гг. [17]. Нарушенная за годы Первой мировой и Гражданской войн и без того неблагополучная пропорция между производительным и свободным временем достигла к этому времени своей крайней минусовой точки. Логично предположить, что это было связано с дальнейшим ухудшением общей экономической конъюнктуры, голодом, перенаселенностью деревни, вызванной ускоренной обратной миграцией в северную деревню населения, в свое время полностью или частично порвавшего связь с деревенским хозяйством [18], а также возвращением демобилизованных красноармейцев [19].

Запас неиспользованного семей рабочего времени в разных регионах Европейского Севера составлял в 1922/23 г. от 24,55 до 50,76 % от общего запаса. Распределение же производительно израсходованного времени обладало присущей начальному периоду нэпа спецификой – от 29,5 до 37,23 % своего временного бюджета северный хозяин тратил на восстановление и обустройство своего двора, серьезно деформированного в предшествующее лихолетье (около 75 % из общего количества затраченного времени).

Ускорение темпов возрождения сельскохозяйственного производства края, изменение характера экономической политики и налоговой системы постепенно приводили к исправлению диспропорций организации труда, возвращали крестьянский двор к традиционному для Севера интегрированному хозяйству. Уже в 1923/34 г. возросли объемы рабочего времени, израсходованного на развитие своего сельскохозяйственного производства (по региону с 32,86 до 35,75 % от всего объема времени). В Северо-Двинской губернии динамика этого увеличения выражалась в следующих показателях: 29,5 % – в 1922/23 г., 37,6 % – в 1923/24 г., 38,5 % – в 1924/25 г. В Карельской АССР в 1923/24 г. затраты труда крестьянского двора в своем сельском хозяйстве были наименьшими по региону – 27,28 %, что находило объяснение в замедленных темпах восстановления экономики республики.

Тем не менее, судя по средним показателям, объемы неиспользуемого в хозяйстве рабочего времени не сокращались, а наоборот обнаруживали тенденцию к увеличению: 29,0 % – в 1923/24 г., 36,48 % – в 1924/25 г. (в Крайнем Северном районе – 34,38 %), 35,46 % – в 1925/26 г. В Карельской АССР в 1923/24 г. – 31,80 %, в Вологодской и Северо-Двинской губерниях около 30,0 % от годового запаса времени (по сведениям И.П. Скворцова, объем непроизводительно израсходованного времени составлял в Северо-Двинской губернии в 1922/23 г. – 32,1 %, в 1923/24 г. – 26,7 %, в 1924/25 г. – 21,8 % [20]). В Шенкурском уезде Архангельской губернии в 1924/25 г. этот показатель даже превышал 36,0 %. Иными словами, по мере восстановления экономики крестьянского хозяйства использование труда членов семьи возвращалось к пропорциям дореволюционного периода.

В стабильной обстановке распределение рабочего времени крестьянской семьи между отдельными отраслями хозяйства, как отмечал в свое время Л.И. Литошенко, являлось довольно устойчивой и медленнее меняющейся характеристикой, чем, например, доходность двора [21]. Данное обстоятельство позволяет дополнительно выяснить удельный вес в экономике двора каждой отрасли хозяйственной деятельности. За весь рассматриваемый период в структуре затрат рабочего времени первые позиции почти повсеместно занимали полеводство, затем домашнее хозяйство и скотоводство. В Карельской АССР в 1923/24 г. процесс восстановления крестьянского производства был еще далек от завершения, поэтому домашнее хозяйство отнимало 14,14 % годового запаса времени, на втором месте среди трудозатрат двора стояло скотоводство – 11,54 % и лишь затем полеводство – 9,41 %.

Обращает на себя внимание большой объем затрат времени карельской семьи на неземледельческие занятия – 17,82 %, что в принципе вполне объяснимо, учитывая преимущественно промысловый характер сельского двора этой республики. В Шенкурском уезде Архангельской губернии в 1924/25 г. около 13,0 % от запаса рабочего времени крестьянского двора также тратилось на неземледельческие занятия.

Дополнительные корректизы в среднестатистические данные о степени «самоэксплуатации» крестьянской семьи вносит анализ бюджетных материалов с использованием посевной группировки дворов. Имеющиеся сведения об основных элементах двора Вологодской и Северо-Двинской губерний за 1922/23 и 1923/24 гг. [22], охватывают пять посевых групп крестьянских хозяйств. К первой группе отнесены дворы, засевавшие от 0,1 до 2,0 дес. пашни, ко второй – от 2,1 до 4,0 дес., к третьей – от 4,1 до 6,0 дес., к четвертой – от 6,1 до 8,0 дес., к пятой – от 8,1 до 16,0 дес. Распределение годового запаса времени во всех посевых группах дворов имело ряд общих черт.

Затраты труда на обработку своих собственных наделов земли находились на первом месте и занимали в 1922/23 г. 32,86 %, а в 1923/24 г. – 35,75 % от годового запаса рабочего времени семьи. С увеличением землебеспеченности в хозяйстве возрастали как общие запасы труда, так и его затраты на сельское хозяйство. Значительная часть времени тратилась на домашнее хозяйство (16,92 % – в 1922/23 г. и 14,04 – в 1923/24 г.), неземледельческие занятия (9,67 % – в 1922/23 г. и 6,7 % – в 1923/24 г.) и лесное хозяйство (около 5,0 % за оба года). Небольшими по объему были затраты времени на работу в чужом хозяйстве (1,48 % – в 1922/23 г. и 2,33 % – в 1923/24 г.), переработку продуктов сельского хозяйства (примерно 4,0 %), на прочие затраты, как, например, поездки в город, присутствие на сходах и собраниях, на уплату сельскохозяйственного налога и т.п. (в 1922/23 г. – примерно 4,0 %).

Расход рабочего времени на домашнее хозяйство в процентном отношении к годовому запасу складывался в примерно одинаковую пропорцию по всем посевным группам: 1922/23 г. в четвертой посевной группе домашние работы отвлекали 18,43 %, в третьей – 16,37, во второй – 16,28, в первой – 17,60 %. В 1923/24 г. – соответственно – 12,73 %, 15,41 %, 12,83 %, 15,75 %. Такого рода положение, видимо, объяснялось тем, что домашние работы были довольно однородны во всех типах хозяйств, и затраты времени на них в зависимости от размера хозяйств изменялись очень незначительно.

Большой интерес представляют данные о затратах рабочего времени на неземледельческие занятия. Не сложно заметить, что чем ниже была посевная группа, т.е. чем слабее экономически было хозяйство, тем больше рабочей силы отпускалось им на сторону. В первой группе дворов, севших до 2,0 дес. пашни, затраты времени на побочные заработки составляли в 1922/23 г. 14,51 %, во второй – уже меньше, только 6,60 %, в третьей – 3,94 %, в четвертой – 1,95 % от общего годового запаса рабочего времени. Та же динамика была присуща и 1923/24 г.

Следует заметить, что на работы в чужом сельском хозяйстве отпускали рабочую силу те же маломощные хозяйства первой посевной группы. В этих дворах затраты на такого рода работы отнимали в 1922/23 г. 2,13 % от общего бюджета времени и вместе с неземледельческими занятиями составляли 16,64 % от общего бюджета рабочего времени (в 1923/24 г. – соответственно 13,15 %). Но даже при таком сравнительно большом проценте отчуждения на сторону рабочей силы в этих дворах от 20,72 до 31,11 % рабочего времени никак не использовалось.

В 1922/23 г. наименьший в процентном отношении запас неиспользуемого рабочего времени (9,01 %) наблюдался в четвертой посевной группе (от 6,1 до 8 дес. посева) крестьянских дворов, в 1923/24 г. – в пятой (19,17 %). С большой долей уверенности такого рода крестьянские дворы можно отнести к наиболее устойчивому типу хозяйствующих субъектов северной деревни середины 1920-х гг. Однако при этом следует отметить то обстоятельство, что для характеристики северной деревни посевые группировки крестьянских хозяйств все же довольно относительны. Для полноты анализа требуется определенная корректировка показателей с учетом специфики семейного производства, носившего, как отмечалось, многопрофильный характер. Иными словами, чтобы судить о трудоинтенсивности крестьянского хозяйства, следует сопоставить данные о затратах рабочего времени (в человекоднях) двора с его производственными параметрами.

Опираясь на материалы об «урочном положении» в сельском хозяйстве Северо-Двинской губернии в 1920-е гг. и данные бюджетных обследований 1922–1925 гг., можно определить степень трудоинтенсивности крестьянских дворов различных посевых групп [23].

Рабочие нормы обработки посева и сенокоса в различных посевых группах были неодинаковы: минимальные – в мелких хозяйствах (0,3 и 0,7) и наибольшие – в более обеспеченных (1,0 и 1,8). Отсюда использование труда работников было тем интенсивнее, чем шире было хозяйство: в один и тот же сельскохозяйственный период работник высших групп обрабатывал больше работника мелких дворов посева в 3 раза, сенокоса – в 2,5 раза. Естественно, что у работников малопосевных дворов было больше неиспользованного рабочего времени.

Второй важной закономерностью являлось то, что с увеличением общего размера посева в хозяйствах разной мощности происходило уменьшение затрат рабочего времени на 1 дес. посева и в целом на 1 дес. сельскохозяйственной площади двора (от 78,4 до 42,6 дней и от 54,1 до 30,8 дней).

Третья закономерность проявлялась в том, что по мере роста обеспечения двора уменьшались затраты труда в скотоводстве в расчете на одну условную голову скота (в переводе на крупный).

Наконец, четвертая закономерность находила проявление в том, что, как уже было отмечено, рост обеспеченности дворов сопровождался увеличением трудовых затрат на свое сельское хозяйство.

В любом случае, следует говорить о большей рационализации труда средних и высших посевных групп дворов по сравнению с мелкими, с одной стороны, и о позитивных тенденциях в организации крестьянского труда в целом, с другой стороны.

Та же направленность относительной оптимизации крестьянского труда прослеживается при анализе организаций рабочего времени крестьянской семьи в «зрелый» период нэпа. Основываясь на материалах крестьянских бюджетов 1925/26 г., рассмотрим данные об утилизации годового запаса рабочего времени в трех губерниях Северного региона [24].

По мере укрупнения хозяйства затраты рабочего времени на сельское хозяйство возрастили с 25,71 % в малопосевных группах до 45,87 % в высших группах от общего запаса рабочего времени. Данная тенденция проявлялась более зримо при сопоставлении затрат рабочего времени на сельское хозяйство к общему объему утилизированного труда – от 38,53 до 59,0–60,0 %.

В разрезе губерний отмеченная закономерность проявляла себя во всей полноте. В промысловой Архангельской губернии затраты времени на свое сельское хозяйство составляли 36,87 % от всего использованного времени, в то время как в «земледельческих» Вологодской и Северо-Двинской губерниях – около 50,0 %.

Изменение затрат рабочего времени в сельском хозяйстве в различных посевных группах, как и в предшествующие годы, происходило в обратном направлении по сравнению с изменением размера затрат вне своего хозяйства – на работу по найму на промышленных предприятиях, службу в учреждениях, извоз, занятая промыслами, батрачество и поденщину в чужих крестьянских дворах. Чем меньше отнимало времени свое земледельческое производство, тем больше свободных рук находило применение вне крестьянского двора. В среднем по всем хозяйствам региона работа «на стороне» составляла около 10,0 % от всего годового запаса рабочего времени или 15,64 % от реально использованного времени (20,33 % в низших группах дворов, 4,84 % – в высших посевных группах).

Важно отметить, что бюджеты 1925/26 г. отразили ситуацию снижения затрат труда на свое сельское хозяйство по сравнению с предшествующими годами, что можно расценить как отражение процессов завершения восстановления сельского хозяйства и изменения производственной направленности крестьянского двора. Причем это снижение находило объяснение в расширенном расходовании труда вне своего хозяйства, в капитальном строительстве и ремонте инвентаря.

Тем не менее, если предшествующие бюджеты довольно отчетливо отразили процесс сокращения неиспользованного остатка времени, то бюджеты 1925/26 г. свидетельствовали о постепенном накоплении избыточного труда в крестьянской семье. Причем этот остаток накапливался абсолютно во всех типах дворов, но был особенно заметным в средних (37,90 %) и наиболее зажиточных дворах – 40,67 %. Примечательно, что данная тенденция не находила отражения лишь в крестьянских хозяйствах Архангельской губернии, что было связано, на наш взгляд, с расширенными возможностями архангельского двора использовать рабочую силу на лесных работах, и связанной с этим структурной перестройкой крестьянского хозяйствования, ориентацией двора на несельскохозяйственные источники дохода.

Вполне очевидно, что завершение восстановления крестьянской экономики (незначительной по своим размерам) при одновременном росте населения двора создавали в северной деревне достаточно серьезную проблему лишних рабочих рук.

Чтобы выяснить вопрос об изменениях в организации труда в крестьянском производстве к концу 1920-х гг., обратимся к данным о бюджете времени крестьянских хозяйств различных экономических групп Летской, Ношульской и Верхолузской волостей Сысолинского уезда Коми АО. Итоговые результаты были получены в ходе статистического обследования крестьянских дворов, проведенного в 1927/28 г. [25]. Они подтверждают вывод о том, что крестьянская семья в зависимости от внешних обстоятельств далеко не в полной мере использовала имеющееся в ее распоряжении рабочее время. Наибольшим запасом свободного времени обладали бедняцкие хозяйства (40–51 %), наименьшим – середняцкие (33–39 %) и зажиточные дворы (24–43 %).

Более детальные данные о производительном использовании рабочего времени в разных типах крестьянских дворов Летской волости в 1927/28 г. [26] приводят к выводу, что работа в собственном хозяйстве поглощала основное рабочее время абсолютно во всех экономических группах дворов. Естественно при этом, что в бедных семьях с меньшим объемом сельскохозяйственного производства затраты времени на неземледель-

ческие занятия возрастили (до 34,4 % от производительно использованного времени). С точки зрения аграрной инфраструктуры, наиболее устойчивыми являлись дворы зажиточных крестьян.

В средних дворах Ношульской волости неземледельческие заработки, такие как лесозаготовка, рыболовство, смолокурение и дегtekурение занимали 26,5 % бюджета времени, в Верхолузской – 32,0 %. Самообслуживание (домашние хозяйствственные работы, уход за скотом) – соответственно 21,5 % и 22,2 %, луговодство – 16,0 % и 12,7 %, полеводство – 14,0 % и 13,7 % от общего итога рабочего времени и т.д. [27].

Обобщая сказанное, необходимо подчеркнуть, что сам принцип организации труда определялся теми условиями производства, в которых находилась семья как хозяйственная единица. Наличие большого объема времени, затрачиваемого крестьянами на работу вне своего хозяйства и полностью неиспользованного времени, служило определенным показателем аграрного перенаселения.

Сама проблема аграрного перенаселения имела две стороны – внешнюю и внутреннюю. Применительно к крестьянской семье работа вне своего хозяйства может с определенной долей условности служить показателем внешнего перенаселения крестьянского двора. Сводные материалы крестьянских бюджетов 1924/25 г. по Крайнему Северному (Карельская АССР, Коми АО, Архангельская губерния) и Северному (Вологодская и Северо-Двинская губернии) экономическим районам позволяют вести речь об устоявшейся тенденции отвлечения работников в сферу внешнего перенаселения. Так, в малопосевных дворах (до 2,0 дес. посева) во внекрестьянской сфере постоянно было занято 0,6 работника, во дворах с посевом свыше 2,0 дес. – 0,4 работника. В Северном районе показатель внешнего перенаселения в среднем был ниже – лишь 0,3 работника на хозяйство. Здесь каждое хозяйство первой и второй посевных групп (до 4,0 дес. посева) во внекрестьянскую сферу отчуждало 0,3 взрослого работника, с посевом от 4,1 до 6,0 дес. – 0,5, хозяйства с посевом свыше 6,1 дес. – 0,2 работника [28]. Таким образом, носителями внешнего перенаселения являлись по-прежнему не только малопосевные дворы, но и другие категории хозяйств. Правда, в высших посевных группах занятость вне аграрного производства явно снижалась.

В 1927/28 г. в Летской волости Сысольского уезда Коми АО в бедняцких дворах вне своего хозяйства было занято примерно 0,4 работника, в середняцких – 0,3 и в зажиточных дворах чуть более 0,4 работника. В середняцких семьях Ношульской волости за пределами двора было занято примерно 0,5 работников, в Верхолузской – 0,6 работников [29].

Вопрос о внутреннем перенаселении, на первый взгляд, решается проще. Наличие большого количества рабочего времени, которое производительно не использовалось в крестьянском хозяйстве, должно было свидетельствовать о наличии в семье работников, труд которых оставался невостребованным, либо о неинтенсивном расходовании трудовых ресурсов всей крестьянской семьи. Судя по данным «вологодских» бюджетов 1923/24 г. доля непроизводительно расходуемого времени в хозяйстве равнялась 29,6 %. Если предположить, что по условиям года в третьей посевной группе организация труда являлась оптимальной (запас годового рабочего времени использовался в наибольшей степени по сравнению с другими посевными группами), то объем неиспользованного времени в этой группе (20,5 %) можно считать нормальным [30]. Сопоставив с этим показателем неиспользованный остаток времени других посевных групп, не трудно подсчитать уровень «трудоизбыточности» хозяйств разных посевных групп. Для первой группы он составлял 10,4 %, для второй – 11,9 %. Четвертая и пятая посевные группы дворов испытывали надобность в дополнительных рабочих руках.

По мере восстановления крестьянской экономики внутренняя перенаселенность становилась фактором, имманентно присущим практически всем категориям дворов [31]. К 1924/25 г. темпы нарастания внутреннего перенаселения крестьянских дворов резко возросли. В наибольшей степени этот процесс затронул дворы, имевшие наибольшие посевные площади. Тем не менее каждая средняя семья той или иной посевной группы имела от одного до полутора «лишних» работников [32].

Разумеется, такого рода диспропорции в организации труда имели источником внутрихозяйственные факторы развития, выражавшиеся, в частности, в сезонном характере сельскохозяйственных работ. Согласно чрезвычайно интересным сведениям о сезонных колебаниях и распределении суточного запаса рабочего времени крестьянской семьи, опубликованным в свое время С.Г. Струмилиным, в зимнее время работа поглощала лишь около 9 час. суточного времени всех членов семьи, тогда как летом – свыше 14 час. Обращает на себя внимание высокая степень насыщенности женского труда, связанного в значительной степени с ведением домашнего хозяйства, которое мало подвергалось сезонным колебаниям [33].

На макроуровне типичность представленной С.Г. Струмилиным картины утилизации рабочего времени различными категориями работников крестьянской семьи подтверждается материалами бюджетного исследования крестьянских хозяйств Северо-Двинской губернии 1924/25 гг. [34].

Характер половозрастного разделения труда в 1920-е гг. был тождественен довоенному периоду времени. Работники-мужчины более других тратили время на промыслы и работу вне своего двора – на поездки и прочие отлучки по хозяйственным делам и ремонтно-строительные работы. На сельское хозяйство у них

уходило до 30,0 % рабочего времени (более всего на полеводство 13,9 %). Напротив, у женщин треть всего времени уходила на домашнее хозяйство и переработку продуктов сельскохозяйственного производства, которая производилась почти исключительно ими. Вдвое больше, чем мужчины, женщины затрачивали времени на огород и уход за скотом. В полеводческой сфере на женщин также выпадала большая часть работ.

Труд «половработника» использовался главным образом в полеводстве, лесном хозяйстве и частично на стороне, труд «половработниц» – почти исключительно в своем хозяйстве, в частности, в скотоводстве и направне с работницами в домашних работах, в которых работники-мужчины почти не участвовали.

Общая нагрузка на членов семьи была неодинаковой: меньше неиспользованного и праздничного времени оставалось у взрослых женщин по сравнению с мужчинами (32,8 против 48,6 %). Иными словами, уровень трудозатрат женщины-домохозяйки составлял более 3/4 всего запаса времени в год, тогда как у работника – мужчины – около 2/3, у «половработника» – только половину.

Микроуровневый анализ первичных материалов крестьянских бюджетов Карельской АССР 1925/26 г. также подтверждает обозначенную тенденцию использования рабочего времени [35]. За редким исключением во всех крестьянских хозяйствах Карелии по причине весьма трудоемкой и являвшейся традиционно «женской» домашней работы и занятости в полевом хозяйстве объем использованного рабочего времени женщин (работниц и половработниц) намного превосходил занятость мужчин. При этом нельзя не отметить огромный запас неиспользованного крестьянами рабочего времени, особенно в Ухтинском уезде республики, доходивший до 60,0 % от годового бюджета времени двора. Интенсивность использования женского труда по сравнению с мужским трудом в крестьянском хозяйстве Летской волости Сысольского уезда Коми АО, судя по данным 1927/28 г., была выше примерно на 9,0 % (колебания от 7,0 % в зажиточных семьях до 14,0 % в бедных дворах) [36].

Приведенные данные подтверждают вывод о сезонном перенаселении северной деревни. Зимняя безработица, поражавшая до трех четвертей всей мужской рабочей силы крестьянской семьи, являлась серьезным сдерживающим фактором внутрихозяйственного развития.

Важным дополнением к сказанному может служить наблюдение А.В. Чаянова, заключающееся в том, «что, покрыв некоторой долей трудовых усилий свои потребности и достигнув внутреннего хозяйственного равновесия, крестьянская семья в дальнейшем уже не имеет стимулов в работе» [37]. Несколько иного, но очень схожего мнения придерживался А.Г. Дербенев, который писал: «Некоторый неиспользованный запас рабочего времени всегда должен оставаться в крестьянском хозяйстве... Этот запас очень «пружинистый», он легко расширяется и легко «сжимается»... , но он должен быть; придет нужда в виде сезонных напряженных работ, в виде обремененности работника большим числом ртов, и работник сократит этот запас неиспользованного времени – пружина сожмется: пройдет нужда, делаются работы менее доходными и тому подобное, и снова «пружина запаса» может разогнуться – снова увеличится «запас». Только под давлением нужды, растущих потребностей или особой выгодности идет крестьянин на решительное сокращение своего остатка неиспользованного рабочего времени» [38]. Подобные выводы не кажутся бесспорными, но сама проблема мотивации труда во многом связана с традиционной ментальностью крестьянского социума и применительно к 1920-м гг. требует специального изучения.

В заключение следует подчеркнуть, что в более широком плане трудоинтенсивность семейного производства в деревне всецело зависела от необычайно низкой сельскохозяйственной конъюнктуры 1910–1920-х гг. На Европейском Севере с его медленными темпами развития производства диспропорции в организации крестьянского труда были особенно заметны. Дробление отцовских семей и выделение малой семьи приводили к уменьшению населения среднего крестьянского хозяйства до размеров чуть превышающих 5 человек на двор. При этом не снималась проблема организации труда членов семьи. Доля неиспользуемого рабочего времени в крестьянской семье (при высокой степени самоэксплуатации женского труда) в первой половине 1920-х гг. была несоразмерно велика. Со временем отмеченная диспропорция начинала сглаживаться, что приводило к снижению относительных показателей непроизводительно расходуемого времени. Правда, это не изменяло абсолютных показателей неиспользованного времени (человекодней). Проблема утилизации труда крестьянской семьи в условиях расширявшихся рамок аграрного перенаселения из демографической плоскости постепенно трансформировалась в плоскость социально-экономических отношений.

Источники и литература

1. Чаянов А.В. Русское льноводство, льняной рынок и льняная кооперация. М., 1917. С. 75.
2. Бруцкус Б.Д. Экономия сельского хозяйства: Народнохозяйственные основы. Берлин, 1923; Литошенко Л.Н. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М., 1923; Прокопович С.Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924; Струмилин С.Г. На хозяйственном фронте. Сб. статей (1921–1925). М.; Л., 1925; Студенский Г.А. Очерки сельскохозяйственной экономии. М., 1925; Чаянов А. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925; Анисков Я.А., Верминичев И. Д., Наумов К.И. Производственная характеристика крестьянских хозяйств разных социальных групп. М.; Л., 1927; Макаров Н.П. Организация сельского хозяйства. М., 1927; Диков А.И.

- Организация труда в крестьянском хозяйстве. М., 1928; Он же. Крестьянское хозяйство после пяти лет НЭПа. Воронеж, 1928. Вып. 1; Либкинд А. Социально-экономическая сущность аграрного перенаселения // На аграрном фронте, 1929. № 11/12; Сулковский М. Классовые группы и производственные типы крестьянских хозяйств. М., 1930 и др.
3. См., напр.: Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1977; Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х гг. как исторический источник. М., 1981. Примечательно, что в 1978 г. появилось единственное за всю советскую историю исследование Г.И. Просвириной, посвященное бюджету рабочего времени в крестьянском хозяйстве Вологодской губернии в начале XX века. Правда, оно было посвящено анализу приложения труда беднейших дворов. (Просвирина Г.И. Бюджет рабочего времени в крестьянском хозяйстве Севера в начале XX века (по материалам Вологодской губернии) // Историография и источниковедение северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1978. Вып. VI. С. 123-127).
4. Мельников В.И. Историческая судьба крестьянства и мелкотоварного производства: Полемики и дискуссии периода НЭПа (1921 – конец 20-х гг.). Н. Новгород, 1999; Полюбина И. Б. Крестьянское хозяйство в России: теория и практика. Барнаул, 1999; Телицын В.Л. Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. М., 1998; Шайдуллин Р.В. Крестьянские хозяйства Татарстана: проблемы и пути их развития в 1920–1928 гг. Казань, 2000 и др.
5. См. подробнее: Гордон А.В. Типология семейного хозяйствования в крестьяноведении (90-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 1999. М., 1999. Вып. 3. С. 5-25.
6. Гильберт И. Бюджет крестьянского хозяйства за 1923–24 год. (По обследованию 1924 года) // Экономика и статистика Карелии. № 1–3. 1925. Петрозаводск, 1926. С. 100-114; Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г. 1. Северный район. 2. Уральский район. Труды ЦСУ. М., 1926. Т. XXXI. Вып. 1; Крестьянские бюджеты 1924–1925 гг. М., 1928; Крестьянские бюджеты 1925/26 гг. М., 1929; Крестьянские бюджеты 1925–26 г. Основные материалы. М., 1929; Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. Вып. 1. Труды ЦСУ. М., 1924. Т. VIII. Вып. 5; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год. Архангельск, 1926; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 годы. Вологда, 1926.
7. См. : Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 232.
8. Данные приведены по: Деларов Д. И. Опыт экономической характеристики Севера. (К вопросу о выработке программных заданий Обл. Опытной Станции по с.-х. делу) // Север, 1924. № 1. С. 110.
9. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство... С. 238.
10. Просвирина Г.И. Указ. соч. С. 123-126.
11. См. подробнее: Саблин В.А. Основные тенденции демографического развития деревни Европейского Севера России в 1917–1920-е годы // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: Материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 261-268.
12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 7. Д. 3652. Л. 238-239.
13. Урочное положение на сельскохозяйственные работы в связи с техникой полеводства (по данным крестьянских бюджетов 1922/23, 1923/24 и 1924/25 гг.). М., 1927.
14. См.: Скворцов И. «Средние нормы выработки» в крестьянском хозяйстве Северо-Двинской губернии // Бюллеть Северо-Двинского губернского статистического бюро, 1926. № 2. С. 10.
15. По употребляемым статистическим нормам годовой запас времени взрослого работника принят равным 360 дням.
16. Скворцов И. «Средние нормы выработки»... С. 5-7.
17. Гильберт И. Указ. соч. С. 107; Дербенев А.Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1923–24 г. на основе изучения его бюджета. Великий Устюг, 1925. С. 12; Статистический ежегодник. 1922 и 1923 гг. Вып. 1. Труды ЦСУ. М., 1924. Т. VIII. Вып. 5. С. 338; Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г. Вып. 1. Северный район. 2. Уральский район. Труды ЦСУ. Т. XXXI. Вып. 1. М., 1926. С. 391-392; Крестьянские бюджеты 1924–25 г. М., 1928. С. 14-15; Крестьянские бюджеты 1925–26 г. Основные материалы. М., 1929. С. 2-8; Скворцов И.П. Бюджет времени крестьянина Северо-Двинской губернии // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Великий Устюг, 1925. Вып. 1. С. 56; Скворцов И. П. Бюджет рабочего времени северо-двинского крестьянин // Северное хозяйство, 1926. № 1. С. 14-15; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год. Архангельск, 1926. С. 112; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 гг. Вологда, 1926. С. 75; Национальный архив Республики Карелия. Ф. 700. Оп. 1. Д. 11/82. Л. 25, 67.
18. Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 233.
19. Саблин В.А. Основные тенденции демографического развития деревни Европейского Севера России в 1917–1920-е гг. // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв. XXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы док. и сооб. (Тамбов, 15-18 сентября 1998 г.). М., 1998. С. 137-139; Он же. Основные тенденции демографического развития деревни Европейского Севера России в 1917–1920-е гг. // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. Материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 261-268.
20. Следует иметь в виду, что в «северо-двинских бюджетах» годовой запас времени был исчислен в объеме 300 дней, что составляло примерно 82,2 % от принятого нами годового запаса времени в 360 дней. Соответственно, все показатели по этой губернии нуждаются в увеличении примерно на 18 %.
21. Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г. ... С. XXI.
22. Там же. С. 391-392.

23. Скворцов И.П. Бюджет времени крестьянина Северо-Двинской губернии... С. 54, 60, 61; Он же. Бюджет рабочего времени северо-двинского крестьянина ... С. 17-20.
24. Крестьянские бюджеты 1925–26 г. ... С. 3-8.
25. Государственной учреждение Республики Коми РК «Национальный архив Республики Коми» (ГУ РК НАРК). Ф. 139. Оп. 1. Д. 472. Л. 101–103; Ф. 407. Оп. 1. Д. 277а. Л. 124.
26. ГУ РК НАРК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 472. Л. 101-103; Ф. 407. Оп. 1. Д. 277а. Л. 124.
27. Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 277а. Л. 126.
28. Подсчитано по: Крестьянские бюджеты 1924–25 г. ... С. 14-15.
29. Подсчитано по: ГУ РК НАРК. Ф. 407. Оп. 1. Д. 277а. Л. 125-126. Анализ опубликованных результатов гнездовой сельскохозяйственной переписи 1927 г. по Коми автономной области также приводит к выводу о том, что свыше половины дворов (от 38,2 до 74,2 %) отпускали своих работников на неземледельческие заработки, в том числе около 12,3 % дворов на срок в 76 и более дней. (см.: Коми область. Краткий статистический справочник. Сыктывкар, 1929. С. 64-65).
30. Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 годы ... С. 79.
31. Тем самым подтверждаются выводы на этот счет, сделанные в свое время отечественными историками (см., напр.: Бокарев Ю.П. Указ. соч. С. 186-193).
32. Бокарев Ю.П. Указ. соч. С. 192; Скворцов И. П. Бюджет рабочего времени северо-двинского крестьянина ... С. 12; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 годы... С. 75.
33. Струмилин С. Рабочее время крестьянина // Крестьянин в XX веке. М., 1925. С. 161-162.
34. Скворцов И.П. Бюджет времени крестьянина Северо-Двинской губернии... С. 58.
35. В 1925/26 г. учет рабочего времени в крестьянских бюджетах Карелии был проведен далеко не во всех дворах. Из многочисленных первичных бюджетных бланков удалось отобрать лишь девять, в которых были зафиксированы сведения о годовом запасе рабочего времени и его расходовании в крестьянской семье. Тем не менее полученная выборка позволяет получить представление о бюджете времени крестьянских хозяйств различных регионов республики, так как четыре бюджета (Н.И. Кемова, В.Ф. Валдаева, Е.Ф. Валдаева и В.Е. Сергеева) относились к самому северному региону Карелии – Ухтинскому уезду, остальные бюджеты (А.М. Новалова, П.И. Климоева, И.К. Андреева, В.Т. Паниева и Ф.Е. Мартынова) охватывали центр и юг Карелии – Петрозаводский, Олонецкий и Пудожский уезды. Согласно разработочным бюджетным лентам, хозяйство А.М. Новалова было образовано в 1912 г. На момент обследования насчитывало четыре едока. Хозяйство П.И. Климоева – соответственно в 1918 г. и пять едоков, И.К. Андреева – в 1895 г. и семь едоков, В.Т. Паниева – в 1921 г. и шесть едоков, Ф.Е. Мартынова – в 1900 г. и восемь едоков, Н.И. Кемова – в 1900 г. и семь едоков, В.Ф. Валдаева – 11 едоков, Е. Ф. Валдаева – в 1885 г. и четыре едока, В.Е. Сергеева – 11 едоков (см.: Национальный архив Республики Карелия. Ф. 659. Оп. 5. Д. 7/53. Л. 1, 18, 74, 94, 113, 129, 253, 270, 271, 288, 344, 360, 397, 414-415, 432-433, 450).
36. ГУ РК НАРК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 472. Л. 104.
37. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство... С. 347.
38. Дербенев А.Г. Указ. соч. С. 15.

Е.Н. Федорова, С.А. Сукнёва*

Значение Якутской экспедиции Академии наук в становлении и развитии демографических исследований в Якутии

Экспедиция Академии наук СССР 1925–1930 гг. по изучению территории Якутии, интенсивное формирование производительных сил региона, организация сети стационарных научных учреждений стали важнейшими этапами становления науки и научных исследований в Якутии в целом и, в частности, демографических исследований [1]. Исследования демографических процессов регионов, расположенных на большом удалении от центра и экономически развитых районов страны, представляют особый интерес, так как они охватывают разные природно-климатические зоны – от тайги на юге до арктической тундры на севере; в них формируется население, в значительной степени дифференцированное и неоднородное в связи с природно-географической средой, экономической освоенностью их территорий и уровнем социального развития. Освоение данных территорий и процесс формирования населения носят в основном экстенсивный характер, приводят к необходимости широкомасштабного изучения территорий, каковыми являются работы комплексной экспедиции АН СССР, ее якутского отряда.

Якутская экспедиция Академии наук явилась естественным следствием тех работ, которые она вела в области географических исследований и изучения производительных сил страны за время своей двухвековой деятельности [2]. По просьбе Якутского Правительства Академия наук отправила на полевые работы отряды ученых-исследователей для изучения ее физико-географических, исторических особенностей и культурного состояния населения. Как писал начальник Вилуйского отряда С.Е. Шрейбер: «Отличие Якутской экспедиции от прежних академических экспедиций в том, что в ее состав входит специальная врачебная группа, на долю которой выпадает наряду с исследованием санитарно-эпидемиологического характера и антропометрическими, оказывать медицинскую помощь многочисленным больным глухих мест, склоняя тем самым в свою пользу недоверчивое население, которое ищет, прежде всего, актуальной помощи» [2].

В составе экспедиции был статистико-экономический отряд, который работал в Якутском округе. В программу его исследований, вместе с проведением бюджетных обследований якутских домохозяйств, описанием условий и приемов хозяйствования на мелких территориях и сбором материалов о г. Якутске, как центре товарного тяготения, входило также изучение вопроса о движении населения. По мнению П.В. Виттенбурга, «это один из самых темных и невыясненных вопросов быта якутского народа, притом, за отсутствием соответствующего доброкачественного материала, особенно трудно поддающийся освещению» [2]. Для получения сведений по движению населения у якутов было проведено выборочное обследование семей по изменениям, произошедшим в личном составе каждой, начиная с момента ее возникновения, т.е. вступления в брак родителей, и по 1926 г. Кроме того, руководителю отряда Н.В. Воленс было дано отдельное поручение по ознакомлению в Якутском Государственном Архиве с состоянием метрических книг и составлению представления о том, что можно извлечь из них для изучения движения населения Якутии [3].

В задачи Вилуйско-Алданского медико-санитарного отряда, работавшего в 1925–1926 гг., также входило демографическое обследование. Сотрудниками отряда были собраны материалы по учету населения и выяснению названий, местоположения, характера обитания жителей населенных пунктов [4]. В отчете, подготовленном по результатам работы данного отряда, представлена информация о числе жителей по каждому обследованному населенному пункту, с выделением структуры по полу, возрасту, национальному составу, грамотности, главным занятиям. Изучалась также степень заселенности данного пункта и других мест, собирались сведения о миграционных перемещениях населения (выселение из населенных пунктов в другие места).

Большой интерес представляют исследования населения Якутии, проведенные И.И. Майновым в рамках экспедиции АН СССР. В работе «Население Якутии» он охарактеризовал Якутию «как огромный этнографический музей» [5]. Им рассмотрены вопросы расселения, проведена оценка численности и дана характеристика физического типа народов, населяющих Якутию, в том числе якутов, русских, тунгусов и прочих народностей.

В 1930-е гг. продолжение исследований Якутии осуществляется Советом по изучению производительных сил. В 1932 г. выходит Якутская серия Трудов по изучению производительных сил, в которых представлена полная библиография о природных ресурсах и населении Якутского края.

* **Федорова Е.Н.** (Якутск) – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГНУ ИРЭС; **Сукнёва Светлана Александровна** (Якутск) – кандидат экономических наук, доцент, заведующий сектором ФГНУ «ИРЭС». E-mail: sukneva@ire.ysn.ru

Как пишет Н.Н. Грибановский: «Издание первого выпуска библиографии Якутии в виде указателя материалов для изучения природных ресурсов и населения Якутии может иметь несомненное значение как для теоретических работ по исследованию ЯАССР, так и для практической стройки социалистического хозяйства Якутии, поскольку данный указатель является сводкой литературных источников, посвященных актуальной проблеме Якутии, проблеме освоения ее пока еще «мертвых» или «древящих» производительных сил, ее природных ресурсов» [6].

В целом, в довоенные годы в Якутии в работах М.Г. Соколова, И.И. Майнова, Ф.Я. Кона и в ряде газетных статей других авторов были опубликованы первые итоги изучения народонаселения Якутии.

Затем, примерно, в течение тридцати лет демографические исследования в республике прекратились [7] (впрочем, как и на всей территории бывшего СССР). Они были возобновлены в шестидесятых годах сначала в Отделе экономики Якутского филиала СО АН СССР, а позднее в Якутском государственном университете. Исследования населения Якутии велись в рамках изучения ее производительных сил. При этом изучение демографических проблем Якутии проводилось, как правило, в связи с проблемами трудовых ресурсов республики.

За последние полвека по проблемам народонаселения Якутии было написано достаточно большое количество трудов. Отдельные аспекты демографических процессов в Якутии нашли отражение в работах по формированию населения Восточной Сибири, в том числе и Якутии. Это известные труды В.В. Покшишевского [8], В.В. Воробьёва [9], А.П. Окладникова [10].

В работах якутских исследователей рассматриваются особенности развития населения отдельных территорий республики, вопросы формирования населения и трудовых ресурсов [11], сельское расселение населения Якутии [12].

К первой половине 70-х гг. прошлого столетия относятся работы основных исследователей-демографов, которые пытались определить тенденции развития демографической ситуации в Якутии и решали в связи с этим вопросы обеспечения народного хозяйства республики рабочей силой [13]. Тогда же появляются научные работы, посвященные проблемам рождаемости сельского населения Якутии, причин падения ее уровня, динамики воспроизводства сельского населения, рассчитывается брутто-коэффициент воспроизводства сельского населения, приводится анализ структуры населения по полу и возрасту, выявляются особенности возрастной структуры по отдельным регионам республики, рассматривается продолжительность жизни сельского населения до революции и после, раскрываются потенциальные возможности увеличения средней продолжительности жизни сельского населения республики; показан уровень детской смертности [14].

К середине 70-х гг. прошлого столетия относятся работы, рассматривавшие проблемы экономической демографии, где постановочно обсуждались проблемы «рентабельности» поколений, влияния экономики на рост населения, изучались демографические аспекты воспроизводства трудовых ресурсов, повышения образовательного уровня кадров и их значение для Якутии. В рамках целевой программы развития Южной Якутии А.И. Шургиной рассматривались экономико-географические проблемы формирования населения и трудовых ресурсов Алдан-Чульман-Удоканского промышленного комплекса, особенности географических условий, влияющих на заселение территории, закономерности и региональные особенности формирования населения и пути рационального использования трудовых ресурсов, а также вопросы закрепления кадров [15].

Экономико-географическая характеристика сложившейся сети городских поселений, основные особенности формирования и размещения по территории городского населения Якутии дается Е.Н. Федоровой в социально-демографическом исследовании районных центров и историко-демографическом описании городов, малых городских поселений и районных центров, тем самым было положено начало исследованиям по направлению исторической демографии и городской тематике [16].

В результате краткого обзора работ выясняется, что к началу 90-х гг. прошлого столетия проблемы народонаселения как экономической категории исследователями изучены в республике недостаточно, в то время как в условиях новой хозяйственной реформы ее демографические аспекты стали выдвигаться на первое место. Планы социально-экономического развития республики, районов и городов (численность и состав населения по отдельным регионам, достоверный демографический прогноз) нуждались в научном обосновании, которое было необходимо для разработки мероприятий демографической политики в этих новых условиях.

В сборнике научных трудов 1990 г. «Демографическое развитие Якутской АССР и совершенствование использования трудовых ресурсов» [17] освещены самые неизученные проблемы демографии Якутии, касающиеся ее региональных и территориальных особенностей, моделирования демографических процессов и некоторых аспектов использования трудовых ресурсов, собраны результаты научных исследований демографов Якутии, посвященных экономическому анализу демографических процессов в республике, а также методическим аспектам демографических исследований в региональных условиях Севера. Региональные проблемы экономической демографии и методические аспекты демографического прогнозирования рассматривались с использованием ЭВМ. Большинство статей сборника посвящено анализу естественного воспроизводства

населения и основных его компонентов, занятости населения и миграционных процессов в условиях интенсификации производства, изменениям и перестройке сельского расселения республики, распределению и совершенствованию использования трудовых ресурсов. Сборник в целом дает представление об основных направлениях развития экономической демографии в республике.

В период общественного переустройства, вызванного глубокими трансформационными изменениями в политике и экономике, по-новому воспринимаются и проблемы в демографической сфере, которые во многом определяются изменениями, происходящими в семье. Это касается снижения рождаемости, сокращения числа детей в семьях, роста числа внебрачных рождений и неустойчивости брака. При всей очевидности тесной взаимосвязи основных демографических проблем с тенденциями развития семьи, последние в республике остаются малоизученными, освещены философские, этно-, социокультурные аспекты брачно-семейных отношений [18]. Неоднородность природно-географической среды, история освоения и заселения, этно-культурные факторы обусловили специфические черты развития семьи в Якутии, хотя основные тенденции близки к наблюдаемым в России явлениям, и обусловили появление ряда монографических исследований [19]. К числу последних работ, относящихся к семейной тематике, относится монография А.С. Барашковой [20], рассматривающая основные тенденции и региональные особенности демографического развития и экономического положения семьи северного региона. Автором проанализированы проблемы динамики семейной структуры населения, взаимосвязь демографических типов семей с демографическими процессами, определяющими их особенности, социально-экономические условия. Особое внимание уделено состоянию молодых семей. Проведена типология районов республики по различным признакам демографического и экономического развития. Предложены мероприятия по улучшению социально-экономических условий жизнеобеспечения семей. Исследование тенденций и особенностей развития семьи в республике, их демографических детерминант и последствий позволяет дать оценку государственных решений в сфере семейной политики, что необходимо для повышения согласованности действий субъектов политики как на стадии разработки, так и на стадии реализации региональной семейной политики в республике.

Характеристике демографических процессов в республике и их прогнозной оценке посвящена коллективная монография сотрудников Института региональной экономики АН РС (Я) «Демографическая ситуация в Республике Саха Якутия» [21]. Этнический состав населения Якутии в эти годы также становится предметом рассмотрения в основном учеными-историками [22]. Демографические и географические характеристики населения Якутии с краткими комментариями и выводами содержатся в большом количестве публикаций. Конец 1990-х гг. знаменуется появлением монографий обобщающего характера, комплексного изучения проблем народонаселения, содержащих анализ воспроизводственных процессов, этнической, социальной структуры и расселения населения Якутии [23], основных направлений демографической политики и рассмотрения структуры населения [24].

Переход к рыночной экономике, укрепление и развитие суверенитета республики требовали существенной переоценки сложившейся системы взглядов на роль и место демографической политики, на принципы ее разработки, реализации и ресурсного обеспечения. До недавнего времени демографическое развитие Якутии было ориентировано на решение, в первую очередь, экономических задач. Население и отдельные элементы его формирования оценивались лишь с позиций потребностей в трудовых ресурсах. В последние годы возрос интерес, скажем так, к чисто демографическим проблемам, в частности, к общим закономерностям демографических процессов – рождаемости, смертности, развития семьи, миграции и т.д., к их особенностям в условиях республики. Появились специальные работы, посвященные этим проблемам. Демографические исследования стали проводиться на более глубоком уровне, что позволяет использовать научные знания для обоснованного прогнозирования демографических процессов, для выработки мер целенаправленного воздействия на эти процессы в интересах общества.

Особую актуальность и значимость приобретает изучение факторов воспроизведения населения. Важная роль в ней принадлежит анализу возрастной структуры населения, которая, с одной стороны, испытывает на себе влияние всей совокупности демографических процессов в пределах жизни тех поколений, из которых слагается то или иное реальное поколение, с другой – сама воздействует на характеристики воспроизведения. Иначе говоря, возрастная структура отражает изменения воспроизведения населения в прошлом и одновременно выступает как самостоятельный компонент будущего развития населения. С этим связано появление монографического исследования Т.З. Винокуровой, Е.Н. Федоровой [25], где рассмотрена эволюция возрастной структуры населения республики с учетом этапов хозяйственного освоения ее территории и изменений в экономическом положении. Проанализировано влияние рождаемости, смертности и миграции на формирование возрастного состава населения.

Проблемы демографического развития приобретают все большее звучание в связи с осознанием значимости демографических показателей в системе понимания необходимости регулирования процессов рождаемости, смертности, миграции со стороны государства. Несмотря на относительное благополучие демо-

графической ситуации в Республике Саха (Якутия), она характеризуется рядом негативных показателей и тенденций, которые свидетельствуют о необходимости четкой и планомерной государственной политики по регулированию демографических процессов. Это побудило Т.С. Мостахову в 2001 г. опубликовать монографию [27], посвященную региональной демографической политике, некоторым методологическим подходам к ее разработке, где также представлена оценка предшествующего опыта реализации демографической политики в регионе.

В связи с разработкой программ социально-экономического развития республики в целом и отдельных ее районов появилась потребность в прогнозировании численности населения, что востребовало исследования современной демографической ситуации, определение возможных последствий демографической ситуации в будущем, методических и содержательных вопросов разработки прогноза населения по республике с учетом сложившихся региональных особенностей демографических процессов, в частности, использованию типологического подхода прогнозирования численности и структуры населения для «малых» в статистическом смысле демографических совокупностей. Среди обобщающих работ, касающихся чисто демографических процессов в Якутии, следует выделить монографию С.А. Сукнёвой и Т.С. Мостаховой «Демографическое развитие региона» [28], где рассмотрены основные тенденции и региональные особенности воспроизводства населения республики. Проанализированы проблемы динамики численности населения, миграции, рождаемости и смертности. Исследованы взаимосвязи социально-экономического и демографического развития. Рассмотрены методологические вопросы регионального демографического прогнозирования. Даны прогнозная оценка численности и структуры населения региона. Проведена типология демографического развития, предложены основные направления демографической политики с учетом территориальной дифференциации демографических процессов. Изучение процессов воспроизводства, прогнозирование численности и структуры населения имеют большое значение для выработки эффективной демографической политики в условиях структурной перестройки экономики. Актуальность подобного рода исследований продиктована также обострением в последние годы демографической ситуации вследствие серьезных экономических и социальных перемен, которые произошли в обществе. Снижение уровня рождаемости, изменение ее повозрастного распределения и репродуктивных установок населения, рост смертности, особенно преждевременной, миграционный отток – все эти процессы привели к существенной трансформации режима воспроизводства населения многих регионов и особенно северных.

Современная демографическая ситуация вызывает обоснованную обеспокоенность государства и общества. В связи с этим научный интерес вызывает анализ наиболее значимых демографических проблем именно на уровне отдельного региона, их оценка также в контексте демографической безопасности и определение путей решения этих вопросов. В работе Т.С. Мостаховой [29], изданной в 2009 г., исследованы основные концептуальные подходы в определении перспектив демографического развития региона. Даны оценка понятия демографической безопасности, ее критерии и показателей. С точки зрения демографической безопасности показаны изменения в численности населения, в процессах рождаемости, смертности, миграции населения. Исследованы методологические вопросы разработки демографической политики, дана оценка эффективности реализации государственной демографической и семейной политики.

Важным фактором не только демографического, но и регионального социально-экономического развития выступают ресурсные возможности воспроизводства населения, его демографический потенциал. В монографии С.А. Сукнёвой «Демографический потенциал развития населения северного региона» [30] раскрываются особенности формирования потенциала воспроизводства населения, показаны трансформации демографического поведения, проведена оценка демографического потенциала и перспектив демографического развития региона.

Исследователями Якутии не обойдены также вопросы изучения миграционной составляющей в формировании населения и управления миграционными процессами, что и обусловило появление публикаций по вопросам миграционного движения в Якутии в основном в 1970–1990-х гг. Миграция в трудах исследователей рассматривается с позиций формирования населения Якутии как типичного района нового освоения, в контексте развития рабочей силы на Севере и вопросов регулирования и создания комплекса социально-экономических условий для закрепления кадров в отраслях хозяйства республики с учетом перестройки хозяйственного механизма и всего комплекса производственных отношений. В подавляющем большинстве этих публикаций рассматриваются те или иные вопросы миграции и территориального перераспределения населения и трудовых ресурсов в республике, что непосредственно связано с актуальностью и нерешенностью задачи управления миграционными процессами в ней.

Несмотря на большое число научных публикаций, посвященных миграции населения, вопросы взаимосвязи и взаимозависимости миграции населения и социально-экономических процессов, протекающих в республике, практически не рассматривались. Этим и был обусловлен выход в свет монографии Е.Н. Федоровой и Г.А. Железновой «Миграции населения Якутии: прошлое и настоящее» [31], посвященной изучению мигра-

ции как фактора социально-экономического развития республики. Миграция населения в данном исследовании выступает как динамичный процесс, остро реагирующий на политические, экономические и социальные перемены в обществе, под влиянием которых он изменяет свои тенденции быстрее, чем другие компоненты общественной жизни. Предложено определение новой категории мигрантов (вынужденные потенциальные мигранты), возникшей в республике вследствие закрытия поселков, ликвидации производственной и социальной инфраструктур во время экономического кризиса 1990-х гг., разработаны методические подходы к оценке экономической эффективности переселения за пределы республики. В ряду других работ по миграции населения выделяется публикация в 2009 г. учебно-методического пособия, подготовленного Г.А. Гнатюк и Е.Н. Федоровой [32] на основе исторических материалов и данных переписей населения, гдедается целостное представление о миграционном движении населения республики в течение длительного периода освоения и заселения ее территории. Рассматриваются вопросы взаимовлияния социально-экономического развития региона и миграции населения, а также политика правительства в отношении миграционных процессов и меры по улучшению миграционной ситуации. Происходит активизация исследований народонаселения и демографических процессов со стороны ученых Якутского государственного университета – ими подготовлены ряд сборников статей и учебно-методических пособий, посвященных анализу региональных и исторических материалов по народонаселению [33].

К группе комплексных аналитико-информационных работ по демографическому развитию республики можно отнести периодические издания докладов «О положении семьи в Республике Саха (Якутия)» и «О положении в области народонаселения в Республике Саха (Якутия)», подготавливаемые для представления в Правительстве Республики Саха (Якутия) [34].

Таким образом, якутская экспедиция Академии наук явилась толчком в деле становления и развития демографических исследований, обусловила в последующем появление значимых обобщающих работ по комплексному изучению проблем демографического развития территории региона.

Источники и литература

1. Антипов В.Н., Еремеев В.Н. Развитие науки в Советской Якутии // Социалистические преобразования жизни народов Советского Севера и пути их дальнейшего развития в свете решений XXV съезда КПСС (тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции). Якутск: Изд-во Якутского филиала СО АН СССР, 1976. С. 120-122.
2. Виттенбург П.В. Якутская экспедиция Академии Наук. Л., 1925.
3. Краткие отчеты о работах отрядов Якутской экспедиции АН СССР 1925–1926 гг. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Вып. 10.
4. Никифоров В.В. Предварительный отчет по демографическому и дозиметрическому обследованию Вилуйского и Олекминского округов // Краткие отчеты о работах отрядов Якутской Экспедиции АН СССР 1925–1926. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 149-177.
5. Майнов И.И. Население Якутии // Якутия: сборник статей / Под ред. П.В. Виттенбурга. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 323-420.
6. Грибановский Н.Н. Библиография Якутии. Ч. I: Природные ресурсы и население Якутского края. Серия Якутская. Вып. 9. Л.: Изд-во АН СССР и Якутского Госиздата, 1932. С. 4.
7. Шургина А.И. Проблемы экономической демографии Якутии // Региональные социально-экономические проблемы Якутской АССР. Якутск: Изд-во Якутского филиала СО АН СССР, 1976. С. 14.
8. Покшишевский В.В. География населения и населённых пунктов // Советская география. М., 1960; Покшишевский В.В. Заселение Сибири. М., 1953.
9. Воробьев В.В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск: Наука, 1977. 160 с.; Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975.
10. Окладников А.П. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943.
11. Шургина А.И. Экономико-географические проблемы формирования населения и трудовых ресурсов Алдан-Чульман-Удоканского промышленного комплекса. Якутск: Як. кн. изд-во, 1974. 100 с.; Ефимов И.К. Южная Якутия. Якутск, 1957; Ефимов И.К. Трудовые ресурсы Алданского горнопромышленного района. Якутск, 1962; Ефимов И.К., Васильев Я.Т., Игнатьев К.М. Современные миграционные связи поселков Южной Якутии // География населения Восточной Сибири. М., 1962; Ефимов И.К., Игнатьев К.М., Шургина А.И. Проблемы населения Северо-Востока СССР. Якутск, 1969.
12. Дмитриева З.М. Сельское расселение Северной Якутии: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. геогр. наук. Л., 1970; Гнатюк Г.А. Сельское расселение Лено-Амгинского междуречья в Якутской АССР: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. геогр. наук. Якутск, 1980.
13. Шургина А.И., Васильев Я.Т., Петренко Е.А., Размахнина Л.В. Некоторые вопросы народонаселения Якутии. Якутск, 1972.
14. Винокурова Т.З. Рождаемость сельского населения Якутии // Социально-экономические проблемы труда и уровня жизни. Новосибирск, 1976; Демографическая характеристика сельского населения Северной Якутии // Природа и хозяйство Сибири. Якутск, 1977; О продолжительности жизни сельского населения Якутии // Природа и хозяйство Сибири. Якутск, 1977.

15. Шургина А.И. Экономико-географические проблемы формирования населения и трудовых ресурсов Алдан-Чульман-Удоканского промышленного комплекса. Якутск: Як кн. изд-во, 1974. 100 с.
16. Фёдорова Е.Н. Малые городские поселения Якутской АССР. Якутск, 1987; Фёдорова Е.Н. Районные центры (социально-демографическое исследование). Якутск, 1991; Фёдорова Е.Н. Якутск (историко-демографический очерк). Якутск, 1988.
17. Демографическое развитие Якутской АССР и совершенствование использования трудовых ресурсов // Сборник научных трудов. Якутск, ЯНЦ СО РАН, 1990. 116 с.
18. Попов Б.Н. Социалистические преобразования семейно-брачных отношений у народов Якутии: историко-социологический аспект. Новосибирск: Наука, 1987. 240 с.; Брагина Д.Г. Современные этнические процессы в Центральной Якутии. Якутск: Як. кн. изд-во, 1985. 88 с.
19. Барашкова А.С., Винокурова Т.З. Современная семья в Республике Саха (Якутия). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. 128 с.; Попов Б.Н. Семейно-брачные отношения якутов. Якутск, 1986; Барашкова А.С. Демографическое развитие семьи в Республике Саха (Якутия). М.: Диалог-МГУ, 1999. 123 с.; Алексеева С.А. Традиционная семья у эвенов Якутии (конец XIX – начало XX в.): историко-этнографический аспект. Новосибирск: Наука, 2008. 110 с.
20. Барашкова А.С. Северная семья: демографический и социально-экономический аспекты. Новосибирск: Наука, 2009. 159 с.
21. Демографическая ситуация в Республике Саха (Якутия): проблемы и перспективы / Т. З. Винокурова, А.И. Шургина, Г.А. Железнова и др. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. 72 с.
22. Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии (этно-статистическое исследование). Якутск, 1994.
23. Фёдорова Е.Н. Народонаселение Якутии. Новосибирск: Наука, 1993. 104 с.
24. Федорова Е.Н. Население Якутии: прошлое и настоящее. Новосибирск: Наука, 1999. 205 с.
25. Винокурова Т.З., Федорова Е.Н. Возрастная структура населения Якутии. Геодемографическое исследование. Новосибирск: Наука, 2001. 147 с.
26. Мостахова Т.С. Возрастная структура женского населения Республики Саха (Якутия) // Демографические и социально-экономические аспекты старения населения (Вторые Валентеевские чтения). М.: Диалог-МГУ, 1999.
27. Мостахова Т.С. Региональная демографическая политика. Якутск, 2001.
28. Сукнёва С.А., Мостахова Т.С. Демографическое развитие региона: оценка, прогноз, политика. Новосибирск: Наука, 2002.
29. Мостахова Т.С. Демографическая безопасность региона. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2009. 188 с.
30. Сукнёва С.А. Демографический потенциал развития населения северного региона. Новосибирск: Наука, 2010.
31. Федорова Е.Н., Железнова Г.А. Миграции населения Якутии: прошлое и настоящее. Новосибирск: Наука, 2003. 200 с.
32. Гнатюк Г.А., Федорова Е.Н. Миграции населения Якутии: учебно-методическое пособие. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2009. 122 с.
33. Народонаселение Республики Саха (Якутия) / Рук. авт. колл. и науч. ред. И.Е. Томский. В 3 т. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2003.
34. О положении семьи в РС (Я): Доклад / Барашкова А.С., Винокурова Т.З., Железнова Г.А., Иванова Л.С.; ИРЭ АН РС (Я). Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2001; О положении семьи в РС (Я): Доклад / Барашкова А.С., Сукнёва С.А., Винокурова Т.З., Мостахова Т.С. Якутск, 2007; О положении семьи в РС (Я): Доклад / Сергучев А.Е., Сукнёва С.А., Барашкова А.С., Мостахова Т.С. Якутск, 2008; О положении в области народонаселения в РС (Я): Доклад / Федорова Е.Н., Сукнёва С.А., Винокурова Т.З., Железнова Г.А., Мостахова Т.С. Якутск, 2001; О положении в области народонаселения в РС (Я): Доклад / Сукнёва С.А., Федорова Е.Н., Винокурова Т.З., Мостахова Т.С. Якутск, 2006; О положении народонаселения в РС (Я): Вопросы смертности населения: Доклад / Сукнёва С.А., Мостахова Т.С. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2009; О положении народонаселения в Республике Саха (Якутия): Территориальные особенности демографических процессов (доклад). Якутск: Изд-во «Визит-кард», 2010.

М.И. Бурлыкина, В.Н. Задорожный*

Демографические исследования В.Н. Старовского

Круг научных интересов доктора экономических наук, профессора, член-корреспондента АН СССР В.Н.Старовского (1905–1975) в области статистики широк.

Статистика для В.Н.Старовского стала делом всей его жизни. Он постоянно совершенствовался в знаниях, углубляя и расширяя их. Уроженец села Помоздино Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (теперь – Усть-Куломский р-н Республики Коми), Владимир Никонович воспитывался в учительской семье. Мама, зырянка Анисья Ивановна, в девичестве Тентюкова, привила ему любовь к математическим дисциплинам с детских лет. Она неоднократно говорила сыну, что язык цифр – самый убедительный. Отец Никон Алексеевич был уроженцем города Тотьмы Вологодской губернии, выпускником Тотемской учительской семинарии. В этом учебном заведении также учился приехавший из Зырянского края Василий Филиппович Попов, который затем возглавлял статистическое отделение Усть-Сысольской земской управы (с 1894 г.). В январе 1919 г. создано Усть-Сысольское уездное статистическое бюро (с 1921 г. – Коми (Зырянское) областное статбюро). В.Ф.Попов занял там должность заведующего, В.Н.Старовский, тогда 14-летний подросток, – канцеляриста, а спустя два года – помощника (заместителя) заведующего. В 1923 г. он уехал в Москву, поступил на статистическое отделение факультета общественных наук 1-го Московского государственного университета. Параллельно с 1924 г. стал работать в Центральном статистическом управлении.

Более В.Н.Старовский не менял место своей работы и не изменял профессии статистика. Посвятил своей музее свыше 55 лет.

В.Н.Старовский внес огромный вклад в развитие статистических исследований. Особое место в его работах занимают проблемы демографии.

С демографическими вопросами В.Н.Старовский впервые столкнулся, работая в Усть-Сысольске. С 1 июня 1920 г. по сентябрь 1921 г. он в качестве инструктора сельскохозяйственных и демографических переписей принимал участие во всеобщей демографическо-профессиональной и сельскохозяйственной переписи с учетом промышленных предприятий 1920 г. и нескольких текущих обследований.

Перепись 1920 г. проводилась в условиях военной интервенции, гражданской войны и хозяйственной разрухи. Не хватало денег, бумаги, топлива, транспортных средств, кадров. Демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная перепись с кратким учетом промышленных заведений стала единой статистической операцией. Она была организована так, что одновременно проводились и сельскохозяйственная перепись, и учет промышленных предприятий, и основное обследование народного образования. Получение итогов переписи с распределением населения по «занятиям» являлось новшеством в практике переписей населения. Материалы переписи были использованы для планирования восстановления разрушенного империалистической и гражданской войнами хозяйства России.

Для В.Н.Старовского первое непосредственное участие в переписи оказалось большой жизненной школой. Он понял и правильно расценил ее важный результат и значение для развития страны. В дальнейшем ему неоднократно пришлось участвовать в организации переписи на всесоюзном уровне, осуществлять разработку их программ и методологии.

В 1930-е гг. страна готовилась к Всесоюзной переписи населения. Дата ее проведения несколько раз менялась. В конечном итоге перепись решили провести в один день – 6 января 1937 г. с 8 до 24 часов.

Незадолго до ее начала приказом от 8 октября 1936 г. по Центральному управлению народнохозяйственного учета (так именовалось Центральное статистическое управление с декабря 1931 г. по март 1941 г.) В.Н.Старовский был назначен начальником Бюро переписи населения г. Москвы.

Переписи населения в столице Советского Союза придавалось исключительно важное значение. Руководство переписью брал лично на себя начальник ЦУНХУ Госплана СССР И.А.Краваль. В.Н.Старовский и С.М.Сикра становились заместителями начальника ЦУНХУ по данной работе. Все организационные, финансовые и методологические вопросы, связанные с переписью по г. Москве, в соответствии с распоряжением И.А.Краваля, разрешались непосредственно управлением (ЦУНХУ).

Несмотря на то, что по отдельным регионам перепись населения прошла без особых замечаний, в целом по стране предварительные итоги оказались далеки от предполагаемых цифр. 16 января 1937 г. организована группа по проверке деятельности ЦУНХУ. В марте названы первые «вредители» – ответственные за подготовку и проведение Всесоюзной переписи: начальник Бюро переписи населения О.А.Квиткин, его замес-

* **Бурлыкина Майя Ивановна** (Сыктывкар) – доктор культурологии, директор Музея истории просвещения Коми края, **Задорожный Василий Никифорович** (Сыктывкар) – доктор экономических наук, ректор Сыктывкарского государственного университета.

тиль Л.С.Брандгендлер, начальник сектора населения М.В.Курман, заместитель начальника отдела учета транспорта и связи И.М.Обломов. В мае отстранен от работы начальник ЦУНХУ И.А.Краваль.

Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 25 сентября 1937 г. организация переписи признана неудовлетворительной, с грубейшими нарушениями основ статистической науки, а материалы переписи – дефектными.

Принято решение провести новую Всесоюзную перепись в январе 1939 г.

Приказом начальника ЦУНХУ И.Д.Верменичева от 17 июля 1937 г. и.о. начальника Всесоюзного бюро переписи населения 1939 г. назначен начальник отдела учета населения и здравоохранения В.И.Хотимский. Его заместителями утверждены В.Н.Старовский, И.Ю.Писарев. Для рассмотрения методологических и организационных вопросов разработки материалов переписи населения образована комиссия в составе: председатель И.Д.Верменичев, его заместитель М.К.Цагурия, члены – В.И.Хотимский, В.Н.Старовский, И.Ю.Писарев.

На подготовку для проведения новой переписи оставалось мало времени. Обычно вся документация разрабатывалась заранее, в течение нескольких лет. Основной документ переписи – опросный лист – правительство утвердило лишь в 1938 г.

В процессе подготовки к переписи в начале 1938 г. В.Н.Старовский выступил с предложением провести в трех районах пробную перепись, созвать съезд статистиков, на котором обсудить проблемы переписи (такой созывался перед переписью 1926 г.). Кроме того, на заседании совнаркома СССР в присутствии И.В.Сталина, где рассматривался проект переписной анкеты, В.Н.Старовский внес предложение исключить из анкеты вопрос о религиозной принадлежности опрашиваемого. Он считал, что, во-первых, эти сведения не очень нужны правительству, а обработка ответов на каждый вопрос требует больших денежных затрат; во-вторых, на вопрос о религиозной принадлежности очень часто дают путаные, неясные ответы, и их обобщение поэтому затруднительно, а результаты разработки далеко не точны; в-третьих, сбор данных по этому вопросу может привести к политическим нежелательным последствиям. Вождь с доводами согласился, и решением Совнаркома вопрос о религии был из переписной анкеты исключен.

Результаты переписи в целом признаны действительными, и 17 августа 1939 г. В.Н.Старовский награжден первым орденом Ленина – за успешную работу по Всесоюзной переписи населения и по организации народнохозяйственного учета. 26 ноября 1939 года он был назначен заместителем, а с 21 октября 1940 г. – начальником ЦУНХУ Госплана СССР (ЦСУ при Совете Министров СССР). Эту должность – она считалась в ранге министра – занимал до 6 августа 1975 г. (умер 20 октября 1975 г.).

Будучи руководителем управления, В.Н.Старовский продолжал заниматься демографическими исследованиями. Он принял участие в разработке программ и методологии Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. Так, в 1959 г. впервые был применен выборочный отбор при разработке материалов о семьях. Эти наработки послужили толчком к развитию методов выборочных демографических исследований. Значительно расширился круг изучаемых вопросов при переписи 1970 г. Начиная с 1959 г. существовали непрерывные ряды демографических показателей по стране, которые представляют огромную ценность для долговременных демографических тенденций. Исследования В.Н.Старовского послужили инициированию комбинированных переписей населения, труда и жилищных условий, построению сводных индексов человеческого развития и качества жизни.

В.Н.Старовский осуществил первые прогнозы численности населения СССР, исследовал вопросы восстановления половой и возрастной структуры населения после войны, вопросы гендерной статистики и т.д.

В своем докладе «О методике прогноза роста численности населения СССР», прозвучавшем на собрании Отделения экономических, философских и правовых наук Академии наук СССР 9 декабря 1959 г., В.Н.Старовский отмечал, что для составления перспективных планов развития народного хозяйства на длительный период необходимо знать, хотя бы приблизительно, как будет расти общая численность населения страны, как будет изменяться численность населения в трудоспособном возрасте, количество детей в дошкольном и школьном возрасте, лиц пенсионного возраста и т.д. Требуется также знать, сколько будет жителей городов и сел, сельскохозяйственного и несельскохозяйственного населения в отдельных республиках и экономических районах. Предлагаемая численность населения, с одной стороны, является исходным моментом при проектировании ряда важнейших показателей перспективного плана: размеров производства промышленной и сельскохозяйственной продукции и объема национального дохода на душу населения, трудовых ресурсов, жилищного и культурно-бытового строительства; с другой – рост населения и его размещение непосредственно зависят от намечаемых перспективными планами показателей развития отдельных отраслей народного хозяйства, дальнего подъема материального и культурного уровня жизни народа, успехов здравоохранения и медицинской науки. Прогноз роста численности населения В.Н.Старовский предлагал осуществлять по этапам. Первый этап (называл его первоначально демографическим прогнозом) – это прогноз роста численности населения с учетом изменений его возрастной и половой структуры и предполагаемой повозрастной смертности и рождаемости. Само собой разумеется, что гипотеза измерения смертности и рож-

даемости уже должна учитывать общие установки перспективного плана. На втором этапе вносятся поправки и уточнения к первоначальным прогнозам на основе плановых проектировок. Должны быть проверены различные гипотезы изменения рождаемости и смертности в зависимости от повышения материального и культурного уровня жизни народа, от жилищного и культурно-бытового строительства, перспектив развития здравоохранения и медицинской науки. Нельзя игнорировать, конечно, и такие трудноподдающиеся учету факторы, как желание ограничиться каким-то минимумом числа детей, степенью применения противозачаточных средств и т.д. Эти вопросы, с точки зрения В.Н.Старовского, имели непосредственное отношение к прогнозу населения, хотя и связаны с социологическими проблемами. Он полагал, что следует учесть также намечаемый рост производства и производительности труда, изменения в размещении производительных сил, балансе труда в целом и по районам. Необходимо определить размеры предполагаемого перемещения населения из одних районов в другие, перспективы перераспределения занятого населения между промышленностью, сельским хозяйством и другими отраслями народного хозяйства. Третий этап – составление окончательного варианта прогноза с учетом полученных на втором этапе поправок. При этом потребуется и некоторое уточнение исходных демографических показателей, принятых на первом этапе.

При непосредственном участии и поддержке В.Н.Старовского в 1963 г. в ЦСУ СССР создан НИИ статистики (научно-исследовательский институт по проектированию вычислительных центров и систем экономической информации). Первым его директором стал однокурсник В.Н.Старовского А.Я.Боярский. В институте с самого начала существовал сектор населения и трудовых ресурсов, с 1965 г. преобразованный в отдел демографии (первый руководитель – А.Г.Волков), сотрудники которого эффективно решали многие демографические проблемы.

Источники и литература

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 672. Оп. 1. Д. 36.

Старовский В.Н.. Избранные статистические труды: к 100-летию со дня рождения. М., 2007. 590 с.

Становление и развитие статистической науки и практики (К 100-летию со дня рождения В.Н. Старовского). Сыктывкар, 2005. 292 с.

А.П. Обедков*

Динамика численности коренных малочисленных народов Севера и современная этническая структура населения Российской Севера

Проблемы малочисленных аборигенных народностей Севера приобрели государственное значение уже в первые годы существования советской власти и оставались в центре внимания органов государственной власти на протяжении всего советского периода истории. Принятый в 1920-е гг. официальный список из 26 коренных малочисленных народов Севера, которые вели традиционный образ жизни, занимаясь оленеводством, охотой, рыбным и зверобойным промыслами, оставался неизменным до начала 1990-х гг. Коренными малочисленными народами Российской Севера были признаны алеуты, долганы, ительмены, кеты (енисейцы), коряки, манси (вогулы), нанайцы (гольды), нганасаны (тавгийцы), негидальцы, ненцы (самоеды), нивхи (гиляки), ороки (ульта), ороши, саамы (лапландцы, лопари), селькупы (остяки-самоеды), тофалары, удэгейцы, ульчи, ханты (остяки), чуванцы, чукчи, эвенки (тунгусы), эвены (ламуты), энцы (карасинские самоеды), эскимосы, юкагиры.

По данным всеобщих переписей населения, численность коренных малочисленных народов Российской Севера постепенно росла. В период с 1959 по 1989 г. общая численность 26 коренных малочисленных народов Севера увеличилась с 129,6 до 140,0 тыс. чел., или в 1,4 раза. Однако при этом их удельный вес в общей численности динамично развивавшегося населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей снизился с 3,4 до 1,9 %. За рассматриваемый период численность всего населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей увеличилась с 3,8 до 9,8 млн. чел., или в 2,6 раза, что вызвало повышение их доли в общей численности населения России с 3,2 до 6,6 % (табл. 1).

Таблица 1

***Изменение общей численности коренных малочисленных народов и их доли в населении районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей
(по данным переписей населения 1959–1989 гг.)***

Показатели	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
1	2	3	4	5
Численность населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, млн. чел.	3,8	5,4	7,7	9,8
Численность населения 26 коренных малочисленных народов Севера, тыс. чел.	129,6	151,3	156,6	181,5
Доля коренных малочисленных народов Севера в общей численности населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, %	3,4	2,8	2,0	1,9

Составлено по: Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1990; Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 4).

В период с 1959 по 1989 г. практически все малочисленные народности Севера, за исключением селькупов, показали положительную динамику демографического развития. При этом более чем в 2 раза увеличилась численность юкагиров (275 %) и ительменов (218,2 %), в 1,5-2 раза – нанайцев (150,6 %), эскимосов (154,5 %), ульчей (160 %), долганов (169,2 %), нганасанов (185,7 %) и эвенов (190 %), в 1,3-1,5 раза – чукчей (129,1 %), удэгейцев (135,7 %), тофаларов (140 %), манси (142,9 %), коряков (143,5 %), алеутов (150 %) и ненцев (150 %), в 1,1-1,3 раза – кетов (110 %), орошей (112,5 %), хантов (116,1 %), нивхов (124,3 %) и эвенков (124,6 %). Между тем в течение рассматриваемого периода практически не изменилась численность саамов, в 1970–1980-е гг. стабилизировалась численность кетов, наметилось снижение численности орошей (табл. 2).

Суммарная численность выделенных в советское время 26 коренных малочисленных народов Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока непрерывно росла. Однако темпы их роста были неодинаковы за различные межпереписные периоды. С 1959 по 1970 г. общая численность малых народов этой группы увеличилась на 16,7%, с 1970 по 1979 г. – на 3,5%, с 1979 по 1989 г. – на 15,9%. В общем итоге это вызвало абсолютный рост численности коренных малочисленных народов Севера с 1959 по 1989 г. на 51,9 тыс. чел., или на 40 %.

* **Обедков Анатолий Павлович** (Сыктывкар) – кандидат географических наук, доцент Сыктывкарского филиала Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики.

Таблица 2

**Динамика численности малочисленных народностей Севера
по данным переписей населения 1959–1989 гг., тыс. чел.**

Национальности	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	Прирост 1989 г. к 1959 г., %
1	2	3	4	5	6
1. Алеуты	0,4	0,4	0,5	0,6	150
2. Долганы	3,9	4,7	4,9	6,6	169,2
3. Ительмены	1,1	1,3	1,3	2,4	218,2
4. Кеты	1,0	1,1	1,1	1,1	110
5. Коряки	6,2	7,4	7,6	8,9	143,5
6. Манси	6,3	7,6	7,4	9,0	142,9
7. Нанайцы	7,9	9,9	10,4	11,9	150,6
8. Нганасаны	0,7	0,8	0,8	1,3	185,7
9. Негидальцы	—	0,5	0,5	0,6	
10. Ненцы	22,8	28,5	29,5	34,2	150
11. Нивхи	3,7	4,4	4,4	4,6	124,3
12. Ороки (ульта)	—	—	—	0,2	
13. Орочи	0,8	1,0	1,0	0,9	112,5
14. Саамы	1,8	1,8	1,8	1,8	100
15. Селькупы	3,7	4,2	3,5	3,6	97,3
16. Тофалары	0,5	0,6	0,6	0,7	140
17. Удэгейцы	1,4	1,4	1,4	1,9	135,7
18. Ульчи	2,0	2,4	2,5	3,2	160
19. Ханты	19,2	21,0	20,7	22,3	116,1
20. Чуванцы	—	—	—	1,4	
21. Чукчи	11,7	13,5	13,9	15,1	129,1
22. Эвенки	24,0	25,1	27,9	29,9	124,6
23. Эвены	9,0	11,8	12,5	17,1	190
24. Энцы	—	—	—	0,2	
25. Эскимосы	1,1	1,3	1,5	1,7	154,5
26. Юкагиры	0,4	0,6	0,8	1,1	275
Итого:	129,6	151,3	156,6	181,5	140,0

Составлено по: Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990; Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 4).

В связи с расширением территориального состава районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, которое произошло в первой половине 1990-х гг., возникла необходимость в пополнении списка коренных малочисленных народов Севера за счет ряда малых народностей, которые вели традиционный образ жизни, проживая в горных районах южной Сибири, а также севера и юга Дальнего Востока. Первоначально в число коренных малочисленных народов Севера были включены тазы и шорцы, учет которых был положен переписью населения 1989 г. Последние корректиды в официальный перечень коренных малочисленных народов Севера внесла перепись населения 2002 г. Ею впервые была учтена отдельно и в составе других народов численность 13 новых этнических общностей Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока. В их числе – камчадалы, кереки, коми-ижемцы, кумандинцы, поморы, сойоты, теленгиты, телеуты, тубалары, тувинцы-тоджинцы, челканцы, чулымцы и юги. С учетом последних изменений список коренных малочисленных народов Севера включает более 40 народностей и этнографических групп. В межпереписной период их общая численность увеличилась на 76,8 тыс. чел. (или на 38,6 %) и на дату переписи населения 2002 г. достигла 275,8 тыс. чел. При этом их доля в общей численности населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей составила 2,5 %. Столь беспрецедентный за сравнительно небольшой период рост численности малых народов Севера был вызван главным образом обстоятельствами искусственного характера, связанными с расширением списка коренных малочисленных народов и желанием ряда опрашиваемых в ходе переписи заявить о себе как о представителе этой группы самобытных этносов. Определенный вклад в увеличение численности коренных малочисленных народов Севера внес положительный естественный прирост, который с середины 1990-х гг. до 2002 г. превысил 7 тыс. чел.

В период между переписями населения 1989 и 2002 гг. 23 коренных малочисленных народа Севера увеличили свою численность, один (нанайцы) – стабилизировал и четыре – уменьшили. Однако темпы изменения

численности у разных северных народностей и этнических групп существенно различались. В абсолютном выражении наибольший рост в межпереписной период произошел у ненцев (7,0 тыс. чел.), хантов (7,0 тыс.), эвенков (5,0 тыс.), манси (3,7 тыс.) и эвенов (2,0 тыс.), которые в совокупности обеспечили 77,9 % всего прироста численности коренных малочисленных народов Севера, учтенных двумя последними переписями населения. Еще более впечатляющими являются показатели относительного роста численности коренных малочисленных народов Европейского Севера, а также северных территорий Сибири и Дальнего Востока (табл. 3).

Таблица 3

*Динамика численности и рейтинг коренных малочисленных народов Севера России,
учтенных в переписях населения 1989 и 2002 гг., тыс. чел.*

Коренные малочисленные народы Севера	Рейтинг коренных малочисленных народов Севера по численности населения, тыс. чел.		Место, занимаемое коренными малочисленными народами Севера по численности населения		Прирост численности населения коренных малочисленных народов Севера за межпереписной период	
	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.	тыс. чел.	%
1	2	3	4	5	6	7
1. Ненцы	34,0	41,0	1	1	+7,0	120,6
2. Тувинцы-тоджинцы	–	36,0		2	36,0	–
3. Эвенки	30,0	35,0	2	3	+5,0	116,7
4. Ханты	22,0	29,0	3	4	+7,0	131,8
5. Эвены	17,0	19,0	4	5	+2,0	111,8
6. Чукчи	15,0	16,0	6	6	+1,0	106,7
7. Шорцы	16,0	14,0	5	7	-2,0	87,5
8. Нанайцы	12,0	12,0	7	8-9	0	100
9. Манси	8,3	12,0	9	8-9	+3,7	144,6
10. Коряки	8,9	9,0	8	10	+0,1	101,1
11. Долганы	6,6	7,0	10	11	+0,4	106,1
12. Нивхи	4,6	5,0	11	12	+0,4	108,7
13. Селькупы	3,6	4,0	12	13	+0,4	111,1
14. Ульчи	3,2	3,0	13	14-18	-0,2	93,7
15. Ительмены	2,4	3,0	14	14-18	+0,6	125
16. Телеуты	1,7	3,0	17-18	14-18	+1,3	176,5
17. Кумандинцы	–	3,0	–	14-18	3,0	–
18. Теленгиты	–	3,0	–	14-18	3,0	–
19. Удэгейцы	1,9	2,0	15	19-25	+0,1	105,3
20. Саамы	1,8	2,0	16	19-25	+0,2	111,1
21. Эскимосы	1,7	2,0	17-18	19-25	+0,3	117,6
22. Кеты	1,1	2,0	21-22	19-25	+0,9	181,8
23. Юкагиры	1,1	2,0	21-22	19-25	+0,9	181,8
24. Камчадалы	–	2,0	–	19-25	2,0	–
25. Тубалары	–	2,0	–	19-25	2,0	–
26. Чуванцы	1,4	1,0	19	26-32	-0,4	71,4
27. Нганасаны	1,3	1,0	20	26-32	-0,3	76,9
28. Ороши	0,9	1,0	23	26-32	+0,1	111,1
29. Тофалары	0,7	1,0	24	26-32	+0,3	142,9
30. Алеуты	0,6	1,0	25-26	26-32	+0,4	166,7
31. Негидальцы	0,6	1,0	25-26	26-32	+0,4	166,7
32. Челканцы	–	1,0	–	26-32	1,0	–
33. Ороки	0,2	0,4	27-28	33	+0,2	200
34. Энцы	0,2	0,3	27-28	34	+0,1	150
35. Юги	–	0,1	–	35	0,1	–
36. Кереки	–	0,02	–	36	0,02	–
Всего	199,0	275,8	28	36	+76,8	138,6

Составлено по: Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990; Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 4).

За рассматриваемый период с 1989 по 2002 г. ороки увеличили свою численность в 2 раза, кеты, телеуты и юкагиры – в 1,8 раза, алеуты и негидальцы – 1,7 раза, энцы – 1,5 раза, тофалары – 1,4 раза, ительмены, эвенки и эскимосы – 1,2 раза, нивхи, ороши, саамы, селькупы и эвены – в 1,1 раза. Высокие показатели прироста

численности показали также народы, проживающие в регионах активного нефтегазового освоения. На 44,6 % увеличили численность манси, на 31,8 % – ханты и на 20,6 % – ненцы. Среди коренных малочисленных народов с убывающим населением выделяются нганасаны, ульчи, чуванцы и шорцы. Относительная убыль чуванцев составила 28,6, шорцев – 12,5, ульчей – 6,3 %. При этом численность нганасанов – самого северного аборигенного народа Евразии – снизилась на 0,3 тыс. чел., или на 33,1 %.

Коренные малочисленные народы Севера компактно проживают в пределах 22 субъектов РФ, имеющих в своем составе районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности. При этом территория Республики Алтай является местом проживания кумандинцев, теленгитов, тубаларов, челканцев и шорцев, Республика Бурятия – сойотов и эвенков, Республика Коми – ненцев, манси и хантов, Республика Саха (Якутия) – долганов, эвенков, эвенов и юкагиров, Республика Тыва – тувинцев-тоджинцев, Камчатский край – алеутов, алюторцев, ительменов, камчадалов, коряков, чукчей, эвенков и эскимосов, Красноярский край – долганов, кетов, нганасанов, ненцев, селькупов, чулымцев, эвенков и энцев, Приморский край – нанайцев, тазов и удэгейцев, Хабаровский край – нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, ульчей, эвенков и эвенов, Амурская область – эвенков, Архангельская область – ненцев, Иркутская область – тофаларов и эвенков, Магаданская область – ительменов, камчадалов, коряков, чуванцев, эвенков, эвенов и юкагиров, Мурманская область – саамов, Сахалинская область – нанайцев, нивхов, ороков и эвенков, Томская область – селькупов, хантов, чулымцев и эвенков, Тюменская область – манси, селькупов, хантов и эвенков, Читинская область – эвенков, Ненецкий автономный округ – ненцев, Ханты-Мансийский автономный округ – манси, ненцев, хантов и селькупов, Чукотский автономный округ – кереков, коряков, чуванцев, чукчей, эвенков, эвенов и эскимосов, Ямalo-Ненецкий автономный округ – ненцев, селькупов и хантов.

Современная этническая структура населения Российской Севера сложилась под решающим влиянием интенсивных миграций советского времени. По данным переписи населения 2002 г., доля русских в общей численности населения северных регионов достигла 81,0 %, что несколько превышает удельный вес русских в населении Российской Федерации, который составил 79,8 %. Так же, как и в России в целом, в пятерку наиболее распространенных национальностей северных регионов страны, помимо русских, входят украинцы и татары. Однако в отличие от этнической структуры населения РФ в первую пятерку наиболее многочисленных национальностей вошли два коренных народа Российской Севера – якуты и буряты, имеющие государственность в составе Российской Федерации (табл. 4).

Таблица 4
**Этническая структура Российской Федерации и северных регионов
(по данным переписи населения 2002 г., % к итогу)**

Субъекты Российской Федерации	Рейтинг национальностей по доле в общей численности населения					Другие народы
	1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место	
1	2	3	4	5	6	7
Российская Федерация	Русские (79,8)	Татары (3,8)	Украинцы (2,0)	Башкиры (1,1)	Чуваши (1,1)	Другие (12,2)
Северные регионы Российской Федерации	Русские (81,0)	Украинцы (3,5)	Якуты (1,9)	Татары (1,8)	Буряты (1,4)	Другие (10,4)

Составлено по: Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 4).

Подавляющее большинство северян входит в состав народов индоевропейской семьи. На втором месте находятся народы алтайской семьи. На долю этих двух языковых семей приходится около 90 % всего населения северных регионов. Оставшиеся менее 10 % северян представлены главным образом коренными народами Севера, которые относятся к уральско-юкагирской, чукотко-камчатской и эскимосско-алеутской языковым семьям, а также к двум изолированным по языку российским народам (кеты и нивхи).

По данным переписи населения 2002 г., в большинстве северных субъектов РФ, за исключением республик Саха (Якутия) и Тыва, а также Коми-Пермяцкого автономного округа, преобладало русское население. Русские доминируют в этнической структуре 25 северных субъектов РФ, которые отличаются высоким уровнем урбанизации. Русские составляют подавляющее большинство (не менее 85 %) в общей численности населения 9 северных регионов (Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Архангельская, Иркутская, Мурманская, Томская, Читинская области), абсолютное большинство (от 2/3 до 85 %) – в семи регионах (республики Бурятия и Карелия, Камчатская, Магаданская, Сахалинская и Тюменская области, Ханты-Мансийский автономный округ), простое большинство (от половины до 2/3) – в девяти северных регионах (республики Алтай и Коми, Корякский, Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Чукотский, Эвенкийский и Ямalo-Ненецкий автономные округа).

В результате русской колонизации в дореволюционный период и миграционных процессов советского времени, связанных с промышленным освоением северный территорий, во всех регионах Российской Севера сложился многонациональный состав населения. При этом в пятерку наиболее распространенных национальностей северных регионов России вошли 33 народа, в числе которых восемь коренных титульных наций (алтайцы, карелы, буряты, коми, коми-пермяки, тувинцы, хакасы, якуты) и 13 коренных малочисленных (долганы, ительмены, кеты, коряки, нанайцы, нганасаны, ненцы, сойоты, теленгиты, тубалары, чукчи, эвенки, эвены) российских народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (табл. 5).

Таблица 5

**Этническая структура северных регионов Российской Федерации
(по данным переписи населения 2002 года, % к итогу)**

Субъекты Российской Федерации	Рейтинг национальностей по доле в населении субъекта РФ					Другие народы
	1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место	
1	2	3	4	5	6	7
Европейский Север	Русские (78,7)	Коми (6,4)	Украинцы (4,1)	Белорусы (2,1)	Татары (0,6)	Другие (8,1)
Республика Карелия	Русские (76,6)	Карелы (9,2)	Белорусы (5,3)	Украинцы (2,7)	Финны (2,0)	Другие (4,2)
Республика Коми	Русские (59,6)	Коми (25,2)	Украинцы (6,1)	Татары (1,5)	Белорусы (1,5)	Другие (6,1)
Архангельская область	Русские (94,2)	Украинцы (2,1)	Белорусы (0,8)	Ненцы (0,6)	Коми (0,4)	Другие (1,9)
Ненецкий автономный округ	Русские (62,4)	Ненцы (18,7)	Коми (10,9)	Украинцы (3,2)	Белорусы (1,0)	Другие (3,8)
Мурманская область	Русские (85,2)	Украинцы (6,4)	Белорусы (2,3)	Татары (0,9)	Азербайджанцы (0,5)	Другие (4,7)
Коми-Пермяцкий автономный округ	Коми-пермяки (59,0)	Русские (38,2)	Татары (0,8)	Украинцы (0,5)	Белорусы (0,5)	Другие (1,0)
Западно-Сибирский Север	Русские (75,4)	Татары (5,8)	Украинцы (5,1)	Алтайцы (1,4)	Башкиры (1,0)	Другие (11,3)
Республика Алтай	Русские (57,4)	Алтайцы (30,6)	Казахи (6,0)	Теленгиты (1,2)	Тубалары (0,8)	Другие (4,0)
Томская область	Русские (90,8)	Татары (1,9)	Украинцы (1,6)	Немцы (1,3)	Чуваши (0,6)	Другие (3,8)
Тюменская область	Русские (71,6)	Татары (7,4)	Украинцы (6,5)	Башкиры (1,4)	Азербайджанцы (1,3)	Другие (11,8)
Ханты-Мансийский АО – Югра	Русские (66,1)	Украинцы (8,6)	Татары (7,5)	Башкиры (2,5)	Азербайджанцы (1,8)	Другие (13,5)
Ямало-Ненецкий автономный округ	Русские (58,8)	Украинцы (13,0)	Татары (5,5)	Ненцы (5,2)	Белорусы (1,8)	Другие (15,7)
Восточно-Сибирский Север	Русские (85,0)	Буряты (4,2)	Тувинцы (3,0)	Украинцы (1,8)	Татары (1,1)	Другие (4,9)
Республика Бурятия	Русские (67,8)	Буряты (27,8)	Украинцы (1,0)	Татары (0,8)	Сойоты (0,3)	Другие (2,3)
Республика Тыва	Тувинцы (77,0)	Русские (20,1)	Коми (0,5)	Хакасы (0,4)	Украинцы (0,3)	Другие (1,7)
Красноярский край	Русские (88,9)	Украинцы (2,3)	Татары (1,5)	Немцы (1,2)	Азербайджанцы (0,7)	Другие (5,4)
Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	Русские (58,6)	Долганы (13,9)	Ненцы (7,7)	Украинцы (6,1)	Нганасаны (1,9)	Другие (11,8)
Эвенкийский автономный округ	Русские (61,9)	Эвенки (21,5)	Якуты (5,6)	Украинцы (3,1)	Кеты (1,2)	Другие (6,7)
Иркутская область	Русские (91,8)	Украинцы (2,1)	Буряты (1,1)	Татары (1,1)	Белорусы (0,6)	Другие (3,3)
Читинская область	Русские (92,4)	Буряты (2,3)	Украинцы (1,1)	Татары (0,7)	Армяне (0,3)	Другие (3,2)

Окончание табл. 5

Субъекты Российской Федерации	Рейтинг национальностей по доле в населении субъекта РФ					Другие народы
	1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место	
Дальневосточный Север	Русские (81,5)	Якуты (6,6)	Украинцы (4,2)	Корейцы (0,9)	Татары (0,7)	Другие (6,1)
Республика Саха (Якутия)	Якуты (45,5)	Русские (41,2)	Украинцы (3,6)	Эвенки (1,9)	Эвены (1,2)	Другие (6,6)
Приморский край	Русские (89,9)	Украинцы (4,5)	Корейцы (0,9)	Татары (0,7)	Белорусы (0,6)	Другие (3,4)
Хабаровский край	Русские (89,8)	Украинцы (3,4)	Нанайцы (0,8)	Татары (0,8)	Корейцы (0,7)	Другие (4,5)
Амурская область	Русские (92,0)	Украинцы (3,5)	Белорусы (0,9)	Татары (0,5)	Армяне (0,4)	Другие (2,7)
Камчатская область	Русские (80,9)	Украинцы (5,8)	Коряки (2,0)	Татары (1,0)	Белорусы (1,0)	Другие (9,3)
Корякский автономный округ	Русские (50,7)	Коряки (26,7)	Чукчи (5,6)	Ительмены (4,7)	Украинцы (4,1)	Другие (8,2)
Магаданская область	Русские (80,2)	Украинцы (9,9)	Эвены (1,4)	Белорусы (1,2)	Татары (1,1)	Другие (6,2)
Сахалинская область	Русские (84,3)	Корейцы (5,4)	Украинцы (4,0)	Татары (1,2)	Белорусы (1,0)	Другие (4,1)
Чукотский автономный округ	Русские (51,9)	Чукчи (23,5)	Украинцы (9,2)	Эскимосы (2,9)	Эвены (2,6)	Другие (9,9)

Составлено по: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 4).

Среди наиболее распространенных национальностей регионов Российского Севера выделяются русские, украинцы, татары и белорусы, представленные в этнической структуре населения всех регионов с законодательно утвержденными северными территориями. При этом русские и украинцы входят в пятерку наиболее распространенных национальностей во всех 28 северных регионах, татары – в 17, белорусы – в 13 регионах. Представители других народов встречаются лишь в отдельных северных регионах. Азербайджанцы и коми вошли в число наиболее распространенных народов в четырех регионах Севера России, буряты, ненцы и эвены – в трех регионах, армяне, башкиры, корейцы, коряки, немцы, чукчи, эвенки и якуты – в двух регионах. В числе коренных малочисленных народов Севера, вошедших в пятерку наиболее распространенных народов хотя бы в одном из северных субъектов РФ, – долганы, ительмены, кеты, нанайцы, нганасаны, сойоты, теленгиты и тубалары. Низкий удельный вес малых аборигенных народов Севера в этнической структуре населения большинства северных регионов страны стал одной из специфических особенностей сложившейся на Российском Севере этнической структуры населения (табл. 6).

Сложившиеся к началу XX в. этнические территории коренных народов Севера были учтены при формировании территориального состава административных и политических автономий на севере РСФСР в 20-е гг. прошлого века. Длительное проживание коренных народов Севера в составе единого государства способствовало укреплению взаимоотношений между соседними народами и их комплементарности на основе сложившейся общности их культуры и бытового уклада, кормящего ландшафта и отношений с окружающей природной средой, рода занятий и способов хозяйствования, особенностями психологического склада и стереотипа поведения. Общие эволюционно-исторические корни этногенеза и вероисповедания северных этносов России позволяют говорить о становлении на территории Российской Севера особой этно-культурной цивилизации коренных народов Севера, формирующейся в пределах тундры, крайне-северной и северной тайги. Пользуясь терминологией Л.Н. Гумилева, можно говорить о формировании особого таежно-тундрового суперэтноса, объединяющего в своем составе коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока [1, с.131].

Таблица 6

**Рейтинг наиболее распространенных национальностей северных регионов России
(по данным переписи населения 2002 г.)**

№ п/п	Рейтинг наиболее распространенных национальностей	Число северных субъектов РФ, занимающих соответствующее место среди наиболее распространенных национальностей Севера России					Всего
		1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место	
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Русские	25	3	—	—	—	28
2	Украинцы	—	11	8	5	4	28
3	Татары	—	2	4	10	1	17
4	Белорусы	—	—	4	1	8	13
5	Коми	—	1	2	—	1	4
6	Азербайджанцы	—	—	—	—	4	4
7	Буряты	—	2	1	—	—	3
8	Ненцы	—	1	1	1	—	3
9	Эвенки	—	—	1	—	2	3
10	Якуты	1	—	1	—	—	2
11	Корейцы	—	1	1	—	—	2
12	Чукчи	—	1	1	—	—	2
13	Коряки	—	1	1	—	—	2
14	Эвенки	—	1	—	1	—	2
15	Башкиры	—	—	—	2	—	2
16	Немцы	—	—	—	2	—	2
17	Армяне	—	—	—	—	2	2
18	Тувинцы	1	—	—	—	—	1
19	Коми-пермяки	1	—	—	—	—	1
20	Карелы	—	1	—	—	—	1
21	Алтайцы	—	1	—	—	—	1
22	Долганы	—	1	—	—	—	1
23	Казахи	—	—	1	—	—	1
24	Нанайцы	—	—	1	—	—	1
25	Теленгиты	—	—	—	1	—	1
26	Ительмены	—	—	—	1	—	1
27	Хакасы	—	—	—	1	—	1
28	Финны	—	—	—	—	1	1
29	Чуваши	—	—	—	—	1	1
30	Сойоты	—	—	—	—	1	1
31	Тубалары	—	—	—	—	1	1
32	Нганасаны	—	—	—	—	1	1
33	Кеты	—	—	—	—	1	1

Составлено по: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики, Т. 4).

Подавляющее большинство автономных округов было образовано в РСФСР в 1929 г. При этом их границы и административный статус оставались неизменными до начала XXI в., когда был инициирован процесс укрупнения субъектов РФ. Следствием этого стали сокращение числа национально-территориальных автономий и потеря рядом малочисленных народов Севера обретённого в советские годы статуса титульных национальностей. В наибольшей степени этот процесс затронул автономные округа Сибири и Дальнего Востока, которые в последние десятилетия оказались в депрессивном состоянии. Начало процессу административного укрупнения субъектов РФ было положено объединением Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа под эгидой единого Пермского края. В последующие годы в результате проведенных референдумов и официальных процедур по добровольному объединению статуса административных автономий в составе РФ лишились Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Корякский, Усть-Ордынский Бурятский и Агинский Бурятские автономные округа, вошедшие в состав объединенных субъектов РФ.

Этнические территории большинства аборигенных народностей, имеющих официальный статус малочисленных народов Севера, находятся только в границах Российского Севера. Это налагает особую ответственность государства за судьбу всех малых народов Севера России. Несмотря на продолжающееся разреживание этнических территорий коренных малочисленных народностей Севера, оказавшихся вовлечеными в процесс промышленной разработки природных ресурсов и транспортного строительства, характер их

расселения в последние десятилетия принципиально не изменился. Как и прежде, территории компактного расселения малых народов Севера выступают одним из ведущих признаков делимитации и районирования северных территорий. Вместе с тем сохранение среды традиционного обитания и этнокультурной самобытности коренных малочисленных народов Севера приобретает большое гуманитарное значение. Генетическая неспособность адаптации малых народов Севера к многочисленным издержкам цивилизации диктует необходимость государственной поддержки в деле сохранения природной среды их обитания, народных промыслов и отраслей так называемой «северной индустрии» (оленеводство, охота и рыболовство), систем ведения хозяйства и традиционного природопользования, культурного своеобразия и функционирования языка.

Кажущееся благополучие социально-демографического развития малых народов Российского Севера, основанное на анализе показателей официальной статистики, не должно заслонять потенциальную угрозу их возможного регressiveного развития и вымирания. Тем более что предпосылками возможного перехода к неблагоприятному сценарию демографического развития остаются сложные проблемы высокой смертности коренных малочисленных народов Севера и связанная с этим низкая ожидаемая продолжительность их предстоящей жизни. Решение этих социально-демографических проблем коренных малочисленных народов остаётся в числе приоритетных направлений демографической политики северных территорий России.

Литература

1. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
2. Народы России: энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.
3. Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.
4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 4).

Институциональные контексты одинокого материнства в России

В России, как и во многих развитых странах, семья как социальный институт переживает глубокие изменения, которые проявляются, прежде всего, в снижении числа браков и падении рождаемости, росте числа разводов и распространении практики семей раздельно живущих супружеских пар, повышении доли внебрачных детей и числа незарегистрированных браков, обуславливающих увеличение количества неполных семей. Так, например, в Республике Коми согласно анализу статистики на всем протяжении 1990-х гг. наблюдалось снижение уровня брачности, увеличение числа разводов и рождения детей вне брака. В 2003 г. 40,5 % детей родилось в республике вне официально зарегистрированного брака, количество разводов увеличилось на 25 % по сравнению с началом 1990-х гг., а число браков сократилось на треть. В особенно сложной ситуации оказалась сельская семья. Если в городской местности внебрачными оказались 37,3 % рождений, то в сельской – 51,0 % [Попова Л.А., 2006, с. 8]. При этом в сельской местности уровень брачности снизился более чем на 50 % [Попова Л.А., 2006, с. 25]. Обозначенные тенденции продолжаются.

В данной работе мы хотели бы обратить внимание на институциональные факторы воспроизведения одинокого материнства в постсоветском пространстве. В фокусе нашего внимания женщины, которые в силу ряда причин решили самостоятельно воспитывать своих детей. Роль мужчин в их жизни номинальная. Она (роль) могла ограничиться этапом знакомства и зачатием ребенка, официальным или неофициальным разводом супружеских пар, или, наконец, смертью супруга. Все респонденты – это люди с ограниченными социальными и материальными ресурсами: работники депрессивных предприятий, официальные бедные**.

Как правило, термин «семьи одиноких матерей» понимается в широком социальном контексте и придерживается его международной интерпретации: *lone/single mother family* с уточнением фактического брачного статуса женщины-матери – *lone unmarried, divorced or widowed mother* – **одинокая незамужняя/внебрачная, разведенная или овдовевшая мать** [Lewis, 1997]. Достаточно часто подобные семьи также называют «материнскими»***. Но при этом не исключается присутствие отца ребенка, роль которого в семейных делах символична, поскольку, как правило, на плечи женщины ложатся тяготы материального обеспечения семьи, благоустройства дома, заботы и воспитания детей [Малаховская Н., 1979]. Принципиальное отличие состоит в законных (формальных) основаниях присутствия мужчины в семье и формах социального взаимодействия между мужчиной и женщиной (в том числе в сфере сексуальных отношений). Наконец, в их число нередко включают женщин пожилого возраста, имеющих взрослых детей, но проживающих отдельно от матери. Определенные трудности выявления статуса женщины существуют из-за «двойного статуса», когда женщина, имеющая официальный статус матери-одиночки, воспитывает ребенка не одна (отцом ребенка или другим мужчиной)****. Данные примеры свидетельствуют о существующих трудностях официального подсчета одиноких матерей и определения их социального статуса [Лунякова Л., 2004].

Под одинокими матерями мы понимаем женщин, решивших самостоятельно воспитывать детей. Сюда входят не только официальные матери-одиночки, которые отказались признать право отца на ребенка, но и женщины, которые прежде имели «полную» семью, состоящую из двух родителей и ребенка (или нескольких детей), но в силу различных причин (смерти мужа, развода) оказались наедине со своими проблемами обеспечения и воспитания детей. Мужчины в таких семьях, даже если они есть, являются «временными». Статус последнего в качестве члена семьи не признается женщиной. Таким образом, мы хотим обозначить, что проблема гораздо многограннее, чем статистический подсчет незаконнорожденных детей и изучение повседневных трудностей матерей-одиночек, которые становятся основанием для формирования социальной политики.

* Лыткина Татьяна Степановна (Сыктывкар) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН. E-mail: tlytkina@yandex.ru

** В период с 1994 по 2002 г. я принимала участие в проекте «Экономическая инволюция в России», осуществлявшем под руководством М.Буравого (Калифорнийский университет). Основной исследовательский интерес был направлен на изучение жизненных стратегий населения в новых социально-экономических условиях. С 1999 по 2002 г. – в общероссийском проекте «Гендерные различия стратегий занятости в России», осуществлявшем сотрудниками ИСИТО под научным руководством С.Ашвин (Лондонская школа экономики). Данное исследование предполагало поиск различий в стратегиях занятости мужчин и женщин на современном рынке труда. Оба проекта проводились в традициях качественной методологии, основу которой составили глубинные интервью в семьях с ограниченными материальными и социальными ресурсами.

*** Обозначенные нами типы материнских семей нередко называют также монородительской семьей, хотя последние также могут быть «мужскими», но эта практика в реальности распространена меньше.

**** Возможны иные вариации: разведенная женщина, впоследствии родившая ребенка и зарегистрировавшаяся в органах ЗАГС как мать-одиночка и т.д.

В основе формирования одинокого материнства (в том числе роста численности матерей-одиночек) лежат экономические, культурные и институциональные факторы. Последним нам хотелось бы уделить особое внимание.

Описывая советский этакратический гендерный порядок, Е. Здравомыслова и А. Темкина отмечают, что для государственного управления гендерными отношениями характерны два типа механизмов: 1) нормативное принудительное регулирование через законодательные акты и 2) идеологический аппарат принуждения, контролирующий гендерные отношения через доминирующие официальные дискурсы [Здравомыслова Е., Темкина А., 2007]. Рассмотрим, каким образом советское государство (вос)производило практику одинокого материнства. Но прежде мы должны обозначить региональную специфику, существовавшую до прихода советской власти, сохраняющую в себе языческие брачные обычай. А именно «помолвка поцелуями» и «венчание вокруг ракитого куста», что обеспечивало большое число незаконнорожденных детей. При этом, как указывают исследователи, незамужние матери не испытывали ни страха, ни стыда за «вольную любовь» [Попова Л., 2004, с. 42]. Заметим, что «вольная любовь» вовсе не означала свободу от ответственности, напротив, предполагалось обоюдное ведение домашнего хозяйства и заботу о детях. Однако и «неполная материнская семья не подвергалась ни острокизму, ни осуждению на бытовом уровне» [Попова Л., 2004: 42], что, с нашей точки зрения, определило дальнейшую политику семейно-брачных отношений на повседневном уровне в последующие исторические периоды.

Вернемся к советскому гендерному порядку. Как мы уже отмечали, по общепризнанному мнению, советский гендерный порядок называют этакратическим, поскольку он в значительной степени обусловлен государственной политикой и идеологией, задающей возможности и барьеры для людей по признаку пола [Здравомыслова Е., Темкина А., 2007, с. 97]. Специфика советского гендерного порядка заключалась в том, что основным агентом формирования гендерных отношений являлось государство. При этом одинокое материнство формировалось на противоречиях макро- и микроуровней. Макроуровень выражался в нормативно принудительном регулировании законодательными актами и идеологическим аппаратом принуждения, контролирующими гендерные отношения, микроуровень – повседневными гендерными практиками на бытовом (повседневном) уровне. Подобно тому, как выделены этапы формирования гендерного советского порядка исследователями Е. Здравомысловой и А. Темкиной, аналогичным образом мы покажем процесс распространения практики одинокого материнства в советский и постсоветский периоды.

Первый этап датируется 1918 – началом 1930-х гг. и определяется как дефамилизация и политическая мобилизация женщин. В целом представлен как гендерная политика решения женского вопроса посредством дефамилизации и политической мобилизации женщин, как особой социальной категории. С этого периода государство начинает формировать новый советский гендер, акцент в котором сделан на создании новой женственности. Важным достижением стало юридическое равноправие мужчин и женщин во всех сферах хозяйственной и общественно-политической жизни. Они стали основой формирования советского гендерного порядка. Дадим их краткое описание.

В сфере политики женщина получила возможность участия в органах власти. Ознаменовано оно было Всероссийским съездом работниц и крестьянок, созванным 16 ноября 1918 г., на который съехались 1144 делегатки [Харчев А.Г., 1979, с. 138]. «Вплоть до конца 1980-х гг. данные официальной статистики свидетельствовали о высоком удельном весе женщин в органах власти: в Верховном Совете СССР в 1984 г. они составляли 33 %, в Верховных Советах республик – 36 %, в местных Советах – 50 %» [Гурко Т.А., Босс П., 1999, с. 40].

В сфере занятости через всеобщую трудовую повинность женщине наравне с мужчиной «позволено» участвовать в сфере производства материальных благ. Уже к 1940 г. удельный вес женщин составил 38,9 %, в военный и послевоенный периоды данный показатель резко возрос. В конце 1980-х гг. уровень занятости женщин в европейской части страны составил 52-55 % [Гурко Т.А., Босс П., 1999, с. 39].

В сфере семейно-брачных отношений сразу после октябрьской России уже в начале 1920-х гг. прошлого века на смену церковному браку пришли гражданские: как зарегистрированные в органах ЗАГС, так и незарегистрированные фактические брачные союзы, основанные лишь на взаимном согласии мужчины и женщины. После революции за очень непродолжительное время в стране было принято несколько брачно-семейных кодексов*, закрепивших отделение брака и признание только гражданского брака. Причем незарегистрированные гражданские браки стали широко распространенным явлением, характерным для всех слоев советского общества. Жениться и развестись было возможно в один день, с подачи одного из супругов. Они были вполне легитимными – в них росли дети, которые не испытывали никаких удобств от того, что брачный союз их родителей не регламентирован по закону. Существовали они практически наравне с зарегистрированными. При этом лица, состоящие в фактических брачных отношениях, могли в любое время оформить их в установ-

* Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18.12.1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18.12.1917 г. «О расторжении брака», Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят на сессии ВЦИК 16.09.1918).

ленном законом порядке – с указанием фактической совместной жизни* [Попова Л., 2004, с. 42; Здравомыслова Е., Темкина А., 2004].

Второй этап приходится на 1930–1950-е гг. и называется «стабилизация элакратического контракта «работающая мать»». Однако все формальные достижения советского правительства были пропитаны при их реализации противоречиями. Наиболее ярко они проявились на втором этапе.

В общественно-политической сфере. Юридическое равноправие в органах власти обеспечивалось за счет квот. «Женские организации советского времени – женсоветы, Комитет советских женщин не играли самостоятельной политической роли, были лишены политической инициативы и решали насущные повседневные проблемы. Благодаря им сформировался тип женщины-общественницы. Таким образом, у советской женщины не было возможности политического выступления в рамках каких-либо других структур, кроме КПСС. Диссидентское движение никогда не озвучивало феминистских ценностей. Единственный пример независимой женской инициативы – это группа «Мария» в Ленинграде, близкая по духу православной культуре» [Попкова Л., Жидкова Е., 2004].

В сфере занятости. За вполне гуманными эгалитарными идеями о равенстве полов скрывался целенаправленный поиск дешевой рабочей силы, достаточно категорично осуждаемый сегодня. Более того проводилась политика гендерного различия, за «естественными» попытками** государственной заботы о женщинах-матери создавались сугубо женские рабочие места с более низкой оплатой труда. Большинство женщин трудилось на «непrestижных», малооплачиваемых местах: воспитателями в детских дошкольных образованиях, учительницами в школах, медсестрами и т.д. Доля женщин на руководящих должностях была невысока [Гурко Т., Босс П., 1995, с. 39], к тому же женщина, «делающая» карьеру, однозначно воспринималась «неудачницей» в семейной жизни.

В частной сфере. Несмотря на предпринятые радикальные меры сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции, призванные существенно изменить отношения между полами в сторону свободных форм общения, в результате чего должна была отмереть семья старого патриархального и буржуазного типов (Темкина А., Здравомыслова Е.: 105). Уже во второй половине 1930-х гг. вопросы брачно-семейных отношений*** получили принципиально новое идеологическое истолкование. Проблема свободы выбора формы брачных отношений была снята и подменена проблемой семейного долга. При этом начали восстанавливаться основные функции семьи как хозяйствственно-потребительской ячейки общества [Попова Л., 2004, с. 43], укрепляя статус женщины-матери (закрепляя, утверждая, усиливая материнские функции).

Первым шагом стало Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установление государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж али-

* «Большевистский гендерный проект предполагал, что многие родительские воспитательные функции возьмут на себя советские коммунальные учреждения. Тем не менее дети имели право на алименты, выплачиваемые отцом в случае соответствующего обращения в суд матери ребенка. Реальное отцовство остановить было трудно. Презумпция материнской правоты таким образом была обеспечена законодательством» [Здравомыслова Е., Темкина А., 2004, с. 106].

** Политика гендерных различий на производстве проявилась, прежде всего, в обеспечении и поддержке матери-работницы. «Представлялось время и место для материнского вскармливания прямо на предприятии, гарантировались пособия материам как в продуктовом, так и после Гражданской войны – в денежном эквиваленте, предоставлялись отпуска, составлялись списки вредных и тяжелых условий труда, до которых не допускалась работающая женщина» [Здравомыслова Е., Темкина А., 2004, с. 104]. За этим скрывается жесточайшая эксплуатация женщин-матерей, имеющих грудных детей. Более того, несмотря на попытки создания условий труда, учитывающих женскую физиологию, статистика свидетельствовала, что многие женщины были заняты на тех участках, где их труд запрещен законодательно – вочные смены, во вредных условиях [Гурко Т., Босс П., 1995].

*** Некоторые попытки были сделаны уже в 1926 г. Кодекс законов о браке, семье и опеке (введен Постановлением ВЦИК от 19.11.1926) – «его главное отличие от законодательства 1918 г. состояло в том, что незарегистрированные браки приравнивались по вытекающим из них правовым обязанностям супружеским к зарегистрированным бракам. При этом кодексставил под защиту законов не всякое сожительство, а лишь такие фактические браки, существование которых могло быть доказано судом» [Харчев А.Г., 1979, с. 148]. Впоследствии он изменялся и пополнялся дважды – в 1936 и 1944 гг. Указ 1944 г., как и кодекс 1918 г., исходил из того, «что юридически действительным является лишь зарегистрированный брак» [Харчев А.Г., 1979, с. 167]. Кодекс был призван усилить влияние на брак со стороны общества. Указом 1944 г. была существенно изменена процедура развода. Данный Указ установил обязательность судебного расторжения брака с примирительным разбирательством в народном суде и решением дела по существу лишь в вышеупомянутой судебной инстанции. Делам о расторжении брака стала придаваться широкая гласность [Харчев А.Г., 1979, с. 168]. С нашей точки зрения, зарубежные исследователи оценили данный указ как попытку возвращения женщины к домашнему очагу. В то время как советские исследователи настаивали на повышении социального авторитета женщины [Харчев А.Г., 1979, с. 168], что, вполне вероятно, также имело основания. Однако данные мероприятия, направленные на укрепление положения женщины в советском обществе, не могли носить долгосрочный характер и не освобождали от домашних обязанностей, а, напротив, закрепляли их.

ментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводе», вторым – Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героина» и учреждения ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства».

В то же время происходят либерализация гендерной политики в области декриминализации абортов в 1955 г. и усиление государственной поддержки материнства. Кодекс РСФСР о браке и семье 1968 г. полностью отменил и заменил или изменил большинство законодательных актов сталинского периода. Была упрощена процедура развода, возобновлена возможность установления отцовства. Новая гендерная политика допускала принятие самостоятельных решений по поводу деторождения. Однако политика не сопровождалась сексуальным образованием, в результате чего медицинский аборт становится массовым опытом. АбORTы, осуществляемые массово-поточными методами, проводятся с использованием минимальных обезболивающих. В официальной риторике аборт замалчивается, в медицинских практиках он становится символом наказания женщины за отказ от выполнения репродуктивной функции.

Приобретенный статус женщины советского государства действительно расширил возможности ее участия в жизни общества, значительно повысил уровень образования (по занятости женщины СССР занимали одно из первых мест, а темп роста их образования был несколько выше, чем у мужчин), предоставил экономическую независимость от мужчины. В то же время «двойной (и даже тройной)» статус женщины как работницы-общественницы и матери привел к чрезмерной их загруженности, не искоренив внутренний механизм воспроизведения дискриминационных практик, и, не предоставив возможности выбора работать или не работать, иметь семью или не иметь семью и т.д. Советским женщинам не пришлось, как американкам-феминисткам, бороться за свои права в начале XX в. Они были «предоставлены» советским государством. Коммерческая сделка с государством предполагала неравноценный обмен предоставленных прав на гражданские обязанности (осуществляя практику принуждения). Особенно это касалось занятости, которая носила обязательный характер для каждого гражданина социалистического государства. Итак, женщине предоставили возможность участвовать во всех сферах хозяйственной и общественно-политической жизни. Советские женщины были самыми образованными, самыми активными в сфере занятости и общественно-политической жизни. Однако цена предоставленной «свободы и новых возможностей» была слишком высока, поскольку советской женщине всегда приходилось реализовывать различные роли независимо от их собственных желаний, в том числе материнскую, поощряемую и контролируемую государством. Обозначенные противоречия не могли не отразиться на последующем этапе гендерного порядка. Они наиболее выпукло проявились в частной сфере взаимоотношений между мужчиной и женщиной на уровне повседневных практик.

Третий этап – политическая либерализация и кризис эТАКратического гендерного порядка – начинается с середины 1950 – конца 1980-х гг. Государственная политика закрепляла второстепенную роль женщины в общественном устройстве в наиболее низкооплачиваемых и неперспективных сегментах занятости и в то же время утверждала материнские функции в семье, определяя ключевую роль женщины в семейной жизни. Основанием служило гендерное распределение обязанностей, где по-прежнему мужчине отводилась роль кормильца, а женщине – роль хранительницы домашнего очага и помощницы мужа в обеспечении семьи. Необходимость мужского участия в публичной сфере не вызывала никаких сомнений. В то же время набор предъявляемых требований к мужчине как к мужу и отцу семейства был минимален. В домашнем труде мужчина оценивался как менее квалифицированный работник. Заметим, что при государственной политике, направленной на вовлечение женщин в производство, политики, направленной на вовлечение мужчин в домашнее хозяйство (что могло бы способствовать установлению некого баланса), не было. В результате большинство мужчин оказалось практически отстраненным от семейных обязанностей. Началось исключение «ненужных» мужчин из домашней сферы. Более того, советское государство, защищающее «спокойствие» мужчин на микро- и макроуровне, т.е. структурно, закрепляло материнство путем создания дискриминации «права отца на ребенка». Настолько, что родительские права мужчин стали систематически нарушаться [Чернова Ж., 2007, с. 139], что не могло не привести к формированию отчуждения отца и ребенка.

За ними сохранялась пока функция основного кормильца в семье. Однако выполнение этой и той роли все чаще ставилось женщинами под сомнение. Во-первых, идеология советского государства облегчала задачу мужчины в обеспечении семьи через обязательную занятость и поощрение работы на одном производстве. Во-вторых, основной функциональный смысл социалистической трудовой морали – высокие трудозатраты при низких материальных вознаграждениях – обусловил занятость в сфере производства обоих супругов, где заработка одного дополняется заработком другого. В-третьих, дефицит товаров и отсутствие различий в зарплатной плате формировали типичный «советский» образ жизни, доступный большинству рядовых граждан. Добавим, что всеобщая уравнительность качества жизни усилила установку «не высовываться и жить, как все». Возникало противоречие между одобренной социальной нормой мужского бредвинерства и реальной социальной практикой. Безусловно, эгалитарная политика диктовалась исключительно государственными

интересами. Государство, которое оказалось не в состоянии облегчить женскую долю, с одной стороны, оказалось «неоценимую» помочь мужчине в обеспечении семьи; с другой – практически исключило его из домашней сферы. Таким образом, при сохранении традиционных представлений о мужском приоритете в обеспечении семьи происходила эрозия данной роли на практике. Из-за несостоительности и невозможности мужчин обеспечивать семью формировалась деформированная роль кормильца, укреплялась позиция женщины в кругу семьи. В то время как исследователи все чаще заявляют о кризисе «мужественности» [Харчев А.Г., 1979; Здравомыслова Е., Темкина А., 2004].

В результате нереализованных гендерных ожиданий со стороны мужчин женщины все чаще начинают «наказывать» государство количеством детей, рожденных вне брака. Государству ничего не остается делать, как начать защищать интересы женщин, отказавшихся совместно с мужчиной растить детей. К концу 1980-х гг., кажется, альянс женщины и государства достигнут. «Сложившаяся к концу 1980-х – началу 1990-х гг. довольно развитая система пособий и льгот гражданам, имеющим детей, в совокупности с разветвленной социальной инфраструктурой (в том числе детских учреждений, бытовых услуг, досуга и т.п.), предоставляла женщине возможность самостоятельно справляться с материнскими, семейными и профессиональными нагрузками» [Лунакова Л., 2004, с. 63]. В качестве дополнительной аргументации приводится отрывок из интервью с начальником Управления социального обеспечения г.Рыбинска. «<Именно в то время (имеется в виду 1980-е гг., прим. автора) многие женщины-матери чувствовали поддержку государства. Каждая из них поверила, что государство поможет и никогда не оставит ее без работы, а ребенка без средств к существованию>...<Поэтому одиночные женщины надеялись, что и дальше все будет нормально>» [Лунакова Л., 2004, с. 63]. Не рассчитывая, что по прошествии нескольких лет столкнулись с серьезной проблемой в реализации материнства.

В то же время увеличивается число разводов – своеобразное женское наказание за недостойное поведение мужчины в семье. Как показали наши собственные исследования, если в первом случае женский выбор (положения и статуса матери-одиночки) может быть не только как самостоятельное решение женщины, сексуальная неграмотность, но и нередко обусловлен неудавшейся стратегией, направленной на создание семьи, то в случае разводов, напротив, – это обдуманный извешенный шаг женщины. Если в первом случае чаще всего страдают интересы женщины, то во втором – наиболее уязвимы мужчины. Испытав на себе «двойное» исключение в период экономического кризиса 1990-х гг., некоторые из них оказались исключенным не только из сферы занятости и семейных отношений, но и из жизни [Лыткина Т., 2003]. Однако напомним, что наши исследования распространяются только на малообеспеченные слои населения, которые не исключают и сельских жителей, где демографическая ситуация (по сравнению с городскими) значительно хуже. Мы предполагаем, что в данном случае решающее значение играют экономические и культурные факторы, изучению которых мы пока не отдали должного внимания.

В заключение отметим, что на протяжении всего периода советской власти в зависимости от интересов политиков и исходя из государственных нужд менялись приоритеты в отношении женских ролей: общественница или труженица. При этом за ней всегда сохранялась семейная сфера, в том числе ответственность за рождение и воспитание детей. Роль женщины в публичной сфере была второстепенна. Несмотря на широкие предоставленные советским государством права женщинам в публичной сфере, у них не оставалось ни времени, ни желания «делать карьеру». Государственная политика, закрепляющая за женщиной двойную занятость – на работе и дома – практически полностью исключала мужчину из сферы ответственности домашней сферы. С помощью государственной политики женщина укрепляла свои позиции внутри семьи, но при этом всегда оставалась одна.

Литература

1. Гурко Т.А., Босс П. Отношения мужчин и женщин в браке // Семья на пороге третьего тысячелетия. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1999.
2. Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография / Под ред. Е.Здравомысловой, А.Темкиной. СПб., 2007.
3. Лыткина Т. Экономическая адаптация домохозяйств в условиях социальной и гендерной трансформации // На пути к рыночной экономике: социальная практика регионального развития. Сыктывкар, 2003.
4. Луняковова Л. «Чем мужика кормить, лучше ребенка воспитывать одной»: социальный портрет материнских семей // Семейные узы: Модели для сборки: Сб.статей. Кн. 2 / Сост. и ред. С. Ушакин. М., 2004.
5. Малаховская Н. Материнская семья // Альманах «Женщина и Россия». СПб., 1979.
6. Попова Л.А. Сущность, причины и последствия современного демографического кризиса. Екатеринбург, 2004.
7. Попкова Л., Жидкова Е. Феминизм, или История борьбы женщин за права человека: «Курица – не птица...» // Гендер для «чайников». М., 2006.
8. Тартаковская И. Работа: А счастье в труде? // Гендер для «чайников». М., 2006.
9. Чернова Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография / Под ред. Е.Здравомысловой, А.Темкиной. СПб., 2007.
10. Харчев А.Г. Брак и Семья в СССР. М.: Мысль, 1979.
11. Lewis J. Lone mother in European welfare regimes. Shifting polisys logics. London, 1997.

Н.П.Безносова*

Численность и социально-демографическая характеристика отдельных национальностей Коми АССР в 1970-е гг.**

Республика Коми является одной из наиболее многонациональных республик России. Переписями населения 1970 и 1979 гг., являющимися основным источником для изучения национального состава населения на территории Коми АССР, было учтено более 70 наций и народностей. К группе наиболее многочисленных национальностей относились русские, коми, украинцы, белорусы, татары, которые вышли в 1979 г. на пятое место, сместив на шестое место немцев, бывшими пятой по численности национальностью республики с конца 1930-х гг., и чуваша. Рассмотрим динамику численности и изменения социально-экономической характеристики наиболее многочисленных национальностей Коми АССР в период между переписями 1970 и 1979 гг.

На 17 января 1979 г. численность населения республики составила 1110,4 тыс. чел. В результате естественного и миграционного прироста она увеличилась за 1970–1979 гг. на 145,6 тыс. чел., или на 15,1 %. Таким образом, среднегодовой прирост составил 16,2 тыс. чел. Темпы роста населения Коми АССР значительно превышали аналогичные показатели по России [6, с. 40].

Увеличение населения сопровождалось дальнейшим изменением его национального состава. За 1970–1979 гг. в абсолютных цифрах произошел количественный рост большинства наций и народностей, населявших территорию Коми АССР. Сравнительный анализ группы наиболее многочисленных национальностей показал, что все они, кроме немцев, увеличили свою численность (табл. 1).

Наиболее многочисленная национальность республики – русские – увеличили свою численность на 117,3 тыс. чел., или на 22,9 %. Их доля в составе населения поднялась с 53,1 до 56,7 %. Прирост украинцев также был существенным – 11,2 тыс. (13,6 %), но при этом доля их в составе населения снизилась на 0,1 %. Численность белорусов осталась на уровне 1970 г., а их удельный вес сократился на 0,4 %.

Темпы роста численности и удельный вес титульного этноса – коми – в 1970-е гг. продолжали снижаться. В абсолютном выражении их число выросло всего на 4,6 тыс. чел. (на 1,7 %), а доля в составе населения уменьшилась с 28,6 % в 1970 г. до 25,3 % в 1979 г.

Наиболее высокие темпы прироста в 1970-е гг. наблюдались у татар и чувашей. Татар стало больше на 5,9 тыс., или на 49,6 %, чувашей – на 2,0 тыс., или на 28,8 %. Зато сократились численность (на 8,9 %) и удельный вес (на 0,3 %) немцев.

Высокими темпами увеличивалась численность группы «другие национальности» – на 5,9 тыс. чел., или на 16,6 %, но их доля в составе населения осталась на уровне 1970 г. При этом динамика численности отдельных национальностей имела существенные различия. Одни из них увеличили свою численность много-кратно: киргизы – в 7,3 раза, узбеки – 2,4, каракалпаки – 6,6, таджики – 3,3, туркмены – 2,2, башкиры – 3,2, калмыки – 3,3, якуты – 2,9, табасараны – 3,2, азербайджанцы – 2,3, грузины – 1,8, балкарцы – 3,5, карачаевцы – 2,3, черкесы – 2,0, чеченцы – 2,5, кумыки – в 2,6 раза. Другие – сократили численность и удельный вес в составе населения: евреи, литовцы, латыши, поляки, молдаване, казахи, адигейцы, китайцы. Из народов финно-угорской группы среди тех, кто увеличили свою численность, были марийцы, мордовцы, удмурты, коми-пермяки, венгры, уменьшили – эстонцы, финны, карелы.

Интересные данные получены по итогам переписи 1979 г. о размещении по территории республики отдельных национальностей. Коми преобладали на территории Ижемского, Усть-Куломского, Сысольского, Корткеросского, Прилузского районов, где они составляли от 61 до 83 % населения; русские – в Воркутинском, Печорском, Ухтинском и Интинском горсоветах, Усть-Цилемском, Вуктыльском и Троицко-Печорском, Усинском районах (от 60 до 87 %) [3, л. 124].

При рассмотрении национального состава городов и сельских районов отмечаются следующие особенности. За 1970–1979 гг. русские, татары, чуваши и группа «другие национальности» увеличили численность и удельный вес во всех городах республики. Несмотря на увеличение численности городских коми (к 1979 г. они составляли уже 41,7 % этноса, против 33,1 % в 1970 г.), их удельный вес за девять лет снизился во всех городах, кроме Инты. При этом лишь Сыктывкар выделялся существенной долей коми (35,7 %), в других городах она была значительно меньше – от 2,6 % в Воркуте до 14,5 % в Печоре. В Сыктывкаре увеличили

* Безносова Наталья Павловна (Сыктывкар) – научный сотрудник отдела истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена в рамках исследований по проекту № 09-Т-7-1001 «Роль изменений климата в этнодемографической истории финно-угорских народов России», программа фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», направление VI «Народ России – состав и эволюция X–XX вв.».

численность все национальности, но в то же время все, кроме русских, уменьшили свой удельный вес. В Ухте также произошло увеличение численности всех национальностей, Печоре – всех, кроме украинцев. В Воркутинском горсовете стало меньше коми, белорусов, немцев, Интинском – украинцев, белорусов, немцев. Наиболее пестрым национальным составом отличался Усинск: в 1979 г. русские составляли здесь 66,7, украинцы – 12,6, татары – 5,7, коми – 4,3, прочие национальности – 10,7 %.

В этот же период сельские поселения республики стали отличаться большей полиглоссией – здесь на фоне сокращения численности наиболее многочисленных национальных групп шел рост числа и удельного веса представителей группы «другие национальности». Так, русских стало меньше в шести из 16 районов, украинцев – в восьми, белорусов – в 13, немцев – в 14 районах. Коми оставались, как и прежде, преимущественно сельским этносом (в 1979 г. 58,3 % коми являлись сельскими жителями), но их массовая миграция в города привела к уменьшению абсолютной численности коми во всех районах, кроме Усинского и Усть-Цилемского. Вместе с тем группа «другие национальности» стала более многочисленной практически во всех сельских районах, особенно в Печорском – в 2,3 раза [2, л. 5-6].

В рассматриваемый период в республике произошли также определенные изменения социально-демографических показателей отдельных национальных групп.

Таблица 1

Распределение населения Кomi АССР по национальности и родному языку [3, л. 21]

Национальность	Число лиц данной национальности, тыс. чел.		1979 г. в % к 1970 г.	Из общей численности считают родным языком язык своей националь- ности, %		Из числа лиц данной национальности, %	
	1970 г.	1979 г.		1970 г.	1979 г.	Свободно вла- деют русским в качестве второго языка	Называют русский язык родным языком
Все население	964,8	1110,4	115,1	88,2	86,1		
Коми	276,2	280,8	101,7	86,7	80,0	66,9	20,0
Русские	512,2	629,5	122,9	99,9	99,9	–	–
Украинцы	82,9	94,2	113,6	58,9	52,1	49,2	47,7
Белорусы	24,7	24,8	100,4	44,1	39,2	37,8	60,5
Немцы	14,6	13,3	91,1	40,4	27,3	27,3	71,8
Татары	11,9	17,8	149,6	69,7	69,4	66,2	30,3
Чуваши	6,6	8,5	128,8	65,2	58,1	56,4	41,7

Владение родным языком. Итоги переписи 1979 г. показали, что подавляющее большинство населения Кomi АССР (86,1 %) считало родным язык своей национальности. Известно, что совпадение ответов на вопросы о национальности и родном языке свидетельствует об этнической устойчивости опрашиваемого, а несовпадение – о нахождении его в той или иной стадии этнической трансформации, о том, что опрашиваемый утратил свой родной язык или знает его настолько плохо, что не считает его родным. Наиболее высокий удельный вес считавших родным языком язык своей национальности был у русских (99,9 %) и коми (80,0 %). Вместе с тем нельзя не заметить, что удельный вес лиц, считающих родным язык своей национальности, за 1970–1979 гг. снизился у всех народов, кроме русских, но более других – у немцев (с 40,4 до 27,3 %) (табл. 1).

Общее число лиц, владеющих русским языком в качестве родного или второго языка составило в 1979 г. 1067,6 тыс. чел. (96,1 % населения республики), в то время как в 1970 г. таковых было 896,2 тыс. чел. (92,9 %). Русским языком как языком межнационального общения в 1979 г. свободно владели 95,6 % белорусов из числа лиц, называвших в качестве родного языка язык своей национальности или другие языки (кроме русского), 95 % татар, 94,2 % украинцев. У коми этот показатель составил 83,6 %. В качестве второго языка народов СССР, которым владеют свободно, называли: коми язык – 21,8 тыс. чел., украинский – 17,8 тыс., белорусский – 3,3 тыс., татарский – 1,6 тыс. чел. [1, с. 112; 3, л. 125].

Данные переписей 1970 и 1979 гг. свидетельствуют о том, что у представителей народов, проживавших в Кomi АССР, русский язык в качестве родного языка находил всё большее распространение. Если в 1970 г. из общего числа лиц нерусской национальности в качестве родного назвали русский язык 24,8 %, то в 1979 г. – уже 31,5 % [3, л. 125]. Наибольшие значения отмечены у немцев (71,8 %), белорусов (60,5 %), украинцев (47,7 %). Таким образом, 1970-е гг. характеризуются дальнейшим нарастанием процесса языковой ассимиляции у большинства наций и народов, населявших Кomi АССР, включая и коренной этнос республики. В 1979 г. среди лиц коми национальности русский язык стал родным языком для 20 %, в то время как в 1970 г. этот показатель составлял 13,3 % [3, л. 21].

Возрастнополовая структура отдельных национальностей, как известно, обусловлена влиянием целого ряда факторов (уровнем рождаемости и смертности, миграцией, ассимиляционными процессами и др.) и имеет существенные различия.

Перепись 1979 г. показала, что удельный вес детей и подростков в возрасте от 0 до 15 лет среди разных национальных групп республики заметно отличался. Наиболее высокий показатель доли детей и подростков отмечен у русских – 301 на 1000 чел. соответствующей национальности, татар – 259, коми – 249, наименьший – у немцев (133) и белорусов (174). По сравнению с 1970 г. у всех национальностей доля детей и подростков в возрасте от 0 до 15 лет снизилась. В целом по республике доля детей и подростков в численности населения за 1970–1979 гг. снизилась на 5 %, при этом у некоторых национальностей это снижение было значительно больше, чем в среднем по республике, у других – меньше. Так, у коми она снизилась на 11,0 %, немцев – на 9,7, белорусов – на 7,4, а вот у украинцев и татар – на 4,4, русских – на 3,5, чувашей – на 3,1% [3, л. 126]. Помимо общего снижения уровня рождаемости, характерного для всех национальностей, определенное влияние на величину (рост или снижение) доли детей в общей численности этноса оказывали межнациональные браки: детям, рожденным в межнациональных браках, записывалась национальность одного из родителей, вследствие чего национальность, к которой принадлежит другой родитель, численно не восполнялась.

Одновременно с уменьшением удельного веса детей в 1970–1979 гг. произошло увеличение удельного веса населения трудоспособного возраста (16–59 лет): среди коми – на 9,7%, белорусов – на 6,7, немцев – на 6,4, татар – на 4,5, украинцев – на 4,2, русских – на 3,1, чувашей – на 2,8 %. В 1979 г. на каждую 1000 чел. населения приходилось 654 чел. в трудоспособном возрасте. При этом у различных национальностей этот показатель колебался от 771 у белорусов до 606 у коми [3, л. 126].

Значительные отличия наблюдались у различных национальностей в возрастных группах старше трудоспособного возраста. Наибольшее число лиц старше трудоспособного возраста отмечено у русских – 180 на 1000 русских, коми – 118, немцев – 115, в то время как у чувашей оно составляло 17, татар – 20, украинцев – 34, белорусов – 40 чел. на 1000 лиц соответствующей национальности [3, л. 126].

Состояние в браке. По данным переписи 1979 г., общий коэффициент брачности* в Коми АССР составлял у мужчин – 644 %, у женщин – 623 %. Более низкий коэффициент брачности среди женщин по сравнению с мужчинами объясняется, главным образом, значительным преобладанием женщин в старшей возрастной группе и большим числом вдов и разведенных. Сравнительно высокий коэффициент состоявших в браке мужчин отмечался в 1979 г. среди немцев – 752 %, украинцев – 711, белорусов – 708, немного ниже он у чувашей – 683, русских – 645, татар – 648, а вот у коми – всего 618 %. Среди женщин наибольший коэффициент брачности был среди татарок – 738 %, чувашек – 720, украинок – 718, белорусок – 709, а самый низкий, так же как и у мужчин, среди коми женщин – 519 % [3, л. 127].

За 1970–1979 гг. доля мужчин и женщин отдельных национальностей, состоящих в браке, изменилась. В частности, доля состоящих в браке мужчин сократилась у белорусов на 6,2 %, коми – на 6,8, татар – на 0,8, но увеличилась у украинцев на 14,3, чувашей – на 5,1, немцев – на 1,5, русских – на 0,5 %. Доля состоящих в браке женщин сократилась у белорусок на 4,4 %, татарок – на 1,7, русских – на 0,8, немок – на 0,2 и увеличилась у украинок – на 17,7 %, чувашек – на 1,8, коми – на 0,1 % [3, л. 127].

Этническая смешанность населения явилась одной из основных причин роста числа межнациональных браков. Республика относилась к регионам, где доля этнически смешанных браков была выше, чем в среднем по стране, причем не только в городской, но и в сельской местности. В 1970 г. их доля в общей численности заключенных браков составляла 43,5 %, в 1979 г. возросла до 45,8 % [4, с. 270; 7, с. 3]. Наибольшее распространение в Коми получили русско-украинские и коми-русские браки, рост числа которых был обусловлен отсутствием социальных и конфессиональных различий, сходством семейных и бытовых традиций. Следует отметить, что при постоянном увеличении доли этнически смешанных браков, динамика межнациональной брачности у разных национальностей была неодинакова. К примеру, у коми число национально-смешанных браков росло, гомогенных снижалось, в то время как у русских наблюдалось увеличение числа гомогенных браков.

Рост межнациональных браков естественным образом вел к увеличению числа этнически смешанных семей (табл. 2). Число семей, где члены семьи принадлежали к разным национальностям, за 1970–1979 гг. выросло на 31,2%, и в 1979 г. они составляли уже 33,3% от общего числа семей в республике. Этнически смешанные семьи являлись одним из основных каналов естественной и языковой ассимиляции. Исследования показали, что дети в коми-русских семьях были ориентированы на русский язык и выбор русской национальности [7, с. 9-10]. Высокие показатели межнациональной брачности и этнически смешанных семей у коми оказывали отрицательное влияние на численный рост и стабильность этноса. С известной долей уверенности эти выводы можно экстраполировать и на другие межнациональные семьи.

* Число лиц, состоящих или когда-либо состоявших в официальном браке в расчете на 1000 чел. населения в возрасте 16 лет и старше.

Таблица 2
Распределение семей Кomi АССР по национальности членов семей, тыс. [5, с. 16]

Годы	Все семьи	Семьи, где все члены принадлежат к одной национальности	% ко всему числу семей	В том числе, где все члены семьи				Семьи, где ее члены принадлежат к разным нац-ям	% ко всему числу семей
				Коми	% к одинонациональным семьям	Русские	% к одинонациональным семьям		
1970	228,8	157,7	68,9	50,1	31,8	88,4	56,1	71,1	31,1
1979	279,3	186,0	66,7	50,6	27,2	115,2	61,9	93,3	33,3

Уровень образования. Перепись населения 1979 г. зафиксировала рост образования населения всех национальностей, причем более высокими темпами повышался уровень образования тех национальностей, у которых он прежде был значительно ниже. Так, за 1970–1979 гг. удельный вес лиц в возрасте 10 лет и старше, имеющих высшее, среднее специальное и общее среднее образование в расчете на 1000 населения вырос у татар в 2,3 раза, немцев – 2,1, коми и украинцев – 1,9, белорусов – 1,8 раза, русских – в 1,7 раза при приросте этого показателя по всему населению Кomi АССР в 1,8 раза [3, л. 127-128].

В 1970-е гг. происходил дальнейший процесс сближения образовательного уровня городского и сельского населения в результате опережающих темпов роста уровня образования сельских жителей. При увеличении удельного веса лиц, имеющих высшее, среднее специальное и общее среднее образование, среди городского населения в 1,7 раза, у сельского населения он вырос в 1,8 раза. Если в 1970 г. доля лиц с высшим и средним образованием у коми, проживающих в городских поселениях, была в 2,3 раза выше, чем у селян, то в 1979 г. это превышение составило 2 раза, у русских – соответственно 1,5 и 1,4, немцев – 1,6 и 1,5 раза [3, л. 128].

Источники средств существования. В распределении населения отдельных национальностей по источникам средств существования имевшиеся различия определялись особенностями их возрастной структуры. У национальностей с высоким удельным весом населения трудоспособного возраста наблюдался более высокий уровень занятости и меньший удельный вес иждивенцев и, наоборот, с уменьшением удельного веса населения трудоспособного возраста занятость населения сокращалась, увеличиваясь удельный вес иждивенцев.

За период между переписями 1970 и 1979 гг. удельный вес занятого населения среди всех национальностей повышался, что связано с увеличением численности населения трудоспособного возраста, а также численности населения, вовлеченного в общественное производство. Наиболее высокий уровень занятости наблюдается в 1979 г. у украинцев (69,6 %), русских (58,8 %), коми (52,4 %) [3, л. 128].

Одновременно с ростом удельного веса занятого населения сокращалась доля иждивенцев, однако у отдельных национальностей эта категория населения была значительна. Если во всем населении Кomi АССР доля иждивенцев составляла в 1979 г. 29,0 %, то среди русских она равнялась 32,4. Наиболее низкий показатель иждивенцев наблюдался у украинцев (23,1%) и коми (26,5%) [3, л. 128].

За 1970–1979 гг. произошло увеличение удельного веса пенсионеров и других лиц, находящихся на обеспечении государства, а также стипендиатов. Наибольший удельный вес пенсионеров и других лиц, находящихся на обеспечении государства, отмечен у коми (19,0 %). Значительно ниже он у украинцев (5,7 %), русских (7,0 %). Удельный вес стипендиатов среди отдельных национальностей также неодинаков: у коми – 2,0 %, русских – 1,7, украинцев – 1,5 [3, л. 129].

Источники и литература

1. Айабина Е.А. Тенденции развития коми-русского билингвизма в современных условиях // Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Кomi АССР. Сыктывкар, 1989. С. 111-116. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Кomi НЦ УрО АН СССР; Вып. 44).
2. Государственное учреждение Республики Кomi «Национальный архив Республики Кomi». Ф. р. – 140. Оп. 2. Д. 10082.
3. Там же. Оп. 4. Д. 2949.
4. Козлов В. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М., 1985.
5. Кomi земля в цифрах. Сыктывкар, 1991.
6. Региональная демография. Сыктывкар, 2003. Вып. 1.
7. Рогачев М.Б. Межнациональные браки как фактор этнических процессов у коми (на примере языковой жизни молодых коми-русских семей). Сыктывкар, 1985. (Сер. препринтов «Науч. докл.» / Кomi фил. АН СССР; Вып. 116).

А.Г. Оруджиева*

Динамика изменений образовательного состава коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа

Развитие образовательного потенциала ЯНАО с момента его основания шло неравномерно. До начала промышленного освоения наблюдался большой разрыв в уровне образования населения Ямала по сравнению со среднестатистическим жителем России. Следует отметить, что обобщающие относительные показатели уровня образования до переписи 1989 г. рассчитывались к населению в возрасте от 10 лет и старше (а по переписи 1939 г. – на 1000 всего населения). При обработке результатов двух последних переписей (1989 и 2002 гг.) расчеты производились по отношению к населению, достигшему 15 лет и старше. Для того, чтобы исследования были корректны и сопоставимы, показатели предыдущих переписей были нами пересчитаны исходя из численности населения достигшего возраста 15 лет. Такая работа была возможна по отношению ко всему населению. У отдельных национальностей подобный перерасчет затруднен, поскольку для этого необходимы данные распределения населения одновременно по национальности, возрасту и уровню образования.

В 1939 г. лиц с высшим образование на 1000 чел. в возрасте 15 лет и старше в округе было в полтора раза меньше, чем в Российской Федерации. К переписи 1959 г. этот разрыв увеличился до 1,6 раза [1, с. 70-71, 114]. Две пятых взрослого населения не имели начального образования. Часть из них обладала некоторыми навыками письма и чтения и считала себя грамотной. Неграмотной оставалась почти пятая часть населения в возрасте от 9 лет и старше, что в 2,3 раза превышало аналогичный показатель по России. А среди старшего поколения ямальцев (50 лет и более) неграмотными были 61,4 %, тогда как в России – менее трети [2, с. 115].

Что же касается коренных малочисленных народов (ненцев и хантов), то подавляющее большинство из них вели кочевой образ жизни, занимаясь оленеводством, охотой, рыболовством и по прошествии почти сорока лет с момента образования округа существенных позитивных изменений в уровне образования не произошло. Только 8,1 % ненцев имели образование и в основном – лишь начальное. Остальные его вообще не имели, но среди них 29,4 % обладали навыками письма и чтения и считали себя грамотными. В городских поселениях, а это были окружной центр Салехард, имевший статус города, и поселок городского типа Лабытнанги, уровень образования был выше, чем у сельских жителей. Но проживало в них всего 417 ненцев, что составляло лишь 3 % от общего числа населяющих округ [3, с. 145-147].

Более подробно различия в уровне образования народов Ямала представлены в табл. 1.

Уровень образования коренных народов ЯНАО по данным переписи населения 1959 г., на 1000 населения в возрасте 10 лет и старше*

Таблица 1

Население	Имеют образование				Не имеют образования	
	Высшее, незаконч. высшее, спр. спец.	Среднее общее	Семилетнее	Начальное	Грамотные	Неграмотные
Городское и сельское население ненцы	3	1	16	61	294	348
Ханты	8	1	30	123	277	278
Городское население ненцы	24	14	305	266	225	65
Ханты	42	11	340	237	183	65
Сельское население ненцы	2	–	7	55	296	356
Ханты	6	0,4	14	118	232	288

* Национальности и народности Крайнего Севера РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. М.: ЦСУ РСФСР. С. 145, 147.

Из приведенных данных видно, что уровень образования у хантов, проживающих на территории Ямала, несколько выше, чем у ненцев, но и у них более половины также не имели образования, в том числе 27,8 оставались неграмотными, а среди имеющих образование преобладало начальное.

* **Оруджиева Адель Григорьевна** (Екатеринбург) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. E-mail: istor@uran.ru

По данным той же переписи (1959 г.), в общественном производстве было занято всего 35,5 % ненцев и 38,6 % хантов. Занятость женского населения была вдвое ниже, чем у мужчин. Три четверти занятых не имели начального образования, а треть оставалась неграмотной. 85,9 % занятого населения было объединено в колхозы и занималось оленеводством, охотой, рыбной ловлей и народными промыслами. Вели чаще всего кочевой образ жизни.

Если сравнить грамотность и уровень образования одного из наиболее многочисленных народов Ямalo-Ненецкого округа – ненцев – с Ненецким и Таймырским, где также проживают ненцы, то последние в 1959 г. выглядели несколько лучше, особенно Ненецкий округ (табл. 2).

Таблица 2

Уровень образования ненцев на 1000 человек населения в возрасте 10 лет и старше по данным переписи 1959 г.*

Национальные округа	Высшее, неполн. высш. и ср.спец.	Среднее общее	Семилетнее	Начальное	Грамотное	Неграмотное
Ямalo-Ненецкий	3	1	16	61	294	348
Ненецкий	24	3	84	205	210	185
Таймырский	3	1	18	147	291	272

* Национальности и народности Крайнего Севера РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. М.: ЦСУ РСФСР, 1962. С. 137.

У хантов, проживающих на территории Ямала, уровень образования был значительно ниже, чем у того же народа в Ханты-Мансийском округе. Так, если на 1000 хантов в Ханты-Мансийском округе приходилось 29 чел. с высшим, неполным высшим и средним специальным образованием, то в Ямalo-Ненецком всего лишь восемь. Вдвое меньше среди хантов Ямала была доля лиц со средним общим и начальным образованием, и более высокой по сравнению с соседним округом удельный вес не имеющих образования и неграмотных.

Уровень образования русских, проживавших в округе на момент переписи 1959 г., значительно выше. Многие из них являлись уже старожилами, поскольку поселились на территории округа еще до Великой Отечественной войны. Их значительная часть проживала в городской местности. Уже в 1959 г. 10,6 % русских имели высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование. Неграмотными были 25 чел. из 1000, а 14,5 % из числа не имеющих образования считали себя грамотными, и только 2,5 % русских не умели писать и читать.

За двадцать лет, прошедших с момента переписи 1959 г., произошли заметные сдвиги в уровне образования коренного населения. Среди поколения, родившегося в 1950–1960-е гг., неграмотных уже практически не было. Но поскольку коренные народности Севера проживали в сельской местности (да и сейчас – это преобладающая среда обитания), где сфера трудовой деятельности требует не столько высокого образовательного уровня, сколько определенных профессиональных навыков, удельный вес лиц с высшим и средним специальным образованием продолжал оставаться низким (табл. 3). Те же из них, кто изменил привычный образ жизни и переселился в городскую местность имели более высокое образование, позволившее им сменить профессию и адаптироваться к городским условиям.

Общим для народностей Севера механизмом формирования национальной интеллигенции была целенаправленная подготовка кадров для осуществления задач преодоления неграмотности, обеспечения функционирования общественно-политических структур Советской власти, культурных заведений и др. Иначе говоря, подготовка интеллигенции была исходно ориентирована на деятельность вне сферы материального производства. Практически без участия национальной интеллигенции проводилось промышленное освоение районов проживания народностей Севера. Оно осуществлялось за счет привлеченной из других районов страны рабочей силы, оставляя, таким образом, народы Севера в стороне от магистральной линии общественного прогресса.

Высокой продолжала оставаться разница в уровне образования занятого населения среди коренных народов и пришлого населения. Среди ненцев, занятых в народном хозяйстве округа, на долю лиц с высшим образованием приходилось всего 2,0 %, что в 10-11 раз меньше, чем у русских и украинцев; среднее специальное образование имело 9,3 %. Более высокий удельный вес специалистов отмечен у хантов – 17,3 % и селькупов – 15,7 % [4, с. 222].

Тем не менее промышленное освоение Ямала способствовало вовлечению коренных народов Ямала в процесс экономического и социального развития территории. По данным единовременного обследования народностей Севера, проведенного Госкомстат РСФСР по состоянию на 15 января 1987 г., только в 1986 г. отряд национальных квалифицированных кадров пополнился на 16 %, из них на долю ненцев приходилось 18, хантов – 14, селькупов – 17 %. Три четверти специалистов коренных народов Ямала с высшим образо-

ванием было занято в отраслях нематериального производства, в том числе 39,6 %, т.е. более трети – в образовании. У ненцев в данной отрасли было занято 32,2 % специалистов с высшим образованием, хантов – почти половина, селькупов – более двух третей. Представители коренных малочисленных народов активно участвовали в государственном и хозяйственном управлении – 16,2 % от общего числа лиц с высшим образованием, 15,5 % – в здравоохранении.

Таблица 3

Распределение населения Ямало-Ненецкого автономного округа по национальности и образованию по данным переписи 1979 г.*

Национальность	На 1000 чел. в возрасте 10 лет и старше приходится лиц с образованием											
	Всего				Город				Село			
	Высшее	Н/в, спр.-спец. и общее	Неполное среднее	Начальное и не имеют нач.	Высшее	Н/в, спр.-спец. и общее	Неполное среднее	Начальное	Высшее	Н/в, спр.-спец. и общее	Неполное среднее	Начальное и не имеют нач.
Всего	73	428	250	249	86	459	272	93	60	397	226	317
Ненцы	4	92	193	711	32	295	318	355	2	73	181	744
Ханты	8	130	215	647	30	316	487	167	5	105	179	711
Селькупы	3	92	220	685	13	307	577	103	2	77	195	726
Русские	90	488	260	162	93	464	268	174	87	522	248	143
Украинцы	98	593	211	98	104	558	224	114	91	632	197	80
Татары	45	396	313	246	38	349	327	286	60	491	284	161
Коми	21	260	264	455	28	294	282	396	17	239	251	493

* Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи 1979 г.). М.: ЦСУ РСФСР, 1982. С. 222.

В то же время в отраслях материального производства было занято всего 22,9 % специалистов с высшим образованием, в том числе 10,7 % – в сельском хозяйстве. Наиболее активно участвовали в отраслях материального производства ненцы.

Подавляющее большинство специалистов из числа коренных народов имело среднее специальное, или как по существующим стандартам – среднее профессиональное образование (83,8 %). Среди них доля занятых в отраслях материального производства и особенно в сельском хозяйстве была выше, чем у специалистов с высшим образованием (43,3 % против 22,9 % с высшим). Но приоритетными направлениями занятости среднего звена среди коренных народов также являлись здравоохранение, образование и культура.

Материалы переписи 2002 г. показали, что в образовательном потенциале коренных малочисленных народов Севера в период интенсивного освоения территории произошли существенные позитивные сдвиги. Среди населения в возрасте старше 15 лет неграмотными оставалось всего 8,3 % ненцев, 5,2 % хантов, 2,8 – коми и 2,2 % селькупов, тогда как в 1959 г. подавляющее большинство коренных народов вообще не имело никакого образования.

Разрыв в уровне образования всего населения, в том числе и занятого между коренными народами Севера и представителями других народов Российской Федерации продолжает существовать. Это связано с особенностями и традициями занятости, средой обитания. Приведенные данные табл. 4 наглядное тому подтверждение.

Таблица 4

Распределение населения ЯНАО в возрасте 15 лет и старше по национальности и образованию по данным переписи 2002 г., на 1000 населения *

Национальность	Высшее	Неполное высшее	Сред. профес-сион.	Среднее полное	Среднее основ-ное	Начальное	Не имеют начальное	Из них не-грамотные
Ненцы	25	7	113	299	338	207	83	78
Русские	192	40	366	283	100	15	1	–
Украинцы	178	35	409	308	60	8	1	–
Татары	151	31	385	303	105	20	3	2
Белорусы	169	33	408	319	59	11	1	–
Ханты	81	14	196	268	292	133	52	44
Коми	71	17	300	297	181	98	28	19
Селькупы	39	6	126	299	337	166	22	15

* Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Т. 4, кн. 2. С. 1496-1497.

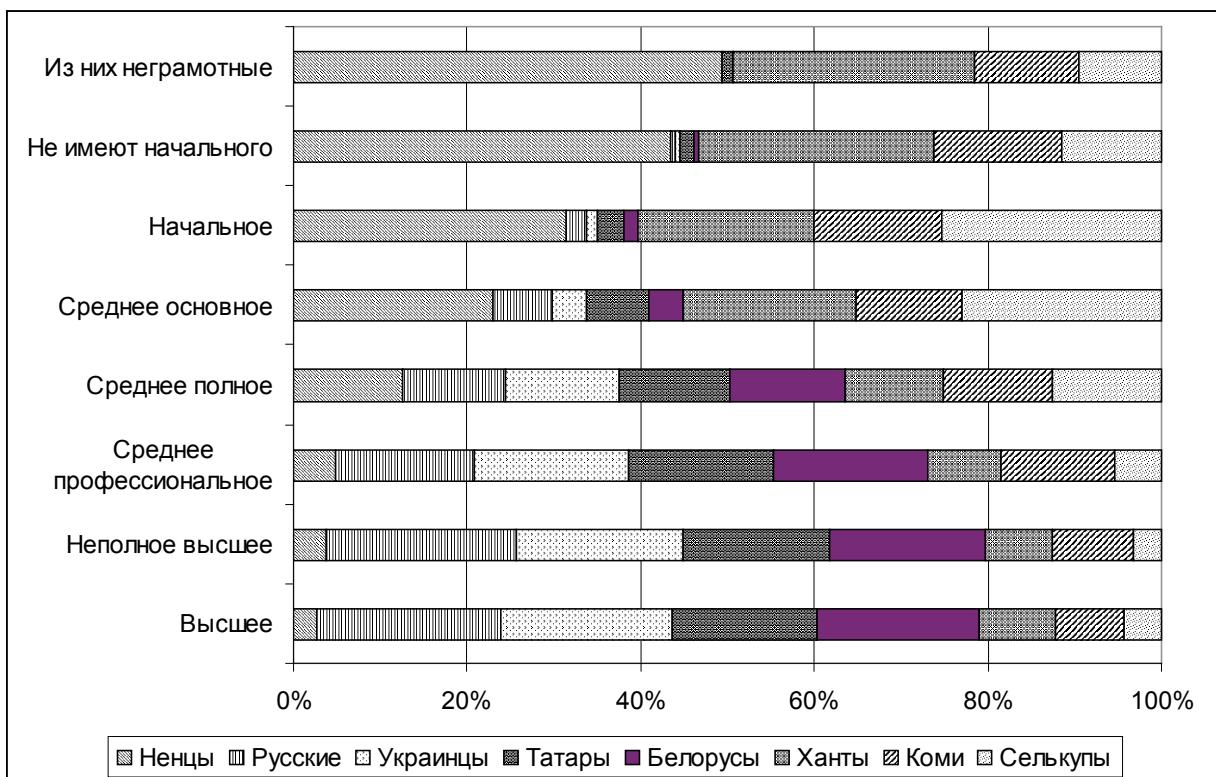

Рис. 1. Уровень образования представителей отдельных национальностей Ямало-Ненецкого автономного округа по данным переписи 2002 г.

Проводимая в СССР экономическая и культурная политика в отношении малочисленных народов Севера, направленная на ускоренное вовлечение их в процесс развития современных отраслей материального производства, приобщение к европейскому образу жизни чуть не привели к утрате традиций, поддерживающих основы жизнедеятельности и социально-психологический климат северных сообществ. Надо предоставить народам право выбора, и сетования некоторых ученых по поводу низкого уровня образования коренных малочисленных народов, мешающих якобы их гармоничному развитию [5, с. 36-37], на наш взгляд, беспочвенны.

Активное вмешательство государства в процесс приобщения коренных народов Севера к образу жизни прошлого населения чуть не привело к исчезновению некоторых народов. Несмотря на все это коренные народы Ямало-Ненецкого автономного округа в период интенсивного освоения территории не только не сохранили свою численность, но и увеличили ее.

В заключение хочется сказать, что коренные народы являются поборниками и представителями культурного многообразия. Однако исторически они подвергались маргинализации доминирующими обществами и часто оказывались перед лицом ассимиляции и культурного геноцида. В поликультурном обществе, вырастающем вокруг них, коренные народы стремятся к прекращению такой маргинализации и жизни на обочине. Коренные народы обладают динамичными, живыми культурами и ищут свое место в мире. Они не против развития, но они слишком долго были жертвами развития, а теперь хотят быть участниками и пользоваться плодами такого развития, которое было бы устойчиво.

Источники

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: ЦСУ СССР, 1963.
2. Численность и состав городского и сельского населения РСФСР по возрасту, состоянию в браке, национальностям, образованию и обучению по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. М.: ЦСУ РСФСР, 1960.
3. Национальности и народности Крайнего Севера РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. М.: ЦСУ РСФСР. С. 145, 147.
4. Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи 1979 г.). М.: ЦСУ РСФСР, 1982. С. 222.
5. Еремин С.Н., Ларченко С.Г. Роль межкультурных взаимодействий в развитии народностей Севера // Народы Сибири на современном этапе. Национальные и региональные особенности развития. Новосибирск: Наука, 1989. С. 36-37.

Е.П. Сигарева*

Региональные вариации демографического развития России в советский и постсоветский периоды

Беспрецедентные территориальные масштабы России, ее географическое, этнокультурное и религиозное разнообразие наряду с социально-экономическими и духовными особенностями всегда являлись факторами значительных различий в демографическом развитии регионов. Региональная специфика формирования народонаселения являлась неотъемлемой чертой России на протяжении всего исторического периода. Однако именно XX век сыграл наиболее сложную роль в демографическом развитии России как на государственном, так и на региональном уровнях.

Первая советская перепись населения 1926 г. зафиксировала, что при общей численности населения России в 92,7 млн. чел. значительная часть регионов, особенно центра страны, были территориями с более чем миллионным населением. С 1926 г. происходило укрупнение численности населения отдельных субъектов, что привело к возникновению с 1939 г. новой группы субъектов, в которых население насчитывалось в пределах более 3 млн. чел. Укрупнение численности населения на меньшей территории субъектов особенно выразительно стало наблюдаться с 1960-х гг. и к концу советской эпохи достигло максимальных параметров. Так, в самых крупных субъектах России, насчитывающих более 3 млн. чел., в 1939 г. проживали лишь 17 % жителей страны, в 1959 г. – 27, в 1970 г. – 35, в 1979 г. – 38, в 1989 г. – уже 44 % населения России.

В то же время постепенно расширяется территория, где происходит сокращение численности населения. В 1939 г. таких регионов России насчитывается 19. Причем, в некоторых утраты численности населения достигает 15-20 %. Это, например, Пензенская, Орловская и Курганская области. К 1959 г. снизилась численность населения относительно довоенного периода уже в 28 субъектах. К 1970 г. группа регионов, сокращающих численность населения, снизилась до 14. И утрата населения в них была незначительной: от 1 до 10 %. В дальнейшем число регионов, сокращающих свое население, колебалось от переписи к переписи, также как и доля этой утраты. В 1979 г. сократилось население в 17 субъектах России. Последняя советская перепись зафиксировала наименьшее число регионов, в которых снизилась численность населения – всего 7, причем, сокращение в них было также минимальным за весь советский период (до 8 %). И этот факт дает повод считать, что к началу реформ региональная динамика численности населения в России являлась достаточно благополучной. Однако, если сравнить численность населения в первую и последнюю советскую перепись населения в разрезе регионов, то окажется, что более 20 субъектов России, главным образом, центра страны, стремительно утрачивали свое население на протяжении всех этих лет. Потери составили до 50 % от численности населения в них в 1926 г. Напротив, за советский период численность населения ряда субъектов возросла беспрецедентным образом. Например, население Сахалинской области с 1926 по 1989 г. увеличилось почти в 60 раз, Магаданской области – более чем в 55 раз (табл. 1).

Таблица 1

*Субъекты России с максимальным снижением и максимальным ростом
численности населения за 1926–1989 гг.*

Субъекты, утратившие население	Доля снижения	Субъекты, приобретшие население	Доля роста
Пензенская область	0,75	Сахалинская область	59,17
Костромская область	0,75	Магаданская область	55,14
Курская область	0,73	Мурманская область	35,84
Новгородская область	0,69	Ханты-Мансийский автономный округ	32,51
Рязанская область	0,65	Ямало-Ненецкий автономный округ	25,58
Тамбовская область	0,65	Камчатская область	24,53
Тверская область	0,63	Чукотский автономный округ	12,08
Орловская область	0,58	Хабаровский край	10,95
Смоленская область	0,53	Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ	7,86
Псковская область	0,50	Еврейская автономная область	6,00

То есть в регионах России произошла резкая дифференциация численности населения и, как следствие, дифференциация демографического потенциала.

* Сигарева Евгения Петровна (Москва) – кандидат экономических наук, зав. сектором Института социально-политических исследований РАН.

Роль исторической миссии населения центральных районов России в перераспределении демографического потенциала, которая осуществлялась и в советский период, отметил еще генерал-адъютант, член Государственного совета А.Н. Куропаткин в своем фундаментальном труде «Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны»: «...жертвы, принесенные коренной Россией по расширению ее пределов, и жертвы, приносимые еще и ныне коренными местностями для устройства и обороны окраин, так велики, что не могли не отразиться на слишком медленном экономическом росте собственно русского населения».*

Перераспределение населения по территории России в советский период не могло не сказаться как на региональных возможностях демографического развития, так и на общих параметрах воспроизведения населения. Динамика коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста имела различные тренды и параметры на протяжении советского периода (рис. 1).

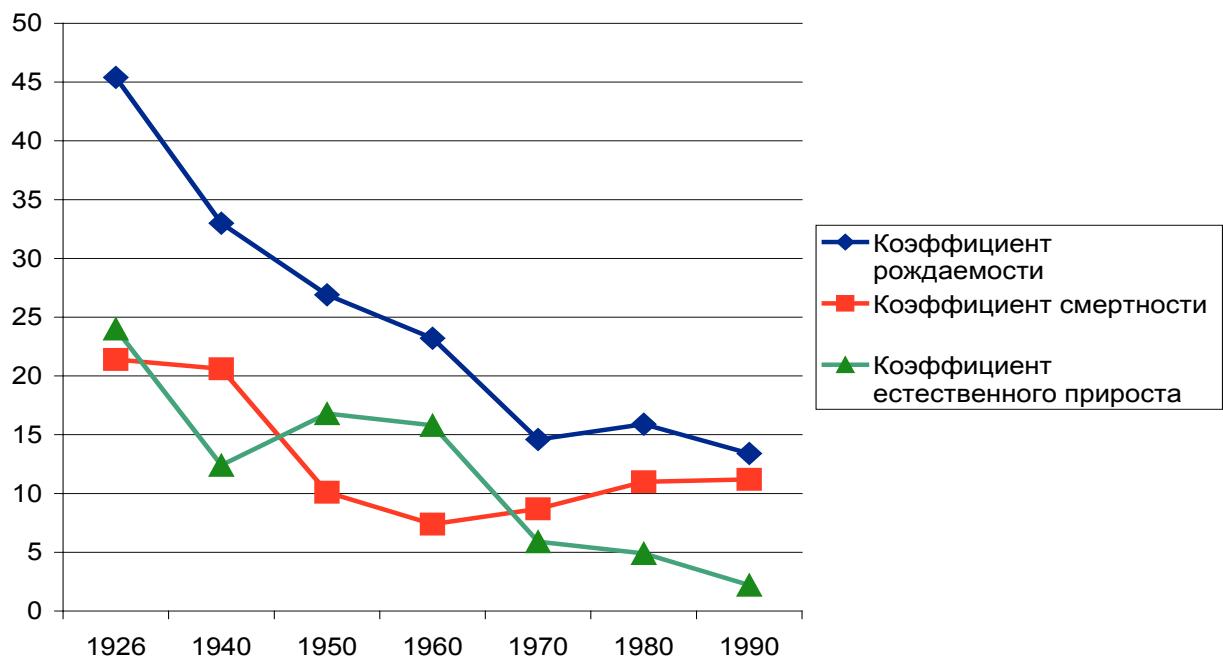

Рис. 1. Динамика уровня рождаемости, смертности и естественного прироста в России в советский период.

Отметим, рождаемость в России в период с 1926 по 1970 г. снижалась, что соответствовало общемировой тенденции. Однако в отличие от других развитых стран западной Европы падение уровня рождаемости в России происходило очень быстро. То есть, изменения в уровне рождаемости в странах западной Европы и США происходили в пределах нескольких промильных пунктов, в России же уровень рождаемости изменялся в разы, что свидетельствует о стремительности динамики тренда рождаемости.

Что касается динамики уровня смертности, то можно сказать, что до 1960 г. Россия являлась последователем мирового тренда, характеризующегося сокращением смертности. Причем, вновь отметим, что снижение смертности в России было более быстрым, чем в других странах. Так, с 1926 по 1960 г. показатель общего коэффициента смертности в России упал почти в 3 раза, тогда как в США это снижение составило примерно 1,3 раза. В 1960 г. общий коэффициент смертности российского населения достиг своего исторического минимума и составил 7,4 %. После 1960 г. уровень смертности в России стал увеличиваться «в разрез» тенденции в других странах. К концу «советского» периода смертность в России относительно наилучшего показателя 1960 г. выросла в 1,5 раза.

В результате взаимодействия особенностей динамики уровня рождаемости и уровня смертности формировалась российская специфика динамики естественного прироста. Так, в 1926 г. показатель естественного прироста в России оставлял 24,0 % и являлся абсолютно рекордным. Такой естественный прирост формировался в условиях, когда максимальный уровень рождаемости (1913 г.) уже начал снижаться, но пока оставался очень высоким, а смертность уже существенно снизилась (относительно 1913 г.). К 1940 г. за счет резкого сокращения уровня рождаемости (в 1,4 раза) и несущественного снижения уровня смертности естественный прирост снизился почти в 2 раза. Послевоенный период для динамики естественного прироста российского

* Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны / Под ред. Волковского. СПб.: ООО «Изд-во «Полигон», 2003. С. 74.

населения оказался наиболее благополучным, что связано с тем, что абсолютные величины самого естественного прироста были выше, чем абсолютные величины смертности: в 1950 г. в 1,6 раза, а в 1969 г. в 2 раза. То есть естественный прирост населения в России в этот период в разы «перекрывал» убыль населения. В последующем показатель естественного прироста был всегда меньше, чем показатель смертности. Очень значительно коэффициент естественного прироста снизился за 1960-е гг. (в 2,7 раза), а также между 1980 и 1990 гг. (в 2,2 раза). За «советский» период естественный прирост населения в России сократился почти в 11 раз.

Общероссийские тенденции при исследовании региональных различий демографических процессов важны с точки зрения формирования закономерности, которая заключается в том, что вариативность уровней рождаемости и смертности по-разному отражает динамику в периоды общего ухудшения или улучшения демографической ситуации (табл. 3).

Таблица 3
Показатели региональных различий воспроизводственных процессов с 1940 по 1990 г., %

Диапазон	Показатели						Превышение					
	Годы											
	1940	1950	1960	1970	1980	1990	1940	1950	1960	1970	1980	1990
Диапазон уровня рождаемости	от 54,6 до 10,9	от 57,8 до 14,9	от 40,1 до 13,3	от 28,7 до 11,0	от 29,0 до 12,2	от 26,2 до 10,2	5,0	3,9	3,0	2,6	2,4	2,6
Диапазон уровня смертности	от 37,1 до 8,3	от 20,7 до 5,9	от 9,8 до 4,5	от 13,1 до 4,9	от 15,8 до 4,7	от 15,1 до 3,3	4,5	3,5	2,2	2,7	3,4	4,6
Диапазон уровня естественного прироста	от 34,9 до 2,6	от 41,2 до 7,4	от 33,6 до (-)	от 22,1 до 8,4	от 19,9 до (-)	от 20,0 до (-)	13,4	5,6	4,0	(-) 13,8	(-) 7,6	(-) 4,5

Так, например, в 1940 г. уровень рождаемости в регионах различался пятикратно. В это время на каждую тысячу человек населения в Приморском крае рождалось более 54 чел., а в Магаданской области – 10 чел. Общероссийский уровень рождаемости был выше, так как имелась возможность в этот период компенсировать низкий уровень рождаемости в одних регионах высоким уровнем рождаемости в других регионах. Также в этот период наблюдались более существенные различия в репродуктивном поведении населения разных частей России. Постепенно превышение максимальных показателей над минимальными показателями уровня рождаемости снижается и до конца советского периода остается почти неизменным. К 1990 г. репродуктивное поведение населения в регионах постепенно сближается, утверждается малодетность тотально, в результате чего уровень рождаемости по регионам различается лишь в 2,6 раза.

Напротив, уровень смертности при общей тенденции ее сокращения в регионах начинает различаться все меньше. Так, в 1940 г. региональная вариация уровня смертности составляла 4,5 раза. В дальнейшем региональные различия диапазона коэффициента смертности сокращались: 3,5 раза в 1950 г. и 2,2 раза в 1960 г. В период резкого общего сокращения уровня смертности происходит сближение регионов в отношении позитивной динамики показателей смертности. При ухудшении тренда, т.е. в условиях роста общероссийского уровня смертности наблюдается усиление региональных различий в области смертности. Начиная с 1970 г. превышение максимальных над минимальными уровнями смертности в регионах увеличивалось и к 1990 г. вновь достигло значений этого показателя, отмеченного в 1940 г.

Кроме того, можно заметить, что начиная с 1970 г. показатели вариации уровня смертности начинают превышать показатели вариации уровня рождаемости: в 1970 г. – 2,7 против 2,6; в 1980 г. – 3,4 против 2,4; в 1990 г. – 4,6 против 2,6. Региональное разнообразие уровней смертности начинает превышать региональное разнообразие уровней рождаемости. И эта особенность совпадает с тем, что именно в 1970 г. отмечено наибольшее региональное различие в уровне естественного прироста – 13,8. Более того, именно в 1970 г. начинает зарождаться депопуляционная направленность в отдельных регионах. Если в 1970 г. естественная убыль населения наблюдалась только в двух субъектах – Тверской и в Псковской областях, то в 1980 г. – уже в шести субъектах, а в 1990 г. – уже в 22 регионах России.

Таким образом, региональные различия воспроизводственных процессов в советский период характеризуются некоторыми моментами, которые заключаются в следующем. Диапазон региональных вариаций показателей рождаемости постепенно сокращался и, достигнув определенной предельной в этот исторический период величины, составляющей 2,4 раза, остался почти неизменным. При этом исторический минимум ре-

гионального уровня рождаемости составил 10,2 %. Диапазон вариаций уровня смертности в регионах сокращался в условиях общего снижения смертности и увеличивался в условиях общего роста смертности. При этом исторический минимум регионального коэффициента смертности составил 3,3 %. Очевидно, эти значения могут стать критериями, определяющими эффективность мероприятий региональной демографической политики. Они являются своеобразными «пределами», реально наблюдаемыми в советское время, выход за которые чреват разрушением демографического потенциала не только отдельных регионов, но и страны в целом.

В постсоветский период, с 1990 по 2008 г., сокращение численности населения затронуло подавляющее большинство субъектов России. Утрата населения в некоторых из них за такой короткий срок была беспримерной. Например, Чукотский автономный округ лишился около 70 % своего населения, Магаданская область – 58 %. В то же время 22 субъекта России к 2008 г. численно увеличились. На эти позитивные изменения численности населения в данных субъектах имела влияние и миграция, также как и на стремительное сокращение численности, например, в субъектах Дальневосточного федерального округа. Что же касается воспроизведенных процессов на современном этапе, то можно заметить, что и в этом случае сначала наблюдалось усиление депопуляционных трендов в течение 1990-х гг., в результате чего 2000 г. стал наиболее негативным на постсоветском этапе в отношении большинства демографических показателей. В то же время принимаемые меры демографической политики в совокупности с иными закономерностями развития демографических процессов в последние годы несколько сгладили развивающиеся тенденции. Отметим, что в постсоветский период разрыв между регионами России в уровне рождаемости и смертности несколько увеличился (табл. 4). Особенно это стало заметно в 2008 г. Но в отличие от советского периода, когда усиление демографической дифференциации регионов происходило главным образом за счет изменения максимальных значений, то в 2008 г. рост региональной вариативности уровня рождаемости и уровня смертности происходит как за счет максимальных и минимальных значений (в случае с рождаемостью), так и за счет минимальных значений (в случае со смертностью). Эта особенность свидетельствует о том, что демографические меры неравнозначно влияют на регионы России, что некоторые из них более лабильны к преодолению депопуляционных тенденций, что, напротив, некоторые из них пока еще не обладают потенциалом демографического роста.

Таблица 4
Показатели региональных различий воспроизводственных процессов в 1990 и 2007 гг., %

Диапазон	Показатели			Превышение		
	1990 г.	2000 г.	2008 г.	1990 г.	2000 г.	2008 г.
Диапазон уровня рождаемости	26,2 до 10,2	19,0 до 6,7	29,3 до 8,8	2,6	2,8	3,3
Диапазон уровня смертности	15,1 до 3,3	22,4 до 4,7	21,7 до 3,1	4,6	4,8	7,0
Диапазон уровня естественного прироста	20,0 до (-)4,4	14,2 до (-)15,0	24,8, до (-)11,7	(-) 4,6	(-) 0,9	(-) 2,1

Повышение общероссийского показателя уровня рождаемости стало зирко с 2000 г. И к данной тенденции присоединялось все больше российских регионов. Если рассмотреть уровень рождаемости в «переломный» период – до и после начала действия демографических мер, окажется, что уже в 2006 г. положительный прирост общего коэффициента рождаемости наблюдался в большинстве регионов России. Только в 16 субъектах РФ относительно 2005 г. он был негативным. Это означает, что меры демографической политики, вступившие в действие в 2007 г., «наложились» на ожидаемую «волну» роста рождаемости. И в реальности очень трудно «отделить» влияние самих демографических мер от тайминговых сдвигов в динамике рождаемости. В то же время заметим, что в 2007 г. во всех регионах России произошел прирост уровня рождаемости. Но в каких-то меньше, в каких-то больше. Меньше всего отреагировали на «материнский капитал» субъекты Центрального округа, больше – субъекты Южного округа (табл. 5). Рост уровня рождаемости продолжился и в 2008 г. Однако глобальный финансово-экономический кризис также отразился на только начинающихся формироваться позитивных тенденциях. Темпы роста общего коэффициента рождаемости снизились почти повсеместно.

В масштабе отдельных субъектов наиболее значительно в 2007 г. относительно 2006 г. повысился уровень рождаемости в Республике Тыва. У нее различие составляет 27 %. Также к субъектам, отозвавшимся на вводимые меры демографической политики, относятся республики Северного Кавказа и другие национально-государственные субъекты. Напротив, прирост уровня рождаемости в 2007 г. относительно 2006 г. был существенно меньше, чем в среднем по России, и составил лишь от 1 до 3 % в группе субъектов, половина из которых расположена в центральной части страны. Это: Вологодская, Орловская, Белгородская, Тульская, Московская, Ярославская, Липецкая, Костромская, Тверская области. В 2008 г. относительно 2007 г. пози-

ции отдельных регионов несколько изменились. Лучшую динамику в сфере рождаемости показали регионы Южного, Сибирского и Уральского федеральных округов. Общий коэффициент рождаемости Центрального округа и в 2008 г. оказался самым низким.

Таблица 5

Общий коэффициент рождаемости и темпы его изменения в 2006–2008 гг. на 1000 населения

Регион	Общий коэффициент рождаемости			Темпы роста общего коэффициента рождаемости	
	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2007/2006 г.	2008/2007 г.
Российская Федерация	10,4	11,3	12,1	108,6	107,0
Центральный	9,0	9,7	10,3	107,7	106,2
Северо-Западный	9,5	10,2	10,7	107,4	104,9
Южный	11,7	12,9	13,9	110,2	107,7
Приволжский	10,1	11,1	11,8	109,9	106,3
Уральский	11,4	12,3	13,2	107,8	107,3
Сибирский	11,6	12,7	13,7	109,4	107,8
Дальневосточный	11,5	12,3	12,6	106,9	102,4

К субъектам, где уровень смертности в 2008 г. оказался существенно выше, чем в среднем по России, также относятся территории Центрального округа. Причем, в значительной их части показатели смертности выросли относительно 2007 г. Это Псковская, Ивановская, Тверская, Смоленская, Курская, Костромская, Тамбовская области. Демографическая депрессивность этих субъектов усугубляется наихудшими возможностями социально-экономического плана и особенно современным характером влияния экономического кризиса. Именно здесь наблюдается отсутствие «точек роста» как в экономическом*, так и в демографическом отношении. Рейтинговый анализ постсоветских региональных различий в уровнях рождаемости, смертности, естественного прироста показал, что существуют особые территории, где депопуляционные тренды особенно масштабны. Это территории, которые являются центральной частью России, традиционно символизирующие ее образ; в начале XX в. являлись достаточно многолюдными и соперничали с Москвой по численности населения; подверглись вооруженной агрессии в период Второй мировой войны и не восстановили или только приблизились к восстановлению довоенной численности населения за послевоенный период; являлись миграционными «донорами» в течение досоветского и советского периодов для других территорий России и СССР; отличаются наибольшей концентрацией государствообразующего этноса России; в меньшей степени, чем другие регионы, «отреагировали» на современную демографическую политику; в большей степени столкнулись с последствиями глобального социально-экономического кризиса.

Таким образом, принятые демографические меры, а также внезапно вмешавшийся кризис, усиливают дифференциацию демографических процессов, не выравнивают демографическое поведение населения. Поэтому кажется необходимым в рамках Национальной программы демографического развития именно в таких регионах дополнительно разработать меры по восстановлению демографического потенциала. Аналогом могут служить особые экономические зоны, главная цель создания которых – решение стратегических задач развития государства в целом или отдельной территории. Были бы исторически справедливы и политически оправданы специальные усилия государства по восстановлению демографического потенциала территорий, которые находятся в «демографической яме», хуже всех социально обслуживаются государством и, соответственно, слабо «поддаются» на общие меры демографической политики.

* См.: В 2009 г. только восьми регионам РФ хватит денег на расходы: URL: <http://lenta.ru/news/2009/07/14/regions/>

A.B. Барсукова*

Социально-демографические характеристики работников ЖКХ Республики Коми

В условиях осуществления радикальных экономических реформ, изменяющих общественное устройство, человеческие ресурсы организаций должны соответствовать современным требованиям, намечать и эффективно решать как текущие, так и перспективные задачи.

Человеку труда принадлежит решающая роль в развитии хозяйственной деятельности, совершенствование ее организации и управления с целью получения наибольшей отдачи от своей творческой работы.

Люди изобретают и производят орудия труда и средства производства, организуют рациональное разделение и кооперацию труда на различных уровнях производственной деятельности, начиная от рабочего места и заканчивая организацией в рамках всего народного хозяйства.

Рабочая сила, как совокупность физических и духовных способностей человека, является главной производительной силой общества и составляет человеческие ресурсы всех предприятий и учреждений, принадлежащих к различным отраслям народного хозяйства.

От обеспеченности предприятия человеческими ресурсами и эффективности их использования зависят объемы и своевременность выполнения всех работ, степень использования оборудования, машин, механизмов и как следствие – объем производства продукции и услуг, ее себестоимость, прибыль и ряд других экономических показателей.

Роль и значение современных человеческих ресурсов для организаций реального сектора экономики рассмотрим на примере Эжвинского муниципального унитарного предприятия «Жилкомхоз». Для получения информации был проведен анкетный опрос работников «Жилкомхоза».

Однако, прежде чем приступить к анализу социально-демографических характеристик работников предприятия, дадим ему краткую характеристику. Эжвинское муниципальное унитарное предприятие «Жилкомхоз» г. Сыктывкара образовано в 1991 г. на базе Эжвинского жилищного треста и участков Горводоканала, Гортеплосети и Спецавтохозяйства г. Сыктывкара. В структуре предприятия: *шесть жилищных участков* общей площадью жилищного фонда 1 072,6 тыс. кв. м, в том числе жилая – 584,4 тыс. кв. м; *участок водоснабжения и канализации*, мощность водопровода 63,0 тыс. куб. м в сутки, канализационных насосных станций – 36,5 тыс. куб. м в сутки; протяженность водопроводных сетей – 61,5 км, канализационных – 58,4 км; *участок тепловых сетей*, протяженность сетей – 58,7 км, количество тепловых узлов – 437 единицы, тепловых павильонов – 4; *участок благоустройства*, протяженность обслуживаемых дорог – 85,1 км, тротуаров – 20,2 км, ливневой канализации – 23 км, два сквера площадью 60,5 тыс. кв. м, две теплицы. На предприятии имеются торгово-производственный цех, собственное подсобное хозяйство для выращивания свиней, две теплицы, в которых выращивается рассада цветов и кустарников для озеленения района и продажи населению. Также имеются две муниципальные бани и спасательная станция. Среднесписочная численность работающих на предприятии в 2008 г. составляла 1 255 чел., в том числе рабочих – 1 083 чел., или 86,3 % от общей численности (табл. 1).

*Таблица 1
Анализ структуры персонала предприятия и его квалифицированности
в ЭМУП «Жилкомхоз» за 2006–2008 гг., %*

Показатели	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Среднесписочная численность, в том числе:	100,0	100,0	100,0
– руководители	6,5	6,6	6,9
– специалисты	6,4	6,6	6,8
– рабочие	87,1	86,8	86,3

Из представленных в табл. 1 данных видно, что состав работников в ЭМУП «Жилкомхоз» значительно не изменился. Численность руководителей в 2006 г. составила 6,5, специалистов – 6,4, рабочих – 87,1 %. В 2007 г. количество руководителей и специалистов увеличилось и составило 6,6 % и 6,6 % соответственно, а количество рабочих сократилось до 86,8 %. Что касается 2008 г., то численность руководителей и специалистов также возросла и составила уже 6,9 % и 6,8 % соответственно, а численность рабочих продолжала снижаться и достигла уровня 86,3 %. Таким образом, количество руководителей в 2008 г. по сравнению с 2006 г. увеличилось на 0,4 %, специалистов – на 0,4 %, численность рабочих уменьшилась на 0,8 %.

* Барсукова Анна Викторовна (Сыктывкар) – инженер лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН.

Анализ работников по полу выявил, что мужчин в организации больше, чем женщин. Это объясняется тем, что на предприятии больше рабочих специальностей, где требуется именно мужские профессии (табл. 2).

*Таблица 2
Анализ работников по полу и возрасту в ЭМУП «Жилкомхоз» за 2006–2008 гг., %*

Показатели	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Пол:			
– мужчины	54,0	54,7	53,6
– женщины	46,0	45,3	46,4
Возраст, лет:			
– 18-29	19,5	20,2	19,1
– 30-39	19,3	19,0	19,8
– 40-49	25,5	26,4	25,0
– 50 и старше	35,7	34,4	36,1

сравнению с 2006 г. составил 0,4 %. Работников от 40 до 49 лет в 2006 г. насчитывалось 25,5 %, в 2007 г. их численность увеличилась до 26,4 %, а в 2008 г. снова сократилась до 25,0 %. Относительный прирост в 2008 г. по сравнению с 2006 г. составил (- 0,5 %). Категория сотрудников от 30 до 39 лет в 2006 г. составила 19,3 %, в 2007 г. – 19,0, а в 2008 г. – уже 19,8 %. В 2008 г. по сравнению с 2006 г. относительный прирост составил (- 0,5 %). Что касается сотрудников от 18 до 29 лет, то в 2006 г. их количество составляло 19,5 %, в 2007 г. – 20,2 %, а в 2008 г. их количество уменьшилось до 19,1 %. Относительный прирост составил (- 0,4 %). Причиной преобладания работников от 50 лет и старше является тот факт, что данный вид отрасли для молодых специалистов не является перспективным, ведь большинство вакансий – это рабочие специальности.

Уровень образования сотрудников ЭМУП «Жилкомхоз» находится на достаточно высоком уровне: руководителей с высшим образованием – 63 %, а имеющих среднее специальное образование – 37 %. Специалистов с высшим образованием – 57, со средним профессиональным и среднеспециальным образованием – 43 %. Что касается рабочих, то здесь примерно одинаковые значения среднего специального и общего среднего образования – 54 % и 43 % соответственно, но есть и с высшим образованием – 3 % рабочих (табл.3).

*Таблица 3
Анализ сотрудников по уровню образования в ЭМУП «Жилкомхоз» за 2009 г., %*

Показатели	Высшее образование	Среднее профессиональное/ среднее специальное образование	Общее среднее образование
– руководители	63	37	–
– специалисты	57	43	–
– рабочие	3	54	43

Анализируя профиль образования сотрудников ЭМУП «Жилкомхоз», можно заметить преимущество сотрудников с экономическим и техническим образованием, практически отсутствуют работники с образованием психолога и социального работника (табл. 4).

*Таблица 4
Анализ сотрудников по профилю образования в ЭМУП «Жилкомхоз» за 2009 г., %*

Показатели	Экономиче- ское	Юриди- ческое	Техни- ческое	Педагоги- ческое	Управлен- ческое	Психология, соц. работа	Другое
– руководители	24	7	53	3	3	–	10
– специалисты	37	17	27	7	3	–	9
– рабочие	–	–	21	13	–	3	20

Из табл. 4 видно, что среди руководителей – большинство с техническим образованием (53 %), на втором месте идут руководители с экономическим образованием (24 %) и только 3 % руководителей имеют управленческое образование. Среди специалистов же наоборот: на первом месте сотрудники с экономическим образованием (37 %), а 27 % – с техническим образованием, на третьем месте специалисты с юридическим образованием. У рабочих тоже преимущественно техническое образование – 21 %, на втором месте рабочие с педагогическим образованием – 13 %. Но все же большинство рабочих закончило только общеобразовательную школу – 43 %.

В ЭМУП «Жилкомхоз» сотрудники приходят из различных отраслей. Анализ показал, что большинство руководителей пришли в ЭМУП «Жилкомхоз» из общественных организаций и аппарата управления – 23 %,

из отрасли строительства – 17 %, торговли и общественного питания – 16 %. Предыдущий вид деятельности 27 % специалистов – это отрасль строительства, на втором месте идет лесная промышленность (20 %), а на третьем месте аппарат управления и общественные организации (13 %). Что касается рабочих, то они пришли преимущественно из лесной промышленности – 27 % и торговли – 23 % (табл. 5).

**Таблица 5
Анализ персонала по предыдущим видам деятельности за 2009 г., %**

Показатели	Строительство	Лесная промышленность	Торговля, обществен. питание	Транспорт	Аппарат управления, обществен. организаций	Другое
– руководители	17	13	16	10	23	21
– специалисты	27	20	10	10	13	20
– рабочие	13	27	23	–	–	37

За анализируемый период в ЭМУП «Жилкомхоз» увеличился оборот по приему работников в 2008 г. по сравнению с 2006 г. на 3,3 %, еще значительней увеличился оборот по выбытию – на 5,7 %. Коэффициент текучести кадров в 2008 г. по сравнению с 2006 г. увеличился на 4,0 %. В итоге относительный прирост коэффициента общего оборота в 2008 г. по сравнению с 2006 г. увеличился на 9 % (табл. 6).

**Таблица 6
Движение рабочей силы в ЭМУП «Жилкомхоз» за 2006–2008 гг., %**

Показатели	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Коэффициент оборота по приему	30,5	29,0	33,8
Коэффициент оборота по выбытию	29,4	34,3	35,1
Коэффициент текучести кадров	17,0	21,8	21,0
Коэффициент общего оборота	59,9	63,3	68,9

Из представленных в табл. 6 данных видно, что в 2006 г. коэффициент оборота по приему составил 30,5 %, в 2007 г. этот показатель снизился до 29,0 %, но в 2008 г. он резко возрос и составил уже 33,8 %. Коэффициент оборота по выбытию в 2006 г. был равен 29,4 %, в 2007 г. он достиг уровня 34,3 %, так же он продолжал расти и в 2008 г. – 35,1 %. Коэффициент текучести кадров в организации находится на достаточно высоком уровне. В 2006 г. этот коэффициент составлял 17,0 %, но уже в 2007 г. он резко возрос до 21,8 %, в 2008 г. этот показатель сильно не изменился и составил 21,0 %, что является средним показателем. Таким образом, коэффициент общего оборота в 2006 г. составил 59,9 %, в 2007 г. он увеличился до 63,3 %, а в 2008 г. – возрос до 68,9 %.

Самой главной причиной, по которой увольняются сотрудники, является их собственное желание. На втором месте идет такая причина, как истечение срока трудового договора, так как достаточно много сотрудников принимаются по временному трудовому договору (табл. 7).

**Таблица 7
Причины увольнения сотрудников с ЭМУП «Жилкомхоз» за 2006–2008 гг., %**

Показатели	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Уволено всего, в том числе:	100,0	100,0	100,0
– по собственному желанию	49,6	54,0	50,8
– за нарушение трудовой дисциплины	9,7	10,8	10,5
– истечение срока трудового договора	39,6	34,0	36,6
– призыв на военную службу	1,1	1,2	2,1

Анализ причин увольнения сотрудников показал, что в 2006 г. по собственному желанию было уволено 49,6 %, в 2007 г. этот показатель увеличился до 54,0 %, в 2008 г. наблюдается спад увольняемых по этой причине до 50,8 %. 9,7 % сотрудников в 2006 г. было уволено за нарушение трудовой дисциплины, в 2007 г. это количество увеличилось до 10,8 %, в 2008 г. численность увольняемых по этой причине сильно не изменилась и составила 10,5 %. Увольнение по причине истечения срока трудового договора в 2006 г. составило 39,6 %, этот показатель снизился в 2007 г. до 34,0, а в 2008 г. он составил 36,6 %. Призыв на военную службу – очень редкая причина увольнения сотрудников. В 2006 г. лишь 1,1 % сотрудников был призван в армию, в 2007 г. этот показатель практически не изменился и составил 1,2 %, в 2008 г. уже 2,1 % были уволены из-за призыва на военную службу.

В заключение хотелось бы отметить, что залогом успешной деятельности любой организации является умелое использование сбалансированного сочетания социально-демографических характеристик персонала, которые бы способствовали движению организации в сторону созидания и эффективности.

Основные направления государственного регулирования международной миграции специалистов и студентов в России**

Хотя масштабы миграции специалистов и студентов относительно невелики, она оказывает важное воздействие как на принимающие, так и отдающие общества. Приток высококвалифицированных специалистов и студентов играет огромную роль в развитии инновационного потенциала, высокотехнологичных отраслей и научноемких секторов сферы услуг, таких, как образование, здравоохранение, связь и экономика в целом.

При этом иностранные выпускники вузов рассматриваются как особо ценный потенциальный ресурс пополнения человеческого капитала для нужд экономики знаний, поскольку на учебу за рубеж едут, как правило, лучшие и наиболее мотивированные студенты. В глазах работодателей дополнительную привлекательность им придает и то обстоятельство, что в отличие от многих вновь принимаемых мигрантов иностранные студенты к моменту завершения учебы уже владеют языком страны приёма, знакомы с ее законами и обычаями, а также правилами и условиями работы. Поэтому многие иностранные выпускники приглашаются на работу в местные организации.

Если последствия приема иностранных специалистов и студентов практически однозначно позитивные, то дивиденды посылающих стран не столь очевидны. В исследованиях последних лет, учитывающих высокий процент возвращающихся мигрантов, подчёркивается благотворное воздействие миграции студентов и специалистов и на государства-доноры. Посылающие страны ценой меньших расходов осуществляют подготовку высококвалифицированной рабочей силы по отсутствующим или недостаточно развитым в них направлениям. По возвращении мигрантов происходит трансферт не только индивидуального образования, но и технологий и ноу-хау из передовых областей.

В результате мы видим, что в мире развернулась настоящая конкурентная борьба за привлечение определенных категорий специалистов и студентов. Особенно активно участвуют в ней университеты, исследовательские центры и научноемкие предприятия США, Канады и Великобритании. Чтобы привлечь зарубежные кадры, стимулировать возврат выехавших для обучения за рубеж студентов, а также эмигрировавших высококвалифицированных соотечественников и мотивировать находящихся на родине специалистов не покидать ее, правительства многих государств стремятся сделать условия их проживания и перспективы профессионального роста на их территории более привлекательными. Для расширения притока зарубежных специалистов в высокотехнологичные сектора применяется целый комплекс мер из арсенала миграционной политики.

Во-первых, используется гибкая система квот для временной иммиграции специалистов. На фоне ограничения приема иностранцев расширяются возможности въезда для временной работы дефицитных специалистов.

Во-вторых, осуществляются специальные программы, стимулирующие приток дефицитных категорий специалистов.

В-третьих, упрощаются процедура и условия найма для высококвалифицированных специалистов. Согласно законодательству, во Франции, Ирландии, Нидерландах и Великобритании наем иностранных работников осуществляется на основе определенной процедуры, включающей анализ состояния рынка труда (обоснование невозможности заполнения вакансии соотечественниками, получение разрешения на наем конкретного иностранца на конкретную позицию и т. п.), однако высококвалифицированные специалисты, на которых имеется повышенный спрос в сфере ИТ, биотехнологий, образования, медицины и др., принимаются по упрощенной схеме.

В-четвертых, в отличие от стран, не предоставляющих студентам права оставаться в стране после завершения образования и принимающих права у них заявки на работу лишь после их отъезда, все больше государств обеспечивают иностранным выпускникам возможность работать на своей территории после окончания учебы. К их числу относятся Япония, США, Франция, Австралия и Германия.

В увязке с миграционными мерами осуществляются специальные мероприятия, относящиеся к области инновационной политики и призванные содействовать высококвалифицированным мигрантам, обучавшихся и работавших за границей, а также заинтересовать проживающих в стране специалистов в работе на родине. В этих целях развивается инфраструктура для инновационного предпринимательства.

* Маньшин Р.В. (Москва) – кандидат экономических наук, доцент Центра социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

** Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ – 07-06-00466-а.

Повышается привлекательность и государственного сектора НИОКР. В западноевропейских странах ученым, особенно низкооплачиваемым, предоставляется финансовая поддержка. В Великобритании Королевское научное общество выделяет специальные средства для оплаты труда выдающихся ученых, в том числе иностранных. Тайвань, Сингапур и Южная Корея привлекают экспатриантов, получивших образование за рубежом, особенно научных работников и специалистов в области высоких технологий, высокой зарплатой и перспективами быстрого профессионального роста. Для иностранного персонала создаются налоговые стимулы. В Швеции, Дании, Нидерландах и Бельгии предоставляются налоговые льготы иностранным экспертам, проживающим в стране не менее 5 лет. В канадской провинции Квебек действуют пятилетние «налоговые каникулы» для высокостатусных иностранных ученых, работающих в университетах провинции в сферах ИТ, инженерного дела, медицины и финансов. Осуществляются программы содействия переселению ученых-эмигрантов. В Швейцарии реализуется программа «Ребрайн», адресованная швейцарским ученым-докторам, находящимся в США и Японии и планирующим вернуться на родину. Она предусматривает возмещение транспортных издержек репатриантов и их расходов в связи с поиском работы после переезда. В Финляндии, Германии, Канаде, Ирландии и некоторых других странах также принимаются меры, содействующие возвращению ученых-соотечественников, проживающих за рубежом. В Австралии молодым талантливым ученым выплачивается специальная стипендия, чтобы стимулировать их работу в институтах страны.

Для обучения и проживания иностранных студентов в странах их приема создается специальная инфраструктура. С учетом особой предпочтительности англовороящих стран иноязычные страны, например, Финляндия, Норвегия и Швеция, организуют курсы для студентов на английском языке.

Росту экспорта образовательных услуг способствуют заключение кооперативных соглашений между университетами и создание их зарубежных филиалов. Страны, посылающие студентов для обучения за границу, нередко обуславливают предоставление им стипендий обязательствами вернуться на родину после завершения образования и несколько лет там проработать.

Несомненно, российское государство не должно стимулировать отток рабочей силы за рубеж, но и не должно препятствовать выезду. Заинтересованность государства состоит в том, чтобы развивать возвратные формы миграции, а российские ученые и специалисты могли бы реализовать свой потенциал вне зависимости от политической и экономической ситуации в нашей стране.

В современной России перед молодым поколением и специалистами среднего возраста на первом месте стоит проблема занятости, которая выходит за пределы регулирования внутреннего рынка труда. Уровень безработицы в России, по данным Международной организации труда, остается достаточно высоким. В то же время уровень жизни занятой части экономически активного населения страны оставляет желать лучшего в связи с тем, что официальная заработка плата зачастую ниже прожиточного минимума. Отсюда следует, что из всех причин миграции российских граждан за рубеж (политических, идеологических, родственных, экономических и т.п.) основной является экономическая, преследующая целью временное трудоустройство с относительно высоким уровнем оплаты труда.

Оттоку молодых российских граждан за рубеж способствует современная языковая подготовка, а также примеры наших бывших соотечественников и выходцев из стран Восточной Европы, сумевших развернуть в экономически развитых странах свое предпринимательское дело – супермаркеты, рестораны, гостиницы, бензоколонки и т.п. Предлагаемое ими вознаграждение в 1500-2000 долларов США не устраивает коренное население, но для низкоквалифицированного российского гражданина это зачастую большая удача.

Причиной выезда за рубеж для трудоустройства высококвалифицированных специалистов также является, как правило, высокая заработка плата. Так, по данным журнала «Information Week», например, для программистов она составляет 61 тыс. долларов в год при средней заработной плате по всем отраслям хозяйственной деятельности США 28 тыс. долларов. В то же время емкость рынка труда программистов в США, по данным компании «Meta Group», достигает 400 тыс. специалистов или более 11 % от общего числа рабочих мест.

По статистическим данным образовалась группа стран, которые в большей мере принимают российских граждан для трудоустройства: Кипр, Греция, Италия, Германия, Мальта, Гонконг, Сингапур, Гибралтар, Нигерия, Либерия, Канада, США, Израиль, Португалия. Эти страны обеспечивают трудоустройство 80 % российских граждан, пожелавших работать за границей. Однако в связи с расширенными предложениями со стороны работодателей в США, учитывая преобладающее распространение среди российских специалистов знания английского языка, а также в силу экономических причин, США являются наиболее привлекательной страной для российской трудовой миграции.

Правовой основой выезда россиян за рубеж является Конституция РФ, согласно ст. 27 части 2 которой каждый гражданин может свободно выезжать за пределы Российской Федерации и беспрепятственно возвращаться. Право российских граждан на свободную работу за рубежом предоставляет ст. 10 закона РФ «О занятости населения Российской Федерации» от 1991 г.

В настоящее время возможны три варианта трудоустройства россиян за рубежом:

- самостоятельный поиск работы и трудоустройство за пределами РФ;
- трудоустройство на основе действующих международных соглашений при содействии Федеральной миграционной службы РФ;
- трудоустройство за рубежом при содействии российских посреднических организаций.

Международные соглашения о трудоустройстве российских граждан за рубежом имеются с рядом стран ближнего и дальнего зарубежья. Особенностью таких соглашений является установление квот на въезд в страну. Например, Германия может принять около 2 тыс. чел. в год, Швейцария принимает не работников, а только стажеров в количестве 150 чел. в год. Далеко не все страны идут на то, чтобы заключать такие соглашения с Россией. Наша страна довольно поздно приступила к проработке двусторонних соглашений, которые облегчили бы трудоустройство наших граждан за рубежом. В результате в странах Западной Европы сложились огромные диаспоры эмигрантов из Индии, Пакистана, Турции, Египта и других стран, занявшие большинство рабочих мест.

Посредническую деятельность по трудоустройству российских граждан за рубежом могут осуществлять только юридические лица на основании лицензий, выданных в порядке, установленном законодательством РФ (Постановление Правительства РФ от 05.11.1995 г. № 1095 «Положение о лицензировании деятельности, связанной с трудоустройством граждан Российской Федерации за границей»). Уполномоченными за ведением лицензирования были определены Федеральная миграционная служба (ФМС) России и ее территориальные органы.

Ввиду отсутствия государственного кадрового агентства по трудоустройству граждан за рубежом эта рыночная ниша прочно занята негосударственными фирмами. В настоящее время этим видом деятельности на территории РФ занимается более 150 кадровых агентств, из них свыше 80 – работающие по лицензиям ФМС РФ и около 70 – лицензированные территориальными миграционными службами. В московском регионе работает более 60 фирм, из которых только не более 10 реально занимаются трудоустройством за рубежом. Определенный бум в этом виде деятельности наступил после августа 1998 г., когда фирмы, занимающиеся туризмом, посчитали, что такое направление в бизнесе, как трудоустройство граждан за рубежом, более прибыльное. Эти фирмы стали в массовом порядке получать лицензии на право ведения такого вида деятельности. На процесс перестройки туристического бизнеса повлияли легкость и быстрота получения прибыли и слабый контроль за деятельностью лицензированных фирм со стороны ФМС РФ. В результате россияне зачастую направляются за рубеж по документам, не дающим им право на трудоустройство вообще или в конкретном регионе, ставятся в неравноправные условия, социально не защищены и пребывают за рубежом в качестве нелегальной рабочей силы.

Поэтому стратегия действий российского правительства в сфере регулирования международной трудовой миграции из страны должна заключаться в совершенствовании нормативно-законодательной базы и механизмов защиты российских трудовых мигрантов на основе соглашений со странами приема; привлечения россиян, работавших за рубежом на родину и использования их навыков в российской экономике, а также в создании социально-экономических условий для сокращения выезда за границу путем повышения оплаты труда и уровня жизни внутри страны. Меры регулирования трудовой миграции из страны должны включать несколько ключевых направлений деятельности: правовое, административное, экономическое и информационное.

Правовое направление является прерогативой государственных органов власти, как на национальном, так и на региональном уровне. Основная цель – создание эффективного правового поля для работы различных агентов в сфере трудоустройства мигрантов за рубежом. Для достижения этой цели России необходимо: ратифицировать все международные соглашения, касающиеся вопросов трудоустройства за рубежом и обеспечения безопасности трудовых мигрантов; создать национальную законодательную базу для обеспечения прав трудовых мигрантов за рубежом и наказания нарушителей прав трудовых мигрантов. Важное направление совершенствования правовой базы в России – заключение двусторонних межправительственных соглашений с основными партнерами в сфере международной трудовой миграции. Подобные соглашения должны составляться на основе принятых международных инструментов – конвенций и рекомендаций ООН, МОТ и других организаций.

В настоящее время Россия имеет ограниченное число таких договоров. В свое время были подписаны двусторонние соглашения между некоторыми странами СНГ, а также между ними и отдельными государствами «старого» зарубежья о трудовой деятельности их граждан. Россия заключила соглашения с Арменией, Беларусью, Молдовой, Украиной, Киргизстаном по вопросам трудовой миграции. Россией также подписаны двусторонние соглашения с Германией, Финляндией, Польшей, Швейцарией, Китаем.

Соглашения важны с точки зрения обеспечения прав российских трудовых мигрантов в этих странах. Однако в настоящее время многие соглашения устарели и не отражают современных реалий, отличаются узостью и охватывают только отдельные группы мигрантов (например, только стажеров или студентов),

а поэтому нуждаются в значительной актуализации. В настоящее время назрела необходимость увеличения количества подобных соглашений, расширение географии стран-партнеров, поскольку появилось множество новых направлений выезда россиян на работу за границу.

Межгосударственные соглашения должны быть подробными и полными. Их основные положения должны включать вопросы обмена информацией по условиям проживания и работы трудовых мигрантов; вопросы регулирования статуса, возвращения и реадмиссии нелегальных мигрантов; требования к объявлению о вакансиях и перечням кандидатов, ищущих работу; характеристики процедуры предварительного и заключительного отбора; процедуры медицинского осмотра, проезда и получения разрешения на работу и проживание; порядка, сроков и условий заключения трудового контракта; вопросы социальной защиты трудовых мигрантов; процедур денежных переводов и пр.

Важное направление работы – заключение многосторонних соглашений и межрегиональных взаимодействий. Двусторонние соглашения в связи с усложнением маршрутов миграции между странами отправки и назначения (транзит через другие страны) скорее становятся дополнением к многосторонним и межрегиональным соглашениям.

Административное направление регулирования трудовой миграции связано с совершенствованием организационной и управленческой деятельности федеральных и региональных органов власти. Для России важно определить минимальные стандарты составления трудовых контрактов. Трудовые контракты необходимо регистрировать в Федеральной миграционной службе до отбытия мигранта, чтобы они были согласованы с потенциальным работодателем. Заключение контрактов позволит отслеживать соблюдение их условий в странах приема трудовых мигрантов через национальных представителей (атташе).

В стране необходимо усилить контроль над деятельностью частных фирм и создать государственные службы содействия трудуустройству за рубежом. При этом должны быть установлены стандарты их работы, в том числе по качеству и стоимости услуг. Службы должны быть доступны в различных районах страны. Необходим четкий и постоянный контроль над работой частных агентств путем выдачи им лицензий. Государство должно установить и четко отслеживать условия выдачи лицензий для частных агентств по трудуустройству.

Налоговые органы должны иметь право проверять кредитоспособность агентств по занятости и работодателей, желающих нанять граждан данной страны, а также проверять трудовые контракты, предложенные их гражданам. Разрешение на выезд может быть дано после соответствующих проверок посольством.

Экономическое направление регулирования международной трудовой миграции представляет собой мониторинг и корректировку социально-экономических условий в стране, способствующих сокращению оттока и стимулирующих возвращение трудовых мигрантов.

На государственном уровне целесообразно выявлять наиболее перспективные направления выезда гастарбайтеров за рубеж, анализировать квоты по приему работников различной квалификации. Важно расширить участие трудовых мигрантов в производстве и тех сферах, где преобладающей формой занятости является коллективная занятость, что позволит снизить количество случаев злоупотребления и нарушения правами трудовых мигрантов. Необходимо повышать экономическую активность россиян трудоспособного возраста за счет создания новых рабочих мест. Это позволит снизить отток населения из многих регионов страны за рубеж.

Также имеет смысл создание новых возможностей инвестирования заработанных трудовыми мигрантами средств в экономику России, вернувшихся из-за границы, и применения полученных ими навыков. Это может быть достигнуто во взаимодействии с существующими службами, к примеру, центрами занятости.

Информационное направление является наиболее важным в процессе регулирования международной трудовой миграции, поскольку позволяет наиболее эффективно проводить работу по профилактике нелегальной миграции и трэффика. Трудовые мигранты должны получить информацию по следующим вопросам. Информацию о требуемых для выезда и трудуустройства документах и разрешениях, в том числе правила, устанавливаемые государственными рекрутинговыми агентствами; паспорта и документы для поездки; визу и разрешение на работу; медицинские разрешения; трудовой контракт. Достоверную информацию о стране приема, в том числе описание страны, социокультурные нормы, религиозные ограничения и запреты; знания о законодательной, трудовой и иммиграционной системе; информацию о возможности получения юридической и медицинской помощи.

К вопросу о зарождении региональной демографии

Повышенный интерес к демографическим проблемам развития регионов Дальнего Востока в 60-е гг. XIX в. вызван такими проблемами, как необходимостью миграционной подвижности населения, повышением уровня рождаемости и снижением возрастной смертности, выявлением резервов труда, rationalной женской занятости и регионального демографического прогнозирования.

Отрадно отметить, что региональная демографическая наука на Дальнем Востоке в те годы накопила определенный опыт, который позволял решать эти задачи. Так, сотрудники лаборатории трудовых ресурсов и демографии Хабаровского Комплексного НИИ Дальневосточного научного центра (Сибирского отделения АН СССР) нетрадиционно, по-своему подошли к решению ряда методических вопросов, что заметно облегчало постановку и разработку проблем объяснения, управления и прогнозирования чрезвычайно сложными процессами демографического развития в регионе [5].

Региональный аспект всегда был присущ демографическим исследованиям, так как реальное население не может существовать вне времени и пространства. Но как научное направление региональная демография оформилась в начале 1970-х гг. на стыке демографической статистики, географии населения, экономики труда, науки о размещении производительных сил и т.д. Ряд крупных работ был посвящен изучению вопросов привлечения населения в восточные районы, повышения приживаемости новоселов и закрепления местного населения в слабо освоенных районах [6, 7, 8].

Интерес к развитию теории народонаселения в 1960–1980 гг. обусловлен несколькими причинами:

- 1) Интенсивно развивающаяся экономика требовала всё более новых трудовых ресурсов;
- 2) Ухудшение режима воспроизводства ограничивало возможности территориального перераспределения трудовых ресурсов;
- 3) Различные экономико-демографические ситуации в отдельных регионах, особенно на границах с со-предельными азиатскими странами с высоким ростом населения, заставляли относиться к изучению воспроизводства населения как к задаче большого экономического и политического звучания;
- 4) Значительный рост материальных и финансовых ресурсов, направляемых на науку в то время, объяснялся повышением интереса к изучению общественных процессов, неразработанностью методологических основ комплексной науки о народонаселении в регионе.

При решении многообразных социально-демографических проблем нами предлагалось следующее определение экономико-демографической ситуации в регионе. Под ней понимались статистическая и динамическая характеристики воспроизводства трудовых ресурсов, социально-экономические причины и последствия сдвигов в воспроизводстве трудовых ресурсов, имеющих принципиальное значение для баланса труда, влияние различных форм использования труда на ход демографических процессов и региональную политику народонаселения.

Для характеристики экономико-демографической ситуации в районе часто пользуются соотношением естественного и механического приростов населения. При таком подходе на передний план выступает результат процесса воспроизводства населения, а не его формирование.

Если абстрагироваться от миграции, то население района на определенную дату мыслится самовоспроизводящимся по законам одного лишь естественного движения. Используя индексный анализ, нами было выявлено, в какой мере изменения естественного прироста населения вызвано сдвигами в возрастно-половой структуре, в какой мере – изменением половозрастных показателей рождаемости и смертности [4]. При достаточных больших демографических совокупностях такого анализа более плодотворно применять модель стабильного населения.

В основу логической модели населения в районе берется представление о том, что явление миграции населения «накладывается» на естественное воспроизводство местного населения, протекающее по законам замкнутой демографической системы в регионе в отличие от открытой системы по стране в целом. Определенным образом «накладывается» на естественное воспроизводство местного населения и влияние миграции с «нулевым сальдо». Под «нулевым сальдо» понимаем предположение равенства населения по прибытию и выбытию.

Поскольку прибытие населения в район и его выбытие характеризуются не одинаковыми причинами, формами и т.д., совпадение возрастно-половой структуры населения в группах прибывающих и выбывающих

* **Безруков Иван Сергеевич** (Владивосток) – доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга и коммерции Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, **Безруков Владислав Иванович** (Владивосток) – аспирант ВГУЭС.

является скорее исключением, чем правилом. Несовпадение возрастно-половой структуры прибывающего и выбывающего населения влияет на соотношение мужчин и женщин в районе, общую численность трудоспособного населения, численность женщин в детородных возрастах, численность отдельных возрастных групп и т.д. По существу все стороны естественного воспроизведения населения района испытывают большее или меньшее влияние миграции, даже если ее сальдо равно нулю.

По справедливому замечанию проф. А.Я. Боярского, воспроизведение населения претерпевало глубокие изменения при переходе от одного типа воспроизведения населения к другому [3, с. 233]. Нами было введено новое понятие «эволюционный тип воспроизведения населения в районе», которое было призвано, во-первых, отразить общее направление изменений (прирост населения или уменьшение) и, во-вторых, показать, за счет чего происходит увеличение или уменьшение общего прироста населения [2, с. 270-277].

Кроме случаев с одинаково направленным действием факторов (табл. 1) должны быть учтены и те эволюционные типы воспроизведения населения в районе, для которых характерна не одинаковая направленность отдельных факторов.

Каждый из приведенных типов воспроизведения представляет модель процессов воспроизведения населения. Информационный образ изучаемого явления включает те стороны и элементы их взаимоотношений, которые существенны для решения определенной познавательной задачи.

Эволюционные типы воспроизведения населения в районе – это модели, с помощью которых можно показать общее направление изменений в воспроизведении населения и состав действующих при этом демографических факторов, причем не только в целом для района, но и для его более мелких подразделений, для которых также применима концепция открытой демографической системы.

Таблица 1
Эволюционные типы воспроизведения населения в районе

Факторы изменения общего прироста населения	Общий прирост населения возрастает					Общий прирост населения снижается				
	Типы воспроизведения населения					Типы воспроизведения населения				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1. Изменение возрастно-половой структуры при неизменных половозрастных показателях рождаемости и смертности	+	+	+	+	+		+	+	+	+
2. Изменение повозрастных показателей рождаемости и смертности при неизменной возрастно-половой структуре населения	-	+	+	+	+		-	+	+	+
3. Изменение возрастно-половой структуры населения за счет миграции с нулевым сальдо	-	-	+	+	+		-	-	+	+
4. Изменение общей численности населения района за счет положительного или отрицательного сальдо миграции	-	-	-	+	+		-	-	-	+
5. Изменение возрастно-половой структуры населения за счет положительного или отрицательного сальдо миграции	-	-	-	-	+		-	-	-	-

Моделируя демографическую ситуацию, необходимо дополнить признаки того или иного эволюционного типа воспроизведения населения следующими количественными характеристиками:

а) уровень общего прироста населения в начале изучаемого периода и степень его изменения к концу периода;

б) количественная роль того или иного фактора в суммарном повышении (снижении) общего прироста населения в регионе.

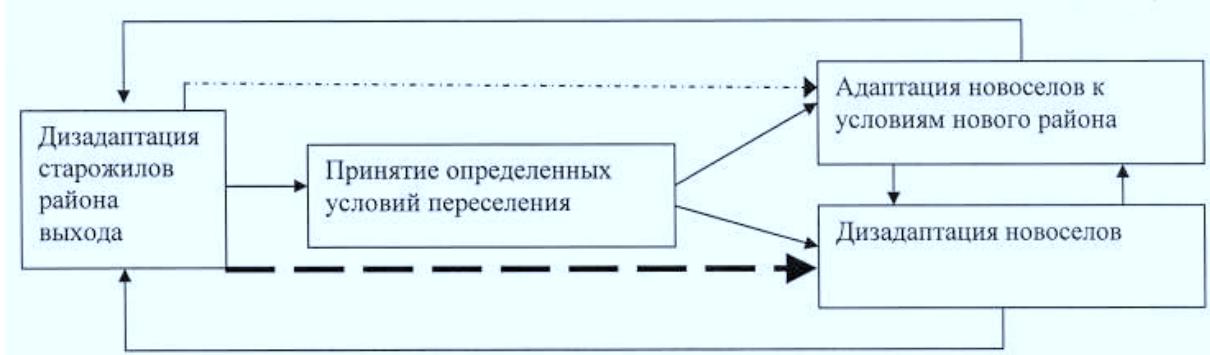
Региональная демография всё больше уделяла внимание как региональным особенностям, так и типологии условий: эволюционным типам демографической ситуации, формированию типов демографического и миграционного поведений. Решающую роль в результативности миграции играют не только условия жизни и труда в новом районе, но и как они действуют через сложившийся тип миграционного поведения.

Нами предлагается выделить четыре типа миграционного поведения с психологической установкой: на отъезд, на скорое возвращение, на возвращение спустя много лет, не возвращаться никогда.

На выделенных типах можно проследить такие важные признаки:

- а) социально-экономическое положение мигранта в районе выхода;
- б) объективные причины и субъективно осознанные мотивы и поводы для переселения;
- в) методы переселения;
- г) характер экономической деятельности по месту вселения;
- д) социально-экономическое положение новоселов сразу после вселения;
- е) уровень благосостояния и социальный статус при переходе в категорию старожилов.

Психологическую структуру акта переселения можно отобразить в виде следующей схемы:

По характеру приживаемости отдельных типов миграционного поведения можно не только описывать миграционные связи и давать интерпретацию, но и проводить дифференциированную социальную и кадровую политику в регионе. Данные типы массового миграционного поведения позволяли проследить процесс утверждения социального статуса через сферу трудовой деятельности мигрантов – выпускников средних школ, ПТУ, техникумов и вузов и др.

Характеристика типологических различий в формах и методах хозяйственного освоения территории района и соответствующая степень завершенности процесса формирования постоянного населения могут служить основанием для выделения «демографических полос» [4 с. 30-39]. Такой подход существенно облегчает задачи прогнозирования населения в районе. По-нашему глубокому убеждению, именно сложностью системы, какую представляет собой развитие населения в регионе, можно объяснить тот факт, что попытки создать единую методику регионального демографического прогнозирования до сих пор не увенчались успехом.

В 1970-е гг. региональное планирование осуществлялось на двух уровнях:

- 1) общий – это уровень предплановых и плановых разработок, на котором происходило разделение всех ресурсов между крупными экономическими районами;
- 2) локальное – это уровень районной планировки, на котором происходит увязка государственного и местного аспектов экономической политики данного региона.

Однако социальные аспекты в этом планировании были выражены слабо. Выдвигалась новая проблематика социального планирования регионального развития. Основной целью регионального планирования становится «создание высокоэффективной социально-экономической структуры, ориентированной на интенсивный тип развития и формирования жизненной среды, максимально благоприятной для человека».

Как отмечала академик Т.И. Заславская, «уже нельзя добиться повышения темпов развития общественного производства, продолжая рассматривать человека главным образом только как трудовой ресурс или средство достижения определенных целей».

Остановимся на некоторых положениях методики комплексного анализа народонаселенных процессов в регионе.

Детальные проработки и обобщение опыта лаборатории ХабКНИИ СО АН СССР позволили выделить основные этапы этого анализа:

1. Исходным пунктом для анализа являлась общая социально-экономическая ситуация в стране. Исходя из нее, формулировалась концепция развития региона, определяющая экономические и социальные цели развития и методы их достижения.
2. В качестве одного из общих факторов, влияющих на характер концепции развития региона, выступают особенности естественного воспроизводства населения по стране в целом. Поэтому анализ демографической ситуации в стране предшествовал анализу экономико-демографической ситуации в районе.
3. Исходя из планируемых объемов производства и реально возможного уровня производительности труда в районе, определяется общая потребность экономики района в рабочей силе.
4. Затем рассматривается естественное воспроизводство местного населения как источник удовлетворения потребности района в трудовых ресурсах.

5. Сопоставление общей потребности в рабочей силе с наличием местных трудовых ресурсов позволяло определить дефицит (или избыток) рабочей силы в районе.

6. Чтобы преодолеть односторонний экономический подход к территориальному перераспределению населения и трудовых ресурсов, предлагалось рассматривать те же процессы миграции населения с точки зрения воспроизводства социальных групп населения как в заселяемом районе, так и в районах выхода переселенцев.

Дефицит рабочей силы еще не означал экономической необходимости привлечения в район дополнительных трудовых ресурсов. Оно становится необходимым, если дефицит не удается преодолеть за счет факторов интенсификации общественного производства.

Вывод о целесообразности привлечения дополнительных трудовых ресурсов предполагал экономическую оправданность с точки зрения интересов страны в целом и районов выхода мигрантов.

В заключение следует отметить, что эффективность планирования в регионе во многом зависит от научной подготовленности территории к освоению и координации всех источников финансирования (на уровне отрасль – район; район – город). В этом направлении должны быть объединены усилия всех демографов-региональщиков.

Источники и литература

1. Безруков И.С. К вопросу об управлении движением населения и трудовых ресурсов в активно осваиваемом регионе: Материалы научной сессии по проблемам экономики Дальнего Востока, посвящ. 250-летию АН СССР. Тезисы АН СССР ДВ научн. центр ХабКНИИ. Хабаровск, 1974.
2. Безруков, И.С., Миков, Е.Г. О моделировании процессов воспроизводства населения в регионе // Демографические тетради / Институт экономики Академии наук Украинской ССР. Киев, 1974. Вып. 9. С. 270-277.
3. Боярский А.Я. К вопросу о численности населения мира в 2000 г. // Вопросы народонаселения и демографической статистики. М.: Статистика, 1966. С. 233.
4. Вишневский Д.С. Размещение населения и трудовых ресурсов // Воспроизведение трудовых ресурсов Дальнего Востока. М.: Наука, 1969. С. 30-39.
5. Вопросы трудовых ресурсов Дальнего Востока: Тезисы докл. науч. совещания. Хабаровск, 1963. Вып. 1-2.
6. Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах. Методы изучения приживаемости. М.: Статистика, 1972.
7. Миграция сельского населения / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1970.
8. Переведенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск, 1966.
9. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М.: Статистика, 1973.

К.С. Королев*

Начальный этап коми-русских взаимоотношений в средневычегодском регионе (XII–XIII вв.)**

Первые контакты перми вычегодской со славянами датируются временем не позже X века. Именно к этому времени относится упоминание перми в «Степенной книге» (967 г.) среди народов, платящих дань Руси [1]. Русские письменные источники помещают «Пермь», предков коми-зырян, между «чудью завоцкой» (бассейн Северной Двины) и «Печерой» (бассейн Печоры), т.е. в бассейне Вычегды. В «Житии Стефана Пермского» Пермь локализуется на Выми и прилегающем участке нижней Вычегды [2].

В настоящее время известно шесть локальных вариантов культуры Перми вычегодской, соответствующих территориально-племенным объединениям предков коми-зырян: вымский, нижневычегодский, средневычегодский, нижнесысолльский, верхнесысолльский и удорский (последние три представлены пока единичными памятниками).

Исследованиями А.С. Сидорова и Э.С. Савельевой установлено, что в XI–XIV вв. основным центром формирования Перми вычегодской являлся бассейн Выми, где сосредоточена основная масса памятников предков коми-зырян, в том числе крупнейшие могильники: Кичилькосский 1, Йдзыдъельский, Кокпомъягский и др., насчитывающие сотни погребений.

Первыми на Европейский Северо-Восток проникают новгородцы, которые от эпизодических набегов с XII в. переходят к систематическому сбору дани (меха) с местного населения. К этому времени относится появление первых древнерусских укреплений поселений – городищ на Выми и нижней Вычегде. Они служат главным образом опорными пунктами сборщиков дани, а также ремесленно-торговыми центрами, оказывавшими большое культурное и хозяйственное влияние на предков коми-зырян (Карыбыйское, Жигановское городища и др.) [3]. Древнерусская колонизация Европейского Севера привела к ассимиляции пермского населения на нижней Вычегде, частичному оттоку его в восточные и северо-восточные регионы рассматриваемой территории, в том числе в бассейн средней и верхней Вычегды [4].

К настоящему времени на значительном протяжении среднего течения Вычегды (более 200 км) от устья ее левого притока Сысолы и выше открыто и исследовано девять памятников перми вычегодской (могильники, святилище, поселение и городище). Данные памятники расположены значительно восточнее вымского района формирования коми-зырянского этноса. В отличие от вымских в инвентаре средневычегодских могильников XI–XII вв. отсутствует славянская гончарная посуда, что свидетельствует о более позднем проникновении русского населения в этот регион. Следует отметить, что они по размерам небольшие (насчитывают не более 20 могил). Это говорит о немногочисленности населения средневычегодского региона в эту эпоху.

В 2000–2003 гг. на средней Вычегде было выявлено и исследовано нами первое укрепленное, средневековое поселение – городище Новик [5]. Оно находится на правобережье Вычегды, у восточной оконечности старичного оз. Полой, на возвышенном участке мыса, в 3 км к северо-востоку от современной коми деревни Новик (Корткеросский район Республики Коми), основанной после 1707 г. [6]. Оборонительные сооружения в виде рва и вала, зафиксированные на нем и не характерные для коми средневековых поселений, дают основание отнести его к древнерусским городищам. На памятнике найдены как древнерусские сосуды с линейным орнаментом, изготовленные на гончарном круге, так и местная глиняная посуда ручной лепки. На памятнике выявлены остатки деревянных сооружений (жилищ), ям – хранилищ с многочисленными костями млекопитающих, птиц и рыб***. Из диких животных определены кости лося и зайца. Домашние животные представлены костями свиньи и лошади. Лошадь обычно использовалась в качестве ездового животного. Судя по раздробленности костей можно утверждать, что конина употреблялась и в пищу. Из культурных остатков городища надо отметить железные предметы и их обломки (топор, ножи, скобы и т.п.). К украшениям относятся стеклянные и глиняные бусины. Кроме перечисленных предметов на памятнике обнаружены фрагменты тигля для плавки металла, точильная плитка и крупные грузила из обожженной красной глины для сетей длиной 7 и диаметром около 3 см.

* Королев Климент Степанович (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена в рамках исследований по проекту № 09-Т-7-1001 «Роль изменений климата в этнодемографической истории финно-угорских народов России», программа фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», направление VI «Народ России – состав и эволюция X–XX вв.».

*** Определение костей выполнено П.А. Косинцевым (Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург).

Лепная посуда городища Новик имеет многочисленные аналогии на памятниках предков коми-зырян (перми вычегодской) в бассейнах Выми и нижней Вычегды. Круговая керамика имеет аналогии в древнерусской посуде тех же памятников. В долине средней Вычегды круговые сосуды, связываемые с пришлым русским населением, встречены пока в единичных экземплярах (святилище Джуджыдъяг, ванвиздинское поселение Угдым III). Интересно отметить, что очень близкая нашей (по форме, орнаменту и пропорциям) круговая керамика XII–XIII вв. найдена в большом количестве на селище на Романовом дворе в черте г. Москвы [7]. Боевые топоры, аналогичные найденному на городище Новик, встречаются на широких территориях Северной Руси – в курганах веси, на Выми, в Прикамье, Нижнем Приобье и датируются в широких пределах XI–XIII вв. Зонные бусы из цветного стекла были широко распространены в древнерусских землях и на Выми в XI–XIII вв. Любопытно, что красноглиняные грузила с городища для сетей по размерам и форме идентичны древнерусским грузилам из Коломны [8]. На известных вымских и нижневычегодских городищах подобные грузила не найдены. Наиболее вероятное время функционирования городища Новик – XII–XIII вв.

Городище Новик – пока единственное небольшое укрепленное поселение XII–XIII вв., выявленное в Восточном Привычегодье. Наличие на городище местной лепной и гончарной русской посуды свидетельствует о биэтничности его населения. Близким по инвентарю городищу Новик памятником в долине нижней Вычегды является древнерусское Карыбыйское городище, на котором найдены местные лепные и русские круговые сосуды, орудия охоты и рыболовства [9]. Биэтничность населения русских городищ на Выми и Вычегде объясняется установившимися тесными этнокультурными контактами русского и местного коми-зырянского населения (смешанные браки). Судя по вещевым и остеологическим материалам обитатели городища держали домашних животных (свинья, лошадь), но занимались преимущественно охотой и рыболовством. Судя по инвентарю и сравнительно небольшой площади памятника на нем проживала немногочисленная группа людей. Вероятно, она несла функции сторожевой заставы на восточных рубежах перми вычегодской на известном в средневековье водном пути по Вычегде, связывавшем Северную Русь с Припечорьем и Зауральем.

В связи с этим можно отметить, что все деревянные сооружения на городище (жилые и хозяйственные постройки) были уничтожены в огне пожара. Было ли это следствием лесного пожара или вражеского нападения, установить трудно.

В связи с этим интересно отметить, что под 1646 г. на средней Вычегде отменена дер. Сторожево (современное с. Сторожевск). Возможно, данное название отражает давние события, связанные с защитой местного населения от vogульских походов с востока в XIV–XV вв.

В последние годы вблизи городища Новик, на левом берегу Вычегды открыто и исследовано небольшое неукрепленное поселение предков коми-зырян – Леваты (название происходит от одноименного озера), которое функционировало одновременно с городищем Новик. Вероятно, что жители данных населенных пунктов поддерживали контакты различного характера, общались между собой.

Таким образом, средневычегодский регион в XI–XIV вв. представлял собой малонаселенную периферию Перми вычегодской с редкими охотничье-рыболовческими поселениями. Более интенсивное заселение восточных окраин Перми вычегодской задерживалось сложившейся к этому времени исторической ситуацией. С одной стороны – формированием основного ядра Перми вычегодской на Выми, с другой – усилением военной опасности со стороны зауральских «вогуличей», фиксируемой в русских письменных источниках XIV–XV вв. Городище Новик является пока первым укрепленным поселением в Восточном Повычегодье, документирующим проникновение русских поселенцев на восточные окраинные территории предков коми-зырян в XII–XIII вв.

Вполне вероятно, что появление русских на средней Вычегде имело и стратегический характер. Здесь проходил основной путь в Припечорье и Зауралье, откуда воинственные «вогуличи» (предки ханты и манси) совершали набеги на земле предков коми-зырян и пермяков. Известно, что в XV в. по этому же пути ходили рати московских князей в Зауралье для покорения «вогуличей».

* * *

Интересно отметить, что современная коми деревня Новик («Нёвик» – коми яз.) видимо была основана в начале XVIII в. русскими переселенцами из Центральной России. Об этом свидетельствуют как само название поселения («Новик» – новое), так и некоторые русские гидронимы и топонимы в окрестностях данной деревни (оз. «Полой» – заливное место, «Наволок» – пойма, луг и т.п.)*. Кроме того, практически все жители деревни Новик имеют русскую фамилию Королев, характерную для жителей Центральной России и г. Москвы**.

* Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. II. С. 550; М., 1980. Т. III. С. 262.

** Этнические группы в городах европейской части СССР. М., 1987. С. 5-15.

Литература и источники

1. Татищев В.Н. История Российской. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 427.
2. Житие св. Стефана Пермского. СПб., 1897. С. 9.
3. Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М., 1971. С. 183.
4. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 208.
5. Королев К.С. Городище Новин на средней Вычегде // Российская археология, 2008. № 3. С. 123.
6. Жеребцов И.Л. Где ты живешь. Сыктывкар, 1994. С. 163.
7. Кренке Н.А. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // Русь в XIII веке. М., 2003. С. 158; Рис. 4-5 и др.
8. Мазуров А.Б., Цеткин Е.А. Рыболовный промысел в XII–XVII вв. (по данным раскопок в Коломне) // Российская археология, 2003. № 4.
9. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987. С. 132.

А.Ф.Сметанин

6 декабря 2010 г. скоропостижно ушел из жизни в расцвете творческих сил талантливый ученый, крупный организатор науки, общественный деятель, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, член редакционного совета журнала «Историческая демография» Александр Франсович Сметанин.

А.Ф.Сметанин родился 24 апреля 1949 г. в с. Кельчиюр Ижемского района Коми АССР. После окончания средней школы он поступил на исторический факультет Коми государственного педагогического института, который успешно закончил в 1971 г. Будучи студентом, проявил способности к исследовательской работе, и Ученый совет пединститута рекомендовал его к поступлению в аспирантуру Института языка, литературы и истории Коми филиала Академии наук СССР. С тех пор вся жизнь А.Ф.Сметанина была связана с этим научным учреждением. Он прошел путь от старшего лаборанта до заместителя председателя Президиума Коми научного центра, директора Института языка, литературы и истории.

Предмет научных исследований – колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР – был известен молодому историку не понаслышке; избрание им этой темы было не только следствием собственно научных интересов А.Ф.Сметанина, но и своего рода данью уважения работе своего отца, председателя колхоза, и его односельчан.

А.Ф.Сметанин в результате углубленного исследования процессов развития колхозного строя и колхозного крестьянства выявил природу социального колlettivизма, свойственного регионам Севера. В 1985 г. он защитил в Ленинграде кандидатскую диссертацию на тему «Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938 – июнь 1941)».

А.Ф.Сметанин стал ведущим специалистом института в области аграрной истории XX века. Он показал закономерности формирования социально-классовой структуры сельского населения Коми АССР, раскрыл основные направления развития коми деревни с учетом социально-политических, экономических и социально-культурных аспектов истории крестьянства республики. Основные результаты многолетних исследований А.Ф.Сметанина были обобщены в монографии «Советская деревня в 60-е – первой половине 80-х гг.» (1995).

Во второй половине 1980-х гг. А.Ф.Сметанин начал активно исследовать проблемы развития национальной государственности народа коми, вскоре стал признанным ученым и в этой области.

А.Ф.Сметанин проявил себя как выдающийся организатор науки. С 1995 по 2008 г. он являлся заместителем председателя Президиума Коми научного центра УрО РАН, а с 1996-го одновременно возглавлял Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, был членом Президиума Коми научного центра и Общего собрания Уральского отделения Российской академии наук. Институт под руководством А.Ф.Сметанина добился значительных успехов в научно-исследовательской и научно-организационной работе: опубликован ряд фундаментальных обобщающих работ по историческим и филологическим наукам (среди них двухтомная «История Коми с древнейших времен до наших дней», одним из основных авторов которой является А.Ф.Сметанин), проведено несколько крупных международных и региональных конференций, защищены докторские и кандидатские диссертации.

Александр Франсович внес крупный вклад в развитие историко-демографических исследований в Республике Коми, активно поддерживая организацию и проведение ряда историко-демографических научных форумов в Сыктывкаре, издание серии сборников по исторической демографии, журнала «Историческая демография».

Александра Франсовича хорошо знали не только в Республике Коми, но и в других регионах России и за рубежом. А.Ф.Сметанин участвовал в ряде совместных исследовательских проектов с финскими учеными, выступал с докладами на нескольких международных конгрессах финно-угроведов в Финляндии и Эстонии. Он был избран членом правления Международного общества историков «Fenno-ugrica», членом Российского комитета историков-финноугроведов.

Его выдающийся вклад в науку, культуру, экономику, сохранение и умножение культуры народа коми, других этносов, проживающих в республике, отнесен высокой правительенной наградой – Орденом Дружбы. Александру Франсовичу присвоено почетное звание «Заслуженный работник Республики Коми». Он – дважды лауреат премии Правительства республики.

Александра Франсовича отличали исключительная порядочность и доброжелательность, внимательное отношение к сотрудникам, людям. Он навсегда останется в памяти как прекрасный человек, ученый, истинный патриот и интернационалист.

А.И. Таскаев

17 ноября 2010 г. на 67-м году жизни скончался заместитель председателя Президиума Кomi научного центра Уральского отделения РАН, директор Института биологии Кomi НЦ УрО РАН, член редакционного совета журнала «Историческая демография» Анатолий Иванович Таскаев.

А.И.Таскаев родился 9 февраля 1944 г. в г. Гудермес Чечено-Ингушской АССР. В 1962 г. после окончания с золотой медалью сыктывкарской школы № 12 поступил на физический факультет Московского государственного университета. Во время учебы он получил первые навыки научной работы в известнейшей лаборатории нейтронной физики Объединенного института ядерных исследований в Дубне.

Возвратившись в 1968 г. в Сыктывкар, он поступил в лабораторию радиохимических и радиофизических исследований Кomi филиала АН СССР. Уже тогда выполненные им работы отличались системностью, комплексностью, высоким методическим уровнем и охватом большого объема экспериментального и теоретического материала.

Под руководством А.И. Таскаева были развернуты работы по изучению территорий с повышенным естественным фоном радиации. Полученные данные были обобщены в кандидатской диссертации, успешно защищенной А.И.Таскаевым в 1979 г., и в монографии «Миграция тяжелых естественных радионуклидов в условиях гумидной зоны», ставшей настольной книгой для многих поколений радиоэкологов.

С 1977 по 1984 г. А.И. Таскаев успешно руководил лабораторией радиохимических и радиофизических исследований, а с 1984 по 1988 г. возглавил отдел радиоэкологии. В этот период присущие ему всегда трудолюбие, инициатива и прекрасные организационные качества проявились особенно ярко. А.И.Таскаев развернул активную работу в области радиоэкологии, способствовал развитию новых исследовательских методов и перспективных научных направлений, став одним из ведущих специалистов в этой сфере науки. Проведенные А.И.Таскаевым и возглавлявшимся им коллективом исследования получили широкое признание в отечественном и международном научном сообществе.

Новым этапом в развитии радиационной биологии и радиоэкологии стали чернобыльские события. В период ликвидации последствий аварии на АЭС исследования А.И.Таскаева, разработанные и проверенные им на практике научные методы, его личный опыт оказались особенно востребованными. Он возглавил изучение зоны радиоактивного заражения, руководя штабом от Академии наук СССР. Итог этих работ нельзя преувеличить. Данные проведенных с первых дней аварии широкомасштабных комплексных исследований позволили в сжатые сроки принять аргументированные решения о лечении пострадавших, дать правильный прогноз и разработать мероприятия по ликвидации последствий аварии. Умелая организационная деятельность А.И.Таскаева, высокая результативность исследований и активное личное участие в работах отмечены орденом Мужества.

В 1988 г. А.И. Таскаев возглавил Институт биологии Кomi научного центра АН СССР. На посту директора в полной мере проявились его высокая компетентность, талант ученого и организатора. В трудные для науки годы ему удалось не только сохранить, но и значительно укрепить научный и технический потенциал института, а в последующем превратить Институт биологии в одно из ведущих научных учреждений в стране.

В этот период были реализованы крупные научные программы, ставшие важным вкладом в развитие отечественной и мировой науки. А.И. Таскаев стал инициатором работ по разработке методологии и методики воздействия техногенных загрязнений на окружающую среду. Одним из первых Институт биологии активно включается в мероприятия по ликвидации аварии на нефтепроводе в бассейне р. Колва. Решались и другие сложнейшие экологические проблемы.

Под научным руководством А.И. Таскаева выполнялись республиканские целевые программы «Экология-2005», «Чистая Печора», «Радон» и др., достигнуты крупные успехи в развитии международного научного сотрудничества Института биологии. Он стал одним из инициаторов создания национального парка «Югыд ва». По инициативе А.И.Таскаева в Республике Кomi был впервые основан отдел геоинформационных систем.

Закономерным итогом проведенных работ явился выход в свет многочисленных научных и научно-популярных изданий – «Кадастр особо охраняемых территорий Республики Кomi», «Фауна Европейского Северо-Востока», «Красная книга Республики Кomi», «Леса Республики Кomi» и др., имеющих принципиально важное значение для сохранения природных богатств Севера.

В 2006 г. А.И.Таскаев был избран заместителем председателя Президиума Кomi научного центра УрО РАН. Продолжая руководить институтом биологии, он одновременно с присущей ему энергией воплощал в жизнь планы комплексного развития фундаментальных исследований, координации академической и вузовской науки, активно взаимодействовал с органами государственной власти республики.

Человек разносторонних научных интересов, Анатолий Иванович уделял большое внимание развитию гуманитарных научных исследований в Коми, и, в частности, исторической демографии. Он помогал в проведении всероссийских конференций и симпозиумов по исторической демографии, активно поддержал издание серии сборников статей «Этнодемографические процессы на Севере Евразии» и научного журнала «Историческая демография».

Анатолия Ивановича отличали душевная щедрость, доброжелательность, отзывчивость, внимательное отношение к каждому, тонкое чувство юмора. Он был душой коллектива.

Анатолий Иванович был широко известен в России и за рубежом. Его выдающийся вклад в науку, культуру, экономику, сохранение природных богатств отмечен высокими наградами: орденом Мужества, медалями «За доблестный труд», «За трудовую доблесть», «За охрану природы России», знаком «Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС», Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР, Президиума РАН, Президиума УрО РАН. Он – лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники и Государственной премии Республики Коми в области науки, «Заслуженный эколог Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки Коми АССР».

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи объемом до 0,4 п.л. (до 16 000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековые; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни. В разделе «Научное наследие» планируется публиковать не издававшиеся ранее труды ушедших из жизни ученых.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редакцией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: Ivanov.doc. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – Times New Roman; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный.

Вставка символов – Symbol. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка остается пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более 7 слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, диаграммы необходимо присыпать отдельными файлами. Максимальное количество иллюстраций – 5.

Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми в формате TIFF с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)».

Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1
Численность населения Северного края в 1939 г.

Все графы в головке и боковике таблицы должны быть заполнены текстом.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске), например: «Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.».

Название рисунка и комментарий располагаются под ним, например: «Рис. 2. Источники роста населения Северного края.».

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. Автоматические сноски не допускаются!

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Если есть сокращения, прилагают список с расшифровкой, например:
МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

8. В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью, город (населенный пункт), ученая степень, должность, место работы (без сокращений), служебный адрес, адрес электронной почты, например: Иванов Иван Иванович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнографии Сыктывкарского государственного университета, 167982, г. Сыктывкар, Ленинский проспект, 222, e-mail: ivanov@mail.ru; Петров Петр Петрович (Новосибирск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора демографии Института истории Сибирского отделения РАН, 000000, г. Новосибирск, ул. Академическая, 333, e-mail: ppp21@bk.ru.

Образец оформления:

УДК

И.И.Иванов

Демография

Проблемы демографии....

Ключевые слова: демография, численность населения, миграции...

I.I.Ivanov

Demography

Problems...

Key words: demography, ...

Источники и литература

1. Иванов И.И., Петрова И.Н. Демографическая политика // Социологические исследования, 2006. № 2. С. 15–16.

2. Сидоров В.В. Демография. М.: Дело, 2006. С. 75. (или: 557 с.).

3. О милиции: федеральный закон от 15.12.2005 № 152-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2005. Ст. 575.

4. Волков П. О войне // Красное знамя, 1990. 16 авг.

5. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

6. Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. С. 14.

7. Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета (далее – ПМДЭ РГУ). Информатор И.Р. Пшеничнова, 1926 гр., записана в станице Елизаветинской Азовского района Ростовской области в июле 2003 г.

8. Кремлева С.О. Сетевые сообщества. URL: <http://www.library.by/portalus/modules/psychology> (дата обращения: 11.11.2005).

Редколлегия оставляет за собой право отклонять материалы, не соответствующие указанной тематике или предъявляемым требованиям к оформлению.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Оригинал-макет – Н.К.Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8. Уч.-изд. л. 11,0.
Тираж 100 экз. Заказ № 24 (137).

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36